

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 4
Volume 4 | 2018

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULTS.
SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

Том 4, №4. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 4, № 4. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белград, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское сотрудничество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю.В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmman, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewicz, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Готовкина М. С. Современные сестричества милосердия в системе паллиативной помощи в России: социологический анализ	3	Margarita S. Gotovkina Modern sisters of mercy in the system of palliative care in Russia: a sociological analysis	3
Мансуров В. А., Пронина Е. И., Юрьев П. С. К 60-летию Советской социологической ассоциации / Российского общества социологов (ССА/ РОС)	16	Valeriy A. Mansurov, Elena I. Pronina, Pavel S. Yuryev To the 60 th anniversary of the Soviet Sociological Association/ Russian Society of Sociologists (SSA/RSS)	16
Проказина Н. В., Рожнова Т. М. Бедность в региональном измерении: причины и факторы возникновения	28	Natalya V. Prokazina, Tatyana M. Rozhnova Poverty in the regional social dimension: its causes and factors	28
Шмарион Ю. В., Белокопытова Е. Н. Социальный портрет деловой женщины	38	Yury V. Shmarion, Ekaterina N. Belokopytova A social portrait of a business woman	38
Яницкий О. Н. Малые города России: междисциплинарный анализ	52	Oleg N. Yanitsky Small towns of Russia: an interdisciplinary analysis	52

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИSOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением	65	Vladimir S. Bogdanov, Andrey A. Merzlykov Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population	65
Гусейнова К. Э. Прорывные инновационные проекты как решение проблемы стратегического развития страны	78	Ksenia E. Guseynova Breakthrough innovation projects as a solution to the problems of strategic development of the country	78
Евстифеев Р. В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы	87	Roman V. Evstifeev Public chambers of the subjects of the Russian Federation in the regional system of government: the main problems of functioning and evaluation of the efficiency of work	87
Леньков Р. В. Социальное проектирование как предмет социолого-управленческого дискурса	101	Roman V. Lenkov Social project management as a subject of social and management discourse	101
Петросян А. А. Проблемы реализации демократии в Армении в контексте социально-политического участия женщин и мужчин	113	Astghik A. Petrosyan Problems of implementing democracy in Armenia in the context of the socio-political participation of women and men	113
Тихонов А. В. Проблема реформирования работы властно- управленческой вертикали в регионах РФ с разным уровнем социокультурной модернизации	121	Alexandr V. Tikhonov The problem of reforming the work of the power- management vertical in the regions of the Russian Federation with different levels of socio-cultural modernization	121
Федотова М. А. Системное управление командной работой: эволюция представлений и перспективы развития	137	Marina A. Fedotova System management of team work: evolution of representations and prospects of development	137
Шилова В. А., Быков К. В. Проблема управления сохранением историко- культурного наследия в региональном разрезе	152	Valentina A. Shilova, Kirill V. Bykov The problem of managing the preservation of historical and cultural heritage in the regional contex	152
Щербина В. В. Теоретико-методологические основания рационализации управленческой деятельности: к разработке программы реформирования отечественной системы управления	164	Vyacheslav V. Shcherbina Theoretical and methodological foundations of rationalization of administrative activities: developing a program of reforming the national management system	164

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.334:61

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-1

Готовкина М. С.

Современные сестричества милосердия в системе паллиативной помощи в России: социологический анализ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
gotovkina.rita@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5615-5261>

*Статья поступила 15 октября 2018 г.; Принята 1 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В современном обществе постоянно увеличивается число людей, которым необходима не просто постоянная медицинская, но специализированная социально-медицинская, или паллиативная, помощь. К сожалению, современная система здравоохранения не может в полной мере предоставить такую помощь всем нуждающимся в ней. В этой связи становится особенно актуальным внедрение в социальную практику новых негосударственных институтов, способных удовлетворить сложившийся социальный заказ. Одним из таких субъектов оказания паллиативной помощи являются сестричества милосердия Русской Православной Церкви. Специфика оказания паллиативной помощи сестрами милосердия заключается в комплексном оказании социально-медицинской и духовно-религиозной помощи. Особенно важное значение при работе с инкурабельными больными имеют личностные качества сотрудников служб паллиативной помощи, т.к. их прямой контакт непосредственно влияет на качество жизни больного. В этой связи на основе эмпирических данных нами были определены специфические мировоззренческие характеристики сестер милосердия как малой социальной группы и составлен социальный портрет современных сестер милосердия. Комплекс ценностных ориентаций сестер милосердия представлен различными ценностями. Наиболее важными из них для сестер милосердия являются ценности духовно-религиозного характера.

Ключевые слова: паллиативная помощь; сестричества милосердия; инкурабельные больные; качество жизни; социальный портрет.

Информация для цитирования: Готовкина М. С. Современные сестричества милосердия в системе паллиативной помощи в России: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 3-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-1

Margarita S.
Gotovkina

**Modern sisters of mercy in the system of palliative care in Russia:
a sociological analysis**

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
gotovkina.rita@yandex.ru

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5615-5261>

Received on October 15, 2018; Accepted on December 1, 2018;

Published December 30, 2018

Abstract. In modern society, the number of people who need not just constant medical, but specialized social and medical, or palliative assistance is constantly increasing. Unfortunately, the modern health care system cannot fully provide such assistance to all who need it. In this regard, the introduction of new non-state institutions into the social practice that are able to satisfy the existing social order becomes especially relevant. One of these subjects of palliative care is the sisterhoods of mercy of the Russian Orthodox Church. The specificity of the provision of palliative care by sisters of mercy lies in the comprehensive provision of social, medical and spiritual, and religious assistance. Especially important when working with incurable patients are the personal qualities of employees of palliative care services, because their direct contact directly affects the quality of life of the patient. In this regard, on the basis of empirical data, we have identified some specific ideological characteristics of the sisters of mercy as a small social group and compiled a social portrait of modern sisters of mercy. The complex of value orientations of sisters of mercy is represented by various values. The most important of them for the sisters of mercy are the values of a spiritual and religious nature.

Keywords: palliative care; sisterhoods of mercy; incurable patients; the quality of life; social portrait

Information for citation: Gotovkina, M. S. (2018), "Modern sisters of mercy in the system of palliative care in Russia: a sociological analysis", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 3-15, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-1

Введение (Introduction). В XXI веке человечество столкнулось с проблемой глобального старения населения. В развитых странах мира люди живут дольше, и все большее их число достигает преклонного возраста. Одновременно растет число людей, страдающих онкологическими заболеваниями в терминальной стадии развития и другими формами неизлечимых заболеваний¹. Совокупность данных тен-

денций приводит к постоянному увеличению группы лиц, которым необходима не просто медицинская, но специализированная социально-медицинская, или паллиативная, помощь.

Паллиативная помощь представляет собой комплекс специальных мер, направленных на поддержание качества жизни неизлечимого (инкурабельного) пациента посредством купирования болевого синдрома, с одной стороны, и через оказание социальной, психологической и духовной помощи, с другой (Введенская, 2012: 5). С

¹Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/09/09/2000-tatyana-yakovleva-provela-kruglyy-stol-pobeda-narukom-vyzov-hhi-veka-sotrudnichestvo-rossii-i-yaponii-v-razvitii-meditsinskih-tehnologiy> (дата обращения: 11.09.2018).

yaponii-v-razvitii-meditsinskih-tehnologiy (дата обращения: 11.09.2018).

позиции социологии, паллиативная помощь – это совокупность поведенческих актов (способов поведения), в основе которых лежат ценностно-ориентированные действия, направленные на облегчение страданий тяжелобольных людей. Паллиативная помощь является одной из малоизученных отраслей медицины, тогда как в условиях растущего числа нуждающихся в ней лиц, актуальность исследований в данной области не вызывает сомнения.

Однако, при всей очевидной необходимости изучения и практического развития системы паллиативной помощи в российском обществе в настоящее время ее применение крайне ограничено и не затрагивает большую часть нуждающихся¹. Это происходит, в частности, потому, что в государственной системе здравоохранения Российской Федерации наблюдается значительная нехватка специализированных медико-социальных учреждений по оказанию помощи неизлечимо больным людям, а также персонала, подготовленного для ее оказания. Вместе с тем, сегодня параллельно существуют различные негосударственные институты оказания паллиативной помощи инкурабельным пациентам, среди которых особенно можно выделить Русскую Православную Церковь. Так, в рамках социального направления служения РПЦ существуют особые структуры, во многом ориентированные именно на оказание паллиативной помощи – сестричества милосердия.

Целью данной работы является выявить специфику оказания паллиативной помощи инкурабельным больным сестрами милосердия Русской Православной Церкви.

Методология и методы (Methodology and methods). Проведенное исследование состояло из ряда этапов и включало в себя:

1) Определение информированности населения относительно развития системы

оказания паллиативной помощи инкурабельным больным в современной России. Метод исследования – анкетный опрос. Выборка была сформирована посредством метода основного массива N=624. Опрос проводился в г. Москве, г. Санкт-Петербурге и ряде населенных пунктов Московской и Ленинградской областей. Признаки репрезентации: пол, возраст, место проживания. Дата проведения опроса: ноябрь-декабрь 2012 г. Методы обработки полученных данных – простая и перекрестная группировка. Данные обработаны посредством Системы компьютерного статистического анализа SPSS (Statistical Products and Service Solution).

2) Определение социального портрета современных сестер милосердия (на примере сестричеств г. Москвы). В исследовании было задействовано два метода сбора социологической информации: анонимный анкетный опрос и нарративное интервью. Опрос был осуществлен с помощью разработанного инструментария (анкеты) и применялся для определения наиболее общих черт, характерных для сестер милосердия как социально-профессиональной группы.

Анкетный опрос. Тип выборки: гнездовая N=225. Гнездами являются сестричества милосердия г. Москвы. Количество гнезд 5. Величина гнезда 45. Признаки репрезентации: пол, возраст, сфера занятости. Методы обработки полученных данных анкетного опроса: простая и перекрестная группировка. Данные обработаны посредством Системы компьютерного статистического анализа SPSS (Statistical Products and Service Solution).

Нарративное интервью. Тип выборки: случайная N=47. Выборка была сформирована с помощью процедуры случайного отбора респондентов. Признаки репрезентации: пол, возраст, сфера занятости. Содержание свободных ответов респондентов было зафиксировано посредством аудиозаписи, после расшифровки было подвергнуто стандартной процедуре

¹Совершенствование паллиативной помощи пожилым людям. Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://medpro.ru/node/13170> (дата обращения: 21.09.2018).

обозначающего семантического анализа. Дата проведения опроса: май 2013 года.

3) Комплексное исследование реализации прав пациентов на получение своевременной паллиативной помощи. Метод исследования – формализованного интервью с открытыми вопросами. Тип выборки: целевая N=103. Проведенное исследование является пилотажным и не претендует на репрезентативность. Дата проведения опроса: ноябрь 2013 г. Место проведения опроса: онкологическое отделение и отделение по уходу за больными клинических больниц (г. Москва). Методы обработки полученных данных: ответы респондентов были зафиксированы с помощью аудиозаписи и расшифрованы.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). По определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), паллиативная помощь – это направление медицинской и социальной деятельности для улучшения качества жизни инкурабельных больных и членов их семей¹. Безусловно, цель такой помощи не может быть сведена только к улучшению физического состояния больного. Паллиативная помощь направлена на обеспечение *наивысшего уровня качества* жизни инкурабельного пациента и членов его семьи посредством предупреждения и облегчения их страданий – благодаря раннему выявлению, тщательной оценке и купированию болевого синдрома и других симптомов (физических, психологических и духовных), и поэтому требует решения не только медицинских, но и психологических, социальных проблем, обеспечения возможности духовного умиротворения, принятия смерти как закономерного течения жизни (Новиков, 2018).

Одной из наиболее мучительных и труднопереносимых проблем, не связанных с физической болью, для инкурабельных больных является их социальная изоля-

ция. Именно этот фактор существенно снижает качество их жизни. На основе анализа научной литературы, отечественных и международных законодательных актов, статистического материала, можно сказать, что положение инкурабельных больных и членов их семей достаточно часто приобретает характер социальной эксклюзии, что выражается в неадекватной реализации их социальных прав, а также в состоянии материального неблагополучия исключаемого субъекта (Пузанова, 2011: 83). Система паллиативной помощи призвана решать, в том числе, и такие вопросы.

На основании анонимного анкетирования было установлено, что примерно каждый третий из числа опрошенных респондентов сталкивался с людьми, нуждающимися в паллиативной помощи. При этом значительная часть респондентов испытывала затруднения в интерпретации термина «паллиативная помощь», а сообщали, что знают о существовании паллиативной помощи как отдельного направления медицины, лишь 7,7% опрошенных (рис. 1).

В проведенном исследовании был сделан сравнительный анализ мнений двух групп респондентов. К первой группе относятся те, кто непосредственно принимал участие в оказании помощи инкурабельным больным. Данную группу мы считаем экспертной. Вторая группа респондентов не сталкивалась с уходом за инкурабельными пациентами.

На основе анализа полученных данных можно сказать, что в основном мнения респондентов совпадают. Так, респонденты первой группы главным фактором, способствующим облегчению состояния инкурабельного больного, признают поддержку и заботу родственников больного (97%). Следующим по значимости фактором названа квалифицированная медицинская помощь (89%) и третьим – духовно-религиозная помощь (45%) (рис. 2).

Распределение ответов во второй группе респондентов получилось следующим: на первом месте – забота и поддерж-

¹Паллиативная помощь. Убедительные факты. Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://medpro.ru/node/13170> (дата обращения: 21.05.2018).

ка родственников (89%), на втором – квалифицированная медицинская помощь

(67%), на третьем – новейшие медицинские препараты (55%) (рис. 3).

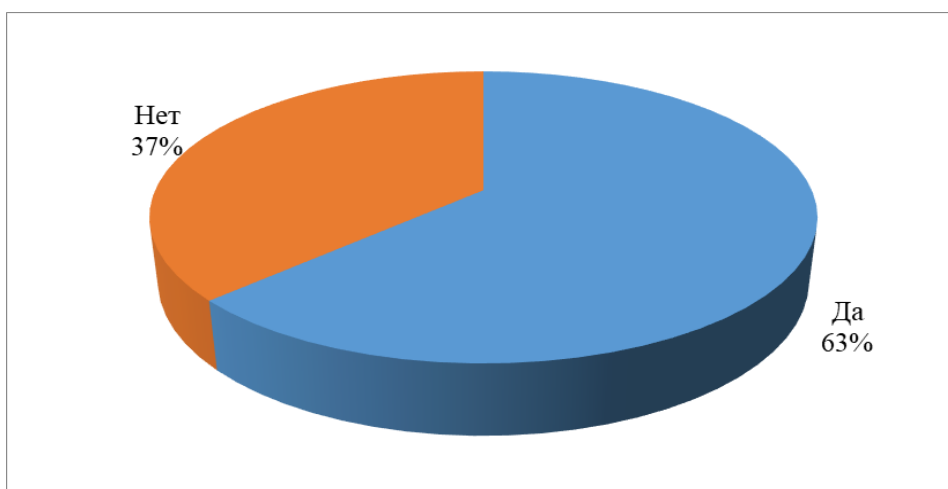

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы или Ваши близкие с оказанием паллиативной помощи?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question “Have you or your relatives experienced palliative care?”

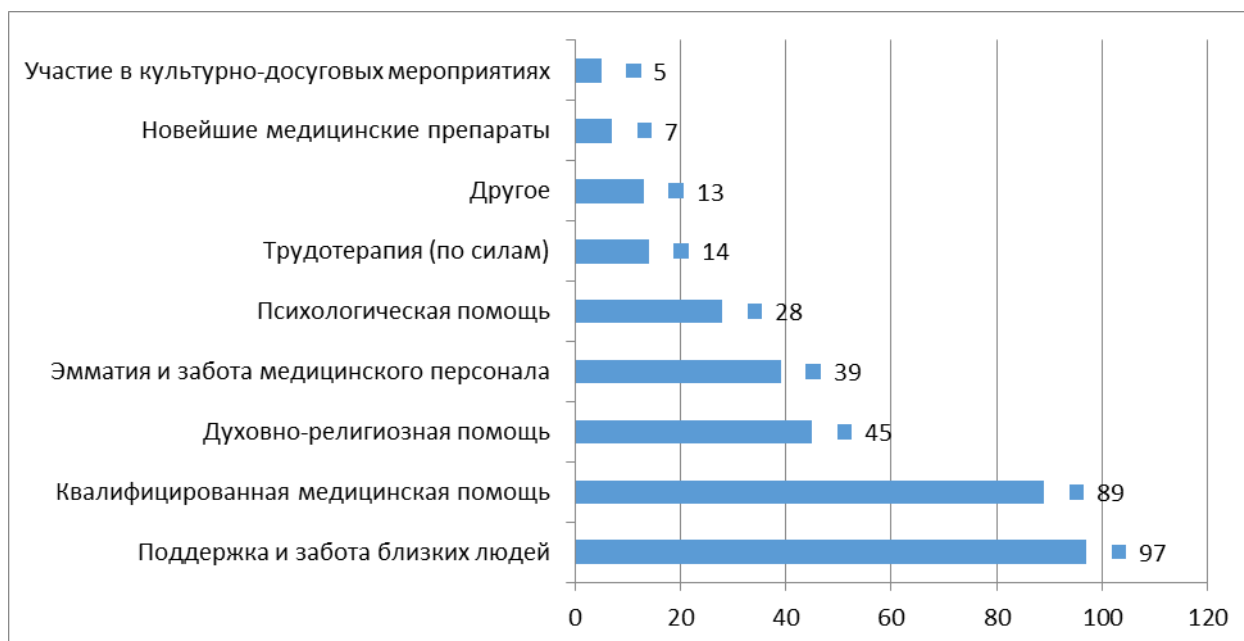

Рис. 2. Факторы способные облегчить состояние инкурабельного больного (по мнению респондентов первой группы)

Fig. 2. Factors able to alleviate the condition of the incurable patient (according to the respondents of the first group)

Рис. 3. Факторы способные облегчить состояние инкурабельного больного (по мнению респондентов второй группы)

Fig. 3. Factors able to alleviate the condition of the incurable patient (according to the respondents of the second group)

Мы можем видеть, что респонденты, не сталкивавшиеся с оказанием паллиативной помощи, наряду с психологическим фактором (поддержка родственников), большее внимание уделяют физическому состоянию больного, тогда как эксперты, также не умаляя психологической составляющей, более склонны отдавать предпочтение духовно-религиозной помощи. Мнение экспертов в данном вопросе более значимо, т.к. именно они в полной мере осознают все трудности ухода за инкурабельным пациентом.

Значение духовной помощи и религиозной веры в жизни тяжело- и безнадежно больных обусловлено тем, что таким пациентам свойственны особые переживания и переоценка фундаментальных ценностей. В терминальный период человека как никогда интересуют вопросы смысла жизни и жизни после смерти. И только духовный ресурс может помочь справиться с безысходностью ситуации при смертельном заболевании. Поэтому духовная помощь в такой ситуации, по крайней мере, так же важна, как и медицинская. Подтверждают это и результаты проведенного социологического исследования. В соответствии с ними, духовно-религиозная по-

мощь входит в тройку значимых факторов, способных облегчить состояние инкурабельного больного.

Подтверждают сделанный вывод и результаты исследования, проведенного методом формализованного интервью в двух отделениях клинических больниц (г. Москва): онкологическом и отделении по уходу за больными. В опросе приняло участие (n=103) респондента. Из них 32% – пациенты онкологического отделения и отделения по уходу, 35% – родственники пациентов и 33% – средний медицинский персонал данных отделений. Средний возраст опрошенных составляет 52 года. Нижняя граница возрастного распределения – 22 года, верхняя – 81 год. Большинство выборки составили женщины – 76% и только 24% респондентов – мужчины.

На основании опроса пациентов и их родственников было выделено две основные группы проблем, значительно снижающих их качество жизни. К первой группе были отнесены социальные проблемы: «огромные очереди» при получении льготных лекарственных средств и медицинской помощи; «перебои» с выдачей обезболивающих препаратов; значительные финансовые трудности, вызванные

покупкой дорогостоящих лекарств; проблемы ухода за нетранспортабельным больным. Вторая группа проблем связана с духовной сферой: прежде всего, состояние постоянного психологического стресса, вызванного экзистенциальными переживаниями, страхом смерти и чувством близкой утраты.

В ходе опроса с обозначенными группами проблем, ухудшающих качество жизни, согласились также медработники онкологического отделения и отделения по уходу за больными.

Большинство опрошенных пациентов (71%) отметило, что духовная жизнь помогает им смотреть на свое состояние «с бóльшей легкостью». Около половины респондентов-больных (46%) стали задумываться о духовно-религиозных ценностях, оказавшись в отделении; 27% больных в связи с болезнью начали вести активную религиозную жизнь.

В исследовании пациенты имели возможность высказывать собственное мнение. Приведем некоторые высказывания.

«Вера, безусловно, помогает пережить болезнь. Только надо действительно искренне верить...» (женщина, 44 года, онкологическое отделение).

«Надо было раньше восстанавливать духовность, человек не может жить, ни во что не веря...» (мужчина, 53 года, онкологическое отделение).

«Вера помогает пережить болезнь. Если ты по-настоящему веришь, то твой организм сам начинает сопротивляться болезни...» (мужчина, 50 лет, отделение по уходу).

Таким образом, становится очевидным, что религиозная вера с присущей ей системой ценностей оказывает умиротворяющее воздействие на пациентов с неизлечимыми заболеваниями.

В этой связи именно оказание своевременной профессиональной комплексной паллиативной помощи (в состав которой входит духовная помощь) способно обеспечить инкурабельным больным и их

родственникам социальную инклюзию (включение) по разным направлениям. Однако, по результатам проведенного социологического опроса, 89% респондентов считают, что профессиональная паллиативная помощь в нашей стране недоступна большинству нуждающихся в ней.

Помимо этого, необходимо отметить имеющиеся в отечественной практике паллиативной помощи несоответствия норм ее организации нормам, принятым в европейских странах, а также ограниченные представления о социальной работе и волонтерской помощи в этой сфере (Эккерт, 2010: 10).

Во многом современные проблемы паллиативной помощи обусловлены отсутствием недостаточной подготовкой специалистов данной области. Для профессиональной работы в системе паллиативной помощи специалист должен не только владеть специфическими знаниями, но и иметь соответствующие представление и специальную подготовку в вопросах смерти, духовности, жизни после смерти и т.д., а также обладать высокими моральными качествами. Между тем, в настоящее время такая подготовка практически не осуществляется (Хетагурова, 2003: 16).

Однако, стоит отметить что оказание паллиативной помощи в нашей стране на профессиональной основе имеет достаточно глубокие корни. Первыми оказывать её стали общины сестер милосердия в сер. XIX – нач. XX вв. Милосердие стало духовной основой этой социальной практики, что нашло отражение в декларируемых уставных документах сестриществ милосердия и в доминирующей мотивации членов общин. Это позволило сформироваться в общественном сознании образу сестры милосердия как специалиста нравственного, самоотверженного, отзывчивого, бескорыстного (Карпычева, 2007: 23).

Современное сестричество милосердия представляет собой благотворительную религиозную организацию со своим уставом, должностными обязанностями, направлениями профессионализации,

формами трудовых отношений.

Первое сестричество милосердия в современный период было создано в начале 1990-х годов на базе Первой Градской больницы г. Москвы. Число сестриществ в РФ постоянно растет: если в 2004 г. их насчитывалось около 40, то к 2013 г. составило 280. Кроме того, новые сестричества появляются не только на территории России, но и в странах ближнего зарубежья (Украине и Белоруссии). Создание сестриществ милосердия наиболее активно ведется в крупных городах, где имеется большое количество государственных медицинских учреждений. В г. Москве их насчитывается 14, в г. Санкт-Петербурге – 4, в г. Екатеринбурге – 5, в г. Калининграде – 7 и т.д. В Белгородской области организованы 2 сестричества милосердия: Марфо-Мариинское (г. Белгород) и сестричество св. блж. Ксении Петербургской (г. Губкин).

Однако в современных условиях трудно говорить о возрождении движения сестер милосердия образца кон. XIX – нач. XX вв. Если сравнить общины сестер милосердия дореволюционного периода и современные сестричества милосердия, то можно отметить, что у этих структур больше различий, чем сходств. Частичное подобие с дореволюционным периодом можно усмотреть только в различных вариантах мотивации сестер (что обуславливает внутреннюю структуру сестриществ), и в том, что руководство в обоих случаях представлено: 1) священником (духовником сестричества) и 2) старшей сестрой. Отличаются друг от друга и сами современные сестричества милосердия: направлениями деятельности, юридическим статусом, количеством членов.

Еще одно важное различие состоит в типе организации современных сестриществ. Если дореволюционные общины представляли собой организации с полумонашеским уставом и строгими требованиями к членам, то современные сестриче-

ства являются волонтерскими объединениями с добровольным участием. Отличаются и объекты сестринской помощи. Если раньше значительная часть труда сестер приходилась на помощь раненым в период боевых действий, то сегодня сестринская помощь в основном направлена на социально незащищенные слои населения в мирное время.

Анализ уставных документов и социальных практик сестриществ милосердия позволяет сделать вывод о том, что деятельность сестер милосердия по уходу за инкурабельными больными охватывает все сферы жизни больного и способствует достижению социально приемлемого уровня качества жизни. Во многом это обусловлено тем фактором, что сами сестры милосердия рассматривают процесс ухода (сестринский процесс) как процесс интеракции, т.е. двустороннего взаимодействия, при котором объект помощи и сестра милосердия получают значимый для них обоим результат. Сестры милосердия пользуются достаточно большим доверием со стороны лиц, непосредственно взаимодействующих с ними (в первую очередь, инкурабельными больными и членами их семей).

В ходе исследования мы попытались сравнить мнения трех групп респондентов. Для этого им был задан вопрос об отношении к медицинской и духовно-просветительской практике сестер милосердия. Результаты исследования приведены ниже (табл. 1). Так, почти единодушную поддержку сестры милосердия заслужили со стороны пациентов (96,7%). Средний медицинский персонал в значительном большинстве (91,5%) также дал высокую оценку работе сестер милосердия в отделении. 89% опрошенных в целом выразили пожелание к дальнейшему развитию взаимодействия сестриществ милосердия и администраций соответствующих ЛПУ (Готовкина, 2015: 169).

Таблица 1

Распределение отношения респондентов
к деятельности сестер милосердия по группам
(в % от числа ответивших; n=103)

Table 1

Distribution of attitudes to the activities of sisters of mercy by groups
(% of the number of respondents; n = 103)

	Как лично Вы относитесь к деятельности сестер милосердия?				
	<i>Положительно</i>	<i>Скорее положительно</i>	<i>Отрицательно</i>	<i>Скорее отрицательно</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Пациенты	96, 7	0	0	1	2,3
Родственники пациентов	57	31	2	0	10
Медицинский персонал	81	9	0	4	4

На основании полученных результатов исследования можно сказать, что институт сестер милосердия пользуется достаточно большим доверием со стороны групп респондентов, непосредственно взаимодействующих с ними. Результаты исследования подтверждают важное психотерапевтическое влияние духовно-религиозной помощи на состояние инкурабельных больных.

Как уже говорилось ранее, одной из существенных преград на пути развития этого вида социально-медицинской помощи является проблема подготовки специализированных кадров. Особенно важно при подборе персонала для работы в учреждениях паллиативной помощи учитывать личностные качества возможных сотрудников, т.к. прямой, живой контакт непосредственно влияет на качество жизни больного. В этой связи особое значение имеет изучение социального портрета сотрудников служб паллиативной помощи. Это необходимо для определения специфических черт данной социальной группы, в том числе их мотивационной структуры профессиональной деятельности и ценностных ориентаций, которые лежат в основе диспозиции помощи инкурабельным больным. Как известно, социальный портрет отражает современное состояние профессии и требования к ее представителям.

В ходе исследования выявлены основные особенности современных сестер милосердия как социально-профессиональной группы. На основе полученных данных установлено, что современная сестра милосердия – это одно- или двухдетная замужняя женщина 40-50 лет, имеющая высшее техническое образование, со средним или низким уровнем материального достатка. Сестрам милосердия как социально-профессиональной группе свойственен высокий уровень идентификации, т.е. отождествления личных целей, с целями своей профессиональной группы. Особенностью поведения высокоидентифицированных специалистов является не просто добросовестное отношение к своим обязанностям, но и готовность ради успешного достижения целей организации поступиться своими личными интересами.

Мотивационная структура паллиативной помощи сестер милосердия – комплексная и включает в себя как духовно-религиозные, так и мотивы нерелигиозной альтруистической направленности (в том числе с реципрокальным оттенком), а, кроме того, профессионально-ориентированные мотивы и материальный расчет. Основная мотивация – внутренняя, т.е. стремление осуществлять деятельность ради самой деятельности.

В ходе исследования нами был опре-

делен рейтинг ценностных ориентаций сестер милосердия. Рейтинг каждой ценности определялся по специальной формуле:

$$R = (a1+a2+a3) / A,$$

где R – рейтинг;

a1 – количество респондентов, отметивших данную ценность как высшую для себя, умноженное на 3;

a2 – количество респондентов, отметивших данную ценность как весьма значимую, умноженную на 2;

a3 – количество респондентов, отметивших данную ценность как значимую при определенных условиях;

A – общее количество респондентов.

Наивысший балл рейтинга – 3,0.

Ценности со значениями от 2,076 до 3,0 относятся к рангу очень высоких; со значениями от 2,01 до 2,75 – к рангу высоких; со значениями от 1,01 до 2,0 – к рангу средних; со значениями от 0,26 до 1,0 – к рангу низких, со значениями от 0,0 до 0,25 – к рангу очень низких.

Ниже приведены наиболее значимые результаты исследования (таблица 2). Проранжировав полученные ответы респондентов, можно увидеть, что первые

пять мест наиболее значимых ценностей занимают: «вера в Бога» (рейтинг 2,40), «любовь к ближнему, готовность помочь ему» (рейтинг 2,24), «жертвенность» (рейтинг 2,16), «честность и порядочность» (рейтинг 2,16), «прощение» (рейтинг 2,16). Это распределение подтверждает гипотезу о влиянии религиозных ценностей на профессиональную мотивацию сестер милосердия. Как известно, ценности высшего порядка формируются на длительное время или навсегда, а, если изменяются, то только под влиянием тяжелых обстоятельств, экстремальных ситуаций. В.А. Ядов полагает, что вершина иерархической системы ценностей может рассматриваться как «жизненный идеал».

Важно отметить, что достаточно высокую оценку получили ценности интернального порядка: «самокритичность» (рейтинг 2,04) и «отсутствие тщеславия» (рейтинг 2,04). Интернальные ценности обозначают уровень субъективного контроля индивида. Соответственно, чем выше значение интернальности, тем более человек склонен считать себя причиной происходящего с ним.

Таблица 2

Рейтинг ценностей сестер милосердия

Table 2

Sisters' of mercy values and their rating

	Ценности	Балл рейтинга	Ранг
1	Вера в Бога	2,40	высокий
2	Любовь к ближнему, готовность помочь ему	2,24	
3	Жертвенность	2,16	
4	Честность и порядочность	2,16	
5	Прощение	2,16	
6	Дружба	2,04	средний, близкий к высокому
7	Самокритичность	2,04	
8	Отсутствие тщеславия	2,04	
9	Творчество	1,96	средний
10	Снисходительность к слабостям других	1,90	
11	Терпимость	1,76	
12	Любовь к Родине	1,7	
13	Любовь между мужчиной и женщиной	1,656	
14	Материальное благополучие	1,6	
15	Любимая работа	1,56	

	Ценности	Балл рейтинга	Ранг
16	Эмоциональная отзывчивость	1,52	
17	Здоровый образ жизни	1,52	
18	Семья	1,48	
19	Уважение к закону	1,488	
20	Жизнерадостность	1,376	
21	Свобода	1, 34	
22	Образование	1,256	<i>средний, близкий к низкому</i>
23	Профессия, карьера	1,24	
24	Независимость	1,2	
25	Умение приспосабливаться к жизни	0,624	<i>низкий</i>
26	Общественная справедливость	0,6	
27	Удовольствия	0,488	
28	Развлечения	0,32	
29	Способность перешагнуть через социальные, моральные нормы ради достижения своих целей	0,056	<i>очень низкий</i>

Наличие данного качества у человека имеет большое значение при оказании паллиативной помощи, свидетельствуя о том, что обладатель способен принимать ответственные решения и нести за них ответственность. Паллиативная помощь – это совершенно особенная область медицины, где очень важно уметь быстро оказать необходимую помощь для купирования болевого синдрома. Для облегчения страданий пациента часто используются наркотические вещества или сильнодействующие психотропные средства, что налагает дополнительную ответственность на специалиста службы паллиативной помощи.

Дополнительным штрихом к социальному портрету сестер милосердия являются ответы на вопрос «Что для вас является наиболее привлекательным в работе с тяжелобольными людьми?». Полученные данные можно сгруппировать следующим образом (рис. 4). По мнению респондентов, наиболее привлекательными для них являются такие варианты ответов: возможность помочь человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию (78%);

творчески работающий коллектив (56%); доброжелательная атмосфера на месте работы (83%); доброжелательные отношения с пациентами (91%).

Подобная совокупность социально-психологических характеристик способствует эффективному оказанию паллиативной помощи сестрами милосердия. Для проверки полученных в ходе анонимного опроса сестер милосердия данных был использован метод формализованного интервью с элементами нарративного анализа, который в полной мере подтвердил полученные в ходе исследования данные. Иными словами, доказано, что формирование ценностной позиции индивида, сопряженной с христианскими добродетелями, способствует эффективной работе в системе паллиативной помощи. Социальный портрет сестер милосердия в достаточной степени комплементарен содержанию и ценностным основаниям деятельности по оказанию помощи неизлечимо больным людям, и в этом качестве имеет позитивное влияние на процесс институционализации паллиативной помощи сестер милосердия.

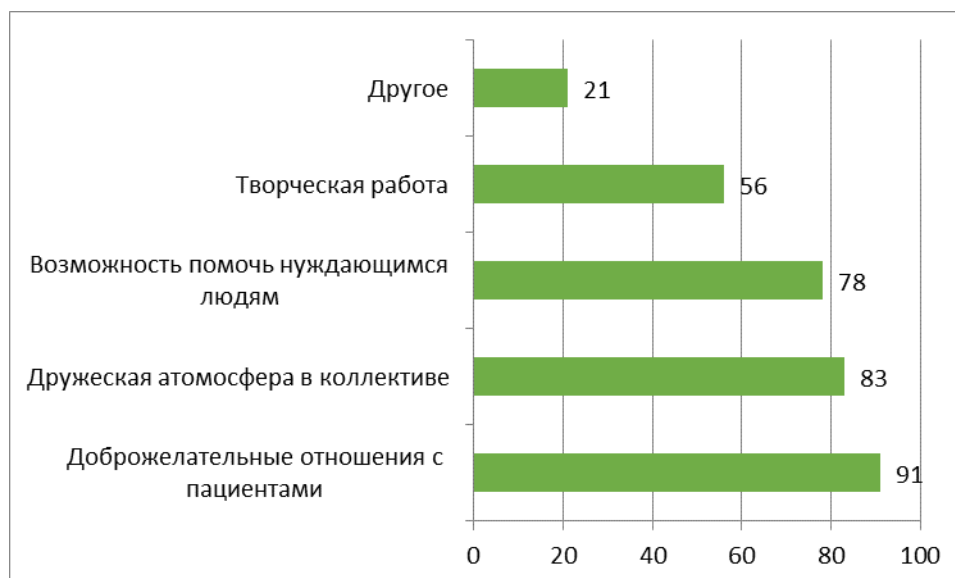

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что для вас является наиболее привлекательным в работе с тяжелобольными людьми?» (в % от числа ответивших; n=225)

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: "What is most attractive for you in working with seriously ill people?" (% of the number of respondents; n = 225)

Заключение (Conclusions). Внедрение в систему паллиативной помощи специалистов, способных оказывать не только социально-медицинскую помощь, но и духовную помощь и поддержку, необходимо современному обществу, так как в заключительный период жизни физиологические потребности индивида часто отступают на второй план, делая первостепенными духовные проблемы и переживания.

Поскольку государственная система здравоохранения не может в полной мере реализовать социальный запрос на оказание паллиативной помощи, включение в данную деятельность негосударственных институтов и, прежде всего, православных сестриществ милосердия, представляется оптимальным способом решения проблемы. Для успешной реализации такой задачи, в свою очередь, необходима продуманная система институционализации паллиативной помощи сестер милосердия. Поэтому в сложившейся ситуации перспективным направлением развития системы паллиативной помощи и эффективным механизмом ее институционализации является социальное партнерство государственных (муниципальных) учрежде-

ний здравоохранения с Русской Православной Церковью в лице сестриществ милосердия.

Специфика оказания паллиативной помощи сестрами милосердия Русской Православной Церкви заключается в комплексном оказании социально-медицинской и духовно-религиозной помощи. Методика оказания паллиативной помощи основана на взаимодействии междисциплинарной группы специалистов. Сестринский процесс в этой связи представляет собой интеграционное взаимодействие двух субъектов: сестры милосердия и пациента. Преимущество такой методики заключается в более широком спектре оказываемых услуг пациенту, что значительно повышает его качество жизни. Междисциплинарность также способствует поддержанию внутригрупповой коммуникации, создает для членов команды возможность работы по индивидуальному гибкому графику. Методика положительно влияет на социальную адаптацию больного, так как формирует чувство включенности в группу, взаимопомощи, защищенности.

На основе эмпирических данных в исследовании нами были определены спе-

цифические мировоззренческие характеристики сестер милосердия как малой социальной группы и составлен социальный портрет современных сестер милосердия. Современная сестра милосердия – это одно- или двухдетная замужняя женщина 40-50 лет, имеющая высшее техническое образование, со средним или низким уровнем материального достатка. Комплекс ценностных ориентаций сестер милосердия представлен различными ценностями. Наиболее важными из них для сестер милосердия являются ценности духовно-религиозного характера.

Сегодня опыт оказания паллиативной помощи сестрами милосердия оказывается востребованным, поскольку произошла деформация системы ценностей среднего медицинского персонала. Особенно остро это противоречие затрагивает систему оказания паллиативной помощи. Подтверждают тезис о наличии социального заказа на ценностно-ориентированную паллиативную помощь сестер милосердия и данные рассматриваемого ранее социологического исследования.

Список литературы

Введенская Е. С. Паллиативная помощь – современное направление общественного здравоохранения. URL: <http://www.simhos.ru/medicine/89-palliative-care.html> (дата обращения: 23.09.2018).

Готовкина М. С. К проблеме социологического анализа паллиативной помощи // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2015. Вып. 32, № 8 (205). С. 169-172.

Карпычева Л. А. Сестры милосердия: история в свете современности. URL: <http://ibif.org.ru/articles/nachalo14/14-08.pdf> (дата обращения: 07.10.2018).

Новиков Г. А. Паллиативная помощь в онкологии – родоначальник паллиативной медицины в здравоохранении. URL: <http://www.painstudy.ru> (дата обращения: 02.09.2018).

Пузанова М. С. Особенности и перспективы развития движения сестер милосердия в современной России // Ученые записки РГСУ. 2011. № 7. С. 83-87.

Хетагурова А. К. Паллиативная помощь: медико-социальные, организационные и этические принципы. М., 2003.

Эккерт Н. В. Научное обоснование организационно-функциональной модели системы паллиативной помощи населению: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2010.

References

Vvedenskaya, E. S. "Palliative care is a modern public health focus" [Online], available at: <http://www.simhos.ru/medicine/89-palliative-care.html> (Accessed 23 September 2018). (In Russian).

Gotovkina, M. S. (2015), "To the problem of sociological analysis of palliative care", *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo»*, 32 (8), 169-172. (In Russian).

Karpycheva, L. A. (2018), "Sisters of Mercy: history in the light of modernity" [Online], available at: <http://ibif.org.ru/articles/nachalo14/14-08.pdf> (Accessed 10 July 2018). (In Russian).

Novikov, G. A. (2018), "Palliative care in oncology – the founder of palliative medicine in health care" [Online], available at: <http://www.painstudy.ru> (Accessed 2 September 2018). (In Russian).

Puzanov, M. S. (2011), "Features and prospects for the development of the movement of sisters of mercy in modern Russia", *Uchenye zapiski RGSU*, 7, 83-87. (In Russian).

Khetagurova, A. K. (2003), *Palliative care: medical and social, organizational and ethical principles*, Moscow, Russia. (In Russian).

Ekkert, N. V. (2010), "Scientific substantiation of the organizational-functional model of the palliative care system for the population", D. Sc. Thesis, medical science, Moscow, Russia. (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Готовкина Маргарита Сергеевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Margarita S. Gotovkina, PhD in Sociology, Senior Lecturer, Belgorod State National Research University.

УДК 316.061

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-2

**Мансуров В. А.¹
Пронина Е. И.²
Юрьев П. С.³**

**К 60-летию Советской социологической ассоциации /
Российского общества социологов (ССА/ РОС)**

- ¹⁾ Российское общество социологов, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
mansurov@isras.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7915-4760>
- ²⁾ Российское общество социологов, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
eipronina@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8985-6117>
- ³⁾ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
pl_yuriev@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-9027-2493>

*Статья поступила 5 ноября 2018 г.; Принята 12 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье анализируется структура и основные направления деятельности Российского общества социологов – правопреемника Советской социологической ассоциации в России и за рубежом, которое в 2018 году отмечает 60-летний юбилей. Среди таких направлений можно выделить изучение общественного мнения и совершенствование на его основе социальной политики, в регионах России, кооперация социологов из различных регионов и поддержка их участия в научных мероприятиях как внутри страны, так и за рубежом, проведение ежегодных конференций и Всероссийских социологических Конгрессов, объединяющих на одной площадке не только социологов, но и других членов российского научного сообщества, а также зарубежных ученых для обсуждения наиболее актуальных проблем российского общества через призму социологической науки. Описывается процедура организации и проведения всероссийских опросов студентов, проводимых Российским обществом социологов, а также приводятся результаты некоторых таких опросов, проведенных за последние годы. Данные опросы могут рассматриваться не только как проявление общественной инициативы членов нашего научного сообщества, но и как важный пример научного взаимодействия членов Российского общества социологов, что заметно повышает вклад каждого из них в развитие социологической науки и повышение ее социальной роли и социально-практической значимости. В заключение статьи выделяются формы деятельности Российского общества социологов, зарекомендовавшие себя как наиболее эффективные и перспективные для достижения его целей и задач.

Ключевые слова: Советская социологическая ассоциация; Российское общество социологов; Региональные отделения РОС; Исследовательские комитеты РОС; исследования РОС; деятельность в МСА и ЕСА.

Информация для цитирования: Мансуров В.А., Пронина Е.И., Юрьев П.С. К 60-летию Советской социологической ассоциации / Российского общества социологов (ССА/ РОС) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 16-27. DOI: 0.18413/2408-9338-2018-4-4-0-2

Valeriy A. Mansurov¹
Elena I. Pronina²
Pavel S. Yuryev³

To the 60th anniversary of the Soviet Sociological Association/
Russian Society of Sociologists (SSA/RSS)

¹⁾ Russian Society of Sociologists, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
mansurov@isras.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7915-4760>

²⁾ Russian Society of Sociologists, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
eipronina@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8985-6117>

³⁾ Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
pl_yuriev@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-9027-2493>

*Received on November 5, 2018; Accepted on December 12, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article describes the structure and main areas of activity of the Russian Society of Sociologists – the successor of the Soviet Sociological Association in Russia and abroad, which in 2018 celebrates its 60th anniversary. Among such areas, we can identify the study of public opinion and the improvement of social policy based on it in the regions of Russia, the cooperation of sociologists from different regions and support of their participation in scientific events both inside the country and abroad, arranging annual conferences and All-Russian Sociological Congresses that unite in one place not only sociologists, but also other members of the Russian scientific community, as well as foreign scientists to discuss the most challenging problems of Russian society through the prism of social science. The authors describe the procedure of organizing and conducting of all-Russian student surveys conducted by the Russian Society of Sociologists and also present the results of some surveys conducted in recent years. These surveys can be considered not only as a public initiative of members of the Russian scientific community, but also as an important example of the scientific cooperation of members of the Russian Society of Sociologists, which significantly increases the contribution of each of them to the development of sociological science and increasing its social role, its social and prac-

tical importance. In conclusion, the authors highlight some forms of activity of the Russian Society of Sociologists, which proved to be the most effective and promising to achieve its goals and objectives.

Keywords: Soviet Sociological Association; Russian Society of Sociologists; Regional Offices of RSS; Research Committees of RSS; researches of RSS; activities in ISA and ESA

Information for citation: Mansurov, V. A., Pronina, E. I., Yuryev, P. S. (2018), "To the 60th anniversary of the Soviet Sociological Association/ Russian Society of Sociologists (SSA/RSS)", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 16-27, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-2

Введение (Introduction). В нынешнем 2018 году ССА-РОС отмечает свой 60-летний юбилей. Начало возрождения или «второго рождения», по мнению некоторых ученых, отечественной социологии приходится на середину 50-х годов. В 1958 году была создана Советская социологическая ассоциация (Председатель Правления – член-корреспондент АН СССР Ю.П. Францев).

Российское общество социологов было организовано как республиканская организация в рамках Советской социологической ассоциации. Учредительный съезд Российского общества социологов прошел в сентябре 1989 года. Первым президентом РОС был избран Н. И. Лапин, Главным ученым секретарем – В. Н. Макаревич.

В 1991 году Российское общество социологов стало самостоятельной организацией, выполняя функции ССА на территории РСФСР, а 22 января 1992 года Советская социологическая ассоциация прекратила свою деятельность в качестве национальной организации Международной Социологической Ассоциации (МСА) и передала свои полномочия в качестве члена МСА и координатора Региональных отделений, действующих на территории России, Российскому обществу социологов. Последующими со-президентами или членами президентского совета РОС были А. К. Зайцев, В. С. Дудченко, Ю. Р. Вишневский и В. А. Ядов. Ученый секретарь – В. А. Малова. С 1997 года по настоящее время президентом РОС является В. А.

Мансуров, Исполнительным вице-президентом – Е. И. Пронина.

В настоящее время в Российском обществе социологов Региональные отделения находятся практически во всех субъектах Российской Федерации. Их возглавляют кандидаты и доктора наук, исследователи и преподаватели социологии и смежных дисциплин. В регионах регулярно проводятся конференции, чтения, семинары, школы молодых ученых и другие научно-организационные мероприятия, в которых принимают участие социологи из разных регионов России.

Заслуженные ученые инициировали создание и возглавляют Исследовательские комитеты РОС, созданные для каждого перспективного и актуального направления исследований.

Сегодня в РОС зарегистрированы 74 Региональных отделения и 38 Исследовательских комитетов.

Методология и методы (Methodology and methods). Российское общество социологов (РОС), правопреемник Советской социологической ассоциации (ССА) АН СССР, опираясь на собственные возможности и резервы, пытается изучать общественное мнение в регионах и, соответственно, оказывать влияние на совершенствование социальной политики, как в отдельных регионах, так и в стране в целом. Среди основных направлений деятельности – привлечение региональных социологов не только через реализацию совместных исследовательских проектов, но и проведение конкурсов студенческих работ среди студентов-социологов, под-

держка их участия в научных мероприятиях как внутри страны, так и за рубежом.

Другим масштабным направлением деятельности РОС является проведение совместно с одним или несколькими Исследовательскими комитетами РОС ежегодных конференций по тематике деятельности Исследовательского комитета (комитетов) задействованного в организации очередной конференции, а раз в четыре года – проведение Всероссийских социологических Конгрессов, объединяющих на одной площадке не только все Региональные отделения и Исследовательские комитеты РОС, но и других членов российского научного сообщества, а также зарубежных социологов для обсуждения наиболее актуальных проблем российского общества через призму социологической науки.

Следующим направлением, которому РОС уделяет значительное внимание – проведение Всероссийских опросов студентов. Так, за последнее десятилетие по инициативе и при непосредственном участии Российского общества социологов было проведено множество Всероссийских исследований. Неизменными вдохновителями и руководителями исследований и дальнейших публикаций являются руководители Региональных отделений и Исследовательских комитетов РОС. Чаще всего исследования носят инициативный характер, к их проведению присоединяются те организации, входящие в РОС, кому предложенная тема того или иного исследования покажется интересной. Объектом большинства Федеральных исследований РОС являются студенты высших учебных заведений России, как авангард молодежи страны, с чьей инициативой и творчеством связано будущее и процветание России. Как правило, преподаватели (члены РОС или сотрудничающие с РОС) организуют опросы на местах, в своих вузах, используя как местные ресурсы, так и организационную и техническую поддержку со стороны РОС (см., например, (Вишневский, 2015а; Вишневский, 2015б; Вишневский, Дулина, Икингрин, 2015) и др.). Как

показывает практика, такие опросы не могут рассматриваться как представительные в полном смысле этого слова. По своей конструкции они ближе к параметрам квотного исследования, в котором объект исследования ограничен некоторыми заданными изначально характеристиками, в данном случае – возрастом и родом занятия. В условиях, когда математические условия репрезентации не соблюдаются, ограничения, которые налагаются на выборку, становятся благом. В сформированной совокупности оказываются респонденты одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенные по всей территории РФ. Данная выборка, как всякая квотная, таит в себе возможность устойчивых искажений, но в большинстве случаев – и это неоднократно доказывалось исследовательскими практиками, – точно воспроизводит характеристики генеральной совокупности (Мансуров, Черныш, 2016: 60). Результаты исследований представлены как в индивидуальных, так и коллективных работах авторов-участников проектов.

Наконец, Российское общество социологов, являясь единственным в нашей стране полноправным коллективным членом Международной и Европейской социологических ассоциаций, не только само активно участвует в мероприятиях МСА и ЕСА, но и оказывает помощь и поддержку индивидуальным российским участникам.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

V Всероссийский социологический Конгресс. Последний на данный момент Всероссийский социологический Конгресс, уже пятый по счету, прошел с 19 по 21 октября 2016 года в Екатеринбурге. Тематика V Всероссийского социологического Конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» является значимой не только для российского общества, но и для мира в целом. Так, XVIII Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации посвятил свою работу теме «Обраща-

ясь к неравному миру: вызовы глобальной социологии» (Йокогама, 2014 г.). Аналогичная проблематика стала основной для 12-й Конференции Европейской социологической ассоциации – «Различия, неравенства и социологическое воображение» (Прага, 2015 г.). Все это свидетельствует о том, что тема неравенства не имеет границ и не зависит напрямую от социально-политического устройства государства. Именно поэтому соорганизаторами V Всероссийского социологического Конгресса выступили не только российские социологические сообщества, но и зарубежные партнеры. Среди них – Международная социологическая ассоциация (МСА), Европейская социологическая ассоциация (ЕСА), а также национальные социологические ассоциации. Тема ВСК-V оказалась близка большому количеству исследователей, причем не только социологам, но и ученым других научных специальностей. Для участия в Конгрессе подали заявки около полутора тысяч человек (1430 заявок, с учетом соавторов – 1550 человек). Поступило 49 заявок от иностранных участников из 11 стран дальнего и ближнего зарубежья. Все материалы, присланные участниками, были опубликованы на одноименном диске. Объем диска составил 11800 страниц (около 500 п.л.). Электронная версия диска размещена на сайте Российского общества социологов. В ходе Конгресса состоялись заседания 17 тематических сессий, 35 научных секций и 29 круглых столов. Обсуждались современные проблемы российского общества; тематика выступлений не всегда была непосредственно связана с темой социального неравенства и социальной справедливости, но обсуждение докладов, как правило, проходило в контексте заявленной темы ВСК-V. Тон и контекст обсуждения, заданные на пленарном заседании, ощущались в работе всех научных подразделений. В общем и целом, на Конгрессе был обсужден широкий круг методологических и практических аспектов изучения различных форм социального неравенства и со-

циальной справедливости (дифференциация доходов, неравный доступ к здравоохранению, образованию, жилью, рынку, неравенство перед законом и т.д.). В Конгрессе активное участие принимала Президент Международной социологической ассоциации Маргарет Абрахам. В частности, на состоявшемся в рамках ВСК-V заседании Школы молодых ученых «Социология в публичном пространстве и доверие общества» она выступила с докладом о проблеме насилия над женщинами в разных странах мира. Ее выступление вызвало большой интерес и отклик у собравшихся молодых ученых.

Маргарет Абрахам отметила важные мероприятия, которые состоялись в ходе работы ВСК-V. Значимыми показателями традиций и инноваций в работе социологического сообщества для нее явились деятельность молодежной группы и открытие мемориала памяти одного из основателей уральской социологической школы Льва Наумовича Когана. Выступая на торжественной встрече-открытии аудитории имени этого видного социолога, М. Абрахам отметила, что сохранение научных национальных традиций, которые так поддерживаются уральскими социологами и социологами других Региональных отделений РОС, имеет важное значение для развития мировой социологии в целом.

По окончании конгресса состоялся очередной 9 отчетно-перевыборный съезд РОС. Выступая с отчетом за период работы между съездами, президент РОС В.А. Мансуров отметил, что работа с молодежью традиционно предшествует каждой конференции, форуму и конгрессу, которые проводит РОС. Ежегодный конкурс публикаций РОС имеет уже более чем 10-летнюю историю. Молодые исследователи принимают активное участие и в этом направлении работы общественной организации. Одним из важнейших направлений деятельности РОС является международное сотрудничество. Начиная с Первого Всероссийского социологического конгресса (в 2000 году), все Всероссийские

социологические конгрессы готовятся и проводятся в тесном контакте с Международной и Европейской социологическими ассоциациями. Продолжает развиваться сотрудничество социологов стран БРИКС, очередная встреча которых прошла в дни Конгресса. Выступая на заключительном пленарном заседании Конгресса, Президент МСА отметила высокий уровень и атмосферу профессионального доверия, характеризовавшие этот форум, а также важность дальнейшего международного сотрудничества в области социологии и науки в целом.

Всероссийские опросы студентов. Остановимся на нескольких самых крупных исследованиях. Начиная с 2005 года (года 60-летия Победы в Великой Отечественной войне) каждые пять лет проводятся исследования, посвященные очередной юбилейной годовщине завершения Великой Отечественной войны и исторической памяти. В процессе мониторинга исследуется трансформация взглядов молодежи на роль и место Победы русского народа в Великой Отечественной, место этой победы в истории страны и мира в целом. Во время первой волны исследования (2005 год) было опрошено более 2000 студентов из разных регионов России, во второй волне проекта (2010 год), проведенной в канун 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, приняли участие уже более 3500 студентов 36 вузов из 15 городов России. При проведении этих исследований опрос проводился исключительно путем заполнения студентами бумажных анкет. При проведении третьей волны исследования (2015 год) использовались как бумажные анкеты, так и Интернет-анкетирование. Совмещение двух подходов к сбору первичной информации в рамках одного общероссийского опроса позволило провести сравнительный анализ эффективности *on-line* и *off-line* методов, что позволяет, в конечном итоге совершенствовать методики сбора первичной социальной информации в ходе изучения общественного мнения.

Кроме того, организаторами исследования было принято решение об анкетировании представителей взрослого населения, желающих принять участие в данном исследовании. Всего в ходе третьей волны исследования было опрошено 4754 человека, из них 4691 – это студенты 53 вузов страны и 63 человека, которые отнесены к статусу «бывший студент». Территория опроса включала около 30 городов практически из всех Федеральных округов страны, кроме Северо-Западного и Крымского округов. Методом раздаточного анкетирования (бумажные анкеты) было опрошено 3358 человек, через Интернет-опрос на CAWI сервере было заполнено 1396 анкет. Обработка полученных результатов проводилась с помощью программного комплекса Vortex (разработчик – Шкурин Д.В., кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина), организация процесса сводки общего массива и первичная обработка собранной в ходе исследования информации выполнена Шкуриным Д. В.

По результатам проведения второй и третьей волны исследования были опубликованы коллективные монографии «Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности» (2011 год, вторая волна) и «Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»» (2015 год, третья волна) под общей редакцией Ю.Р. Вишневого. В данных изданиях не только рассматриваются результаты проведенных волн мониторинга, но и обобщаются многочисленные материалы теоретико-методологических и эмпирических исследований по проблемам исторической памяти, патриотизма и гражданственности. В книгу по результатам третьей волны включены также материалы социологической

секции Международной конференции УрФУ, прошедшей в период проведения исследования, и форума, посвященного 70-летию Великой Победы, а также документы и материалы, присланные на сайт РОС в ходе третьей волны мониторинга. Книжки не раз получали положительные отзывы от организаторов патриотического воспитания молодежи, преподавателей и студентов, в том числе, участвовавших в исследовании, а также тех, кому дорога память о Великой Победе.

Следующим Федеральным исследованием РОС стало исследование «Гражданская культура российского студенчества», проведенное в 2007 году и охватившее 17 вузовских центров страны. По итогам данного исследования была выпущена книга «Гражданская культура современного российского студенчества», под общей редакцией Ю.Р. Вишневого и В.Т. Шапка, в которой в рамках социологического анализа рассматриваются концепции гражданского общества, его социокультурные характеристики, гражданская культура как его личностно-культурное измерение, ее структура и факторы формирования, социологические и культурологические проблемы современной российской студенческой молодежи, организации молодежного движения и особенности работы социальных служб по работе с молодежью.

После состоявшихся в 2014 году в Сочи XXII Зимних Олимпийских и XI Паралимпийских Игр, по их результатам было проведено исследование «Олимпиада и Паралимпиада в мнениях и оценках». Исследование проводилось по инициативе факультета физической культуры и спорта Нижневартковского государственного университета и лично Первого федерального вице-президента РОС Е. Н. Икингина при поддержке Региональных отделений РОС. За время исследования был проведен опрос в 36 городах и 45 учебных заведениях. Всего было опрошено более 2423 человека. В число респондентов вошли школьники, студенты вузов и техникумов, рабо-

тающие, пенсионеры, домохозяйки, непосредственные участники Олимпиады и Паралимпиады в Сочи (таких набралось более 50 человек). Самым молодым респондентам на тот момент было 15 лет, самому старшему – 86 лет. В опросе также приняли участие 4 человека из Алма-Аты (Казахстан) и 1 из Китая.

Традицией РОС стало в преддверии крупных мероприятий, организуемых РОС, проводить также проводить Всероссийские опросы студентов. Например, при подготовке V Всероссийского социологического конгресса (ВСК-V), прошедшего в Екатеринбурге с 19 по 21 октября 2016 года, в качестве главной темы которого была заявлена «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость», было инициировано социологическое исследование федерального уровня «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости». В организации и проведении этого социологического исследования был использован накопленный опыт выполненных ранее федеральных исследований («Гражданская культура российского студенчества», 2007 года, «Студенчество России о Великой Отечественной войне», 2005, 2010, 2015 годов и др.), когда организаторами исследований выступали Региональные отделения РОС. Предмет данного исследования – изучение отношения студентов к проблемам социальной справедливости и социального неравенства в современной России. Всего в 26 городах России (71 вуз) было опрошено 3964 респондента. Метод сбора информации – анкетирование, выполненное с помощью двух техник: традиционный сбор данных методом раздаточного анкетирования по месту учебы (2311 человек, 58% от общего числа опрошенных) и online-опрос (1653 человек, 42%). Обработка полученных результатов производилась программным комплексом Vortex (более подробно о методике сбора и обработки информации в данном исследовании см. (Шкурин, 2016)). По итогам проведенного исследования была выпущена книга

«Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей», в которой обсуждается широкий круг методологических и практических аспектов изучения различных форм социального неравенства и социальной справедливости: дифференциация доходов, неравный доступ к здравоохранению, образованию, жилью, рынку, неравенство перед законом и другие виды неравенства, анализируются эмпирические данные по России в целом и ее отдельным регионам: Свердловской области, Приморскому краю, Тюменской области, ХМАО-Югре, Приволжскому округу, Москве. Представлен взгляд на обозначенную проблему профессиональных социологов, управленцев, занимающихся проблемами социального устройства современной России, научно-педагогических работников высшей школы, студентов и аспирантов (Студенчество России..., 2016).

В 2017 году силами членов РОС было проведено два Всероссийских социологических исследования. Первое из них было посвящено тому, что 2017 год Указом Президента России был объявлен Годом экологии в России. В ходе данного исследования, направленного на отношение студентов к проблемам экологии в России и степени осведомленности о государственной экологической политике России, был опрошен 2651 участник из 13 городов и 46 вузов России. По результатам проведенного опроса планируется издание коллективной монографии под рабочим названием «От экологии Планеты к экологии Человека».

Вторым Федеральным исследованием, начатым РОС в 2017 году, и последним на данный момент, в преддверии грядущего очередного крупнейшего спортивного события в нашей стране стало исследование «Чемпионат мира по футболу-2018 в оценках и мнениях молодежи». В исследовании приняли участие 6282 респондента из 57 учебных заведений 25 городов.

Подводя итог, отметим, что Всероссийские исследования РОС – не только проявление общественной инициативы членов нашего научного сообщества. Не менее значимы эти исследования, особенно – их коллективный характер – и в плане научного взаимодействия членов Российского общества социологов, что заметно повышает их вклад в развитие социологической науки и повышение ее социальной роли и социально-практической значимости.

Участие членов РОС в деятельности Международной и Европейской социологических ассоциаций. К результатам работы РОС в этом направлении можно отнести то, что российские социологи, большая часть которых является членами РОС, широко представлены в руководстве Исследовательских комитетов (МСА) и Исследовательских сетей (ЕСА) и активно участвуют в проводимых ими конференциях, Конгрессах и Форумах. Так, членом Исполкома Международной социологической ассоциации является Е.А. Здравомыслова (Европейский университет в Санкт-Петербурге); Президентом Исследовательского комитета «Социология науки и технологий» (RC23) – Н.А. Ащеулова (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН); вице-президентом Исследовательского комитета «Социология образования» (RC04) – С.А. Шаронова (Российский университет дружбы народов, Москва); вице-президентом Исследовательского комитета «Социотехника – социологические практики» (RC26) – Н.Е. Покровский (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); членом правления Исследовательского комитета «Биография и общество» (RC38) – В.В. Семенова (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва); членом правления Исследовательского комитета «Социология профессиональных групп» (RC52) – Е.Р. Ярская-Смирнова (Национальный ис-

следовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); международным корреспондентом (добровольным) Исследовательского комитета «Социология коммуникации, знания и культуры» (RC14) – О.Г. Ечевская (Новосибирский государственный университет); молодым исследователем Исследовательского комитета «Теория отчуждения и исследования» (RC36) – Е.И. Лыткина (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва).

Последний на данный момент XIX конгресс МСА «Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities» (Toronto, Canada, July 15-21, 2018) собрал 5805 участников, из них из России было 110 участников. В работе XVIII конгресса МСА в 2014 году приняли участие 8964 ученых, из России было 169 участников, из них 15 студентов, а на XVII конгрессе МСА в 2010 году из 5007 участников, из России было 111 участников.

Также МСА проводит социологические форумы. В работе последнего из них (The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World Vienna, Austria, July 10-14, 2016) принял участие 4231 человек, из России – 94 очных участников, всего, включая заочных, участвовало 198 человек.

Европейская социологическая ассоциация (ЕСА) была создана в 1992 году. Нынешним Президентом ЕСА является Sue Scott (University of Edinburgh, Scotland). Членами ЕСА являются 2000 ученых. Из России зарегистрировано 88 индивидуальных членов и Российское общество социологов как национальная ассоциация. Членом Исполкома ЕСА, ответственным за публикационную активность является Е.Н. Данилова (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва); членом правления Исследовательской сети «Биографические перспективы европейских обществ (RN03) – Е.Ю. Рождественская (Национальный исследовательский комитет Высшая школа

экономики, Москва); членом правления Исследовательской сети «Количественные методы» (RN21) – И.Ф. Девятко (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); членом правления Исследовательской сети «Социология трансформаций: Восток и Запад» (RN36) – Ю.А. Прозорова (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Санкт-Петербург); дополнительным членом правления Исследовательской сети «Социология профессий» (RN19) – Р.Н. Абрамов (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); членом консультативного совета Исследовательской сети «Наука и технологии» (RN24) – Н.А. Ащеулова (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН).

Заключение (Conclusions). Подводя итоги, отметим, что члены РОС, проводя исследования, выступая с докладами на международных, всероссийских и региональных конференциях, считают, что именно социологические исследования могут и должны стать научной базой для формирования социальной политики, позволяющей смягчить возрастающие негативные явления в обществе (Зборовский, 2016: 5). На протяжении двух десятков лет Российское общество социологов принимает активное участие в формировании социальной политики страны в отношении различных областей жизни общества. Это неоднократно отмечалось не только управленческими кадрами. Профессиональное сообщество социологов гордится многими эффективными формами работы РОС и своих коллег. По мнению членов РОС, наиболее перспективными и эффективными являются следующие:

1. Проведение ежегодного конкурса публикаций РОС;
2. Выпуск электронного варианта докладов и сообщений российских социологов, желающих принять очное или заочное участие в мероприятиях Международ-

ной и Европейской социологических ассоциаций;

3. Ежегодный конкурс студенческих работ Исследовательского комитета «Социология детства»;

4. Поддержка публикаций молодых ученых в российских и международных изданиях;

5. Проведение «предконгрессовских» школ молодых ученых;

6. Инициативные исследования РОС, проводимые на безвозмездной основе, в которых принимают участие Региональные отделения РОС, расположенные в различных регионах России, служащие совершенствованию социальной политики страны;

7. Проведение региональных и межрегиональных конференций под патронажем РОС, в которых участвуют ученые всей России;

8. Защита прав и свобод членов РОС и профессиональной группы в целом;

9. Поддержка высокого статуса социологических дисциплин и ее преподавания в вузах России;

10. Организация дискуссии о преподавании социологии и мониторинга преподавания дисциплины в вузах России;

11. Создание Совета по этике.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что РОС в результате длительной работы «отладил» определенные методики сотрудничества с регионами. В реализации «РОСовских проектов» участвует большое количество людей на местах: члены РОС (организаторы тех или иных исследований, публикаций, конкурсов, конференций), студенты, молодые ученые (участники конкурсов и конференций), респонденты, журналисты, которые затем освещают результаты исследований РОС в СМИ, и управленцы. Все эти люди приобщаются к осознанию и в той или иной степени решению поставленной тематикой исследования проблемы, что в конечном итоге направлено на совершенствование социальной политики, как в отдельных регионах, так и в стране в целом, доказывая,

что общественное мнение в стране существует, изучается, и по результатам его изучения даются необходимые рекомендации.

В настоящий момент РОС объявил тендер на проведение очередного VI Всероссийского социологического конгресса. Уже поступили первые предложения по месту проведения. На Президиуме РОС 7 февраля 2018 года социологи Нижегородского Регионального отделения РОС предложили в качестве места проведения следующего Всероссийского конгресса Нижний Новгород.

Список литературы

Вишневский, Ю. Р. (а) Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных», Москва, 12-13 марта 2015 г. М.: ВЦИОМ, 2015. С. 450-453.

Вишневский, Ю. Р. (б) Через исследования к доверительному сотрудничеству / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 80-83.

Вишневский Ю. Р., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Социологическое исследование как инструмент проведения грамотной социальной политики // Социальные проблемы и безопасность российских регионов: материалы Второго Байк. науч. социол. симп. / Под общ. ред. О. А. Кармадонова, В. А. Решетникова, С. А. Инкижиновой. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 7-15.

Зборовский Г. Е. Исследование мнений студентов по проблематике V Всероссийского социологического конгресса // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. М.: Российское общество социологов. Екатеринбург: УМЦ УПИ. 2016. С. 5-9.

Мансуров В. А., Черныш М. Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2016. С. 9-96.

Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2016.

Шкурин Д. В. Вопросы методики исследования РОС «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (организация сбора и обработки информации, оценка репрезентативности и качества данных) // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2016. С. 106-120.

References

Vishnevsky, Yu. R., Dulina, N. V., Ikingrin, E. N. and Pronina, E. I. (2015a), "From the experience of organizing and conducting all-Russian sociological polls by the All-Russian Society of Sociologists", *V sotsiologicheskaya Grushinskaya konferentsiya «Bol'shaya sotsiologiya: rasshirenie prostranstva dannyh»* [V Sociological Grushinsky Conference "Big Sociology: Expansion of Space Data"], VTSIOM, Moscow, Russia, 450-453. (In Russian).

Vishnevsky, Yu. R., Dulina, N. V., Ikingrin, E. N. and Pronina, E. I. (2015b), Through research to trusting cooperation, in Vishnevsky, Yu. R. (ed.), *Voyna byla pozavchera... Rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne: Materialy monitoringa «Sovremennoe rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne»* [The War Was the Day Before Yesterday... Russian Students about the Great Patriotic War: Monitoring Materials "Modern Russian Students about the Great Patriotic War"], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, Russia, 80-83. (In Russian).

Vishnevsky, Yu. R., Dulina, N. V. and Ikingrin, E. N. (2015), "Sociological research as a tool for conducting a competent social policy", in Karmadonov, O. A., Reshetnikov, V. A. and Inkinzhinova, S. A. (eds.), *Sotsial'nye problemy i bezopasnost' rossiyskikh regionov: materialy Vtorogo*

Bayk. nauch. sotsiol. simp. [Social Problems and Security of Russian Regions: Materials of the Second Bayk. Scien. Sociol. Simp.], ISU, Irkutsk, Russia, 7-15. (In Russian).

Zborovsky, G. E. (2016), "Studying the opinions of students on the problems of the V all-Russian Sociological Congress", in Vishnevsky, Yu. R. (ed.), *Studenchestvo Rossii o sotsial'nom neravenstve i sotsial'noy spravedlivosti: sbornik nauchnykh statey* [Students of Russia on Social Inequality and Social Justice: a Collection of Scientific Articles], Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, UMTS UPI, Moscow, Ekaterinburg, Russia, 5-9. (In Russian).

Mansurov, V. A. and Chernysh, M. F. (2016), "Social justice: theoretical and empirical aspects", in Vishnevsky, Yu. R. (ed.), *Studenchestvo Rossii o sotsial'nom neravenstve i sotsial'noy spravedlivosti: sbornik nauchnykh statey* [Students of Russia on Social Inequality and Social Justice: a Collection of Scientific Articles], Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, UMTS UPI, Moscow, Ekaterinburg, Russia, 9-96. (In Russian).

Vishnevsky, Yu. R. (2016), *Studenchestvo Rossii o sotsial'nom neravenstve i sotsial'noy spravedlivosti: sbornik nauchnykh statey* [Students of Russia on Social Inequality and Social Justice: a Collection of Scientific Articles], Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, UMTS UPI, Moscow, Ekaterinburg, Russia, (In Russian).

Shkurin, D. V. (2016), "Questions of the methodology of the ROS study "Studentship on social inequality and social justice" (organization of data collection and processing, assessment of representativeness and data quality)", in Vishnevsky, Yu. R. (ed.), *Studenchestvo Rossii o sotsial'nom neravenstve i sotsial'noy spravedlivosti: sbornik nauchnykh statey* [Students of Russia on Social Inequality and Social Justice: a Collection of Scientific Articles], Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, UMTS UPI, Moscow, Ekaterinburg, Russia, 106-120. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Мансуров Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, Президент Российского общества социологов, главный научный сотрудник Федерального научно-

исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Пронина Елена Ивановна, исполнительный вице-президент Российского общества социологов, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Юрьев Павел Сергеевич, младший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Valeriy A. Mansurov, Doctor of Philosophical Science, Professor, President of the Russian Society of Sociologists, Chief Researcher of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Elena I. Pronina, Executive Vice President of the Russian Society of Sociologists, Senior Researcher of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Pavel S. Yuryev, Junior Researcher of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

УДК 316.334.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-3

Проказина Н. В.¹
Рожнова Т. М.²

**Бедность в региональном измерении:
причины и факторы возникновения**

¹⁾ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Среднерусский институт управления – филиал
ул. Бульвар Победы, 5А, Орел, 302028, Россия
nvprokazina@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1677-5324>

²⁾ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Среднерусский институт управления – филиал
ул. Бульвар Победы, 5А, Орел, 302028, Россия
rozhnova97@bk.ru

*Статья поступила 21 октября 2018 г.; Принята 1 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного с целью выявления причин и факторов возникновения бедности. Анализ причин и факторов возникновения бедности проведен как на теоретическом, так и эмпирическом уровне. Представлен теоретический обзор понятия «бедность». Выделены и описаны основные концептуальные подходы к определению феномена бедности: абсолютный, относительный, субъективный. Рассмотрены стратификационный и социокультурный подходы к измерению уровня бедности. Результаты авторского социологического исследования позволили определить ряд причин и факторов, обуславливающих возникновение бедности на региональном уровне. Выявлено, что в сознании населения присутствует устойчивое представление о причинах бедности. Описаны причины возникновения бедности и меры по их сокращению. Отмечено, что жители города Орла имеют четкие представления, как о «черте бедности», так и о конкретных ее факторах. Отмечен доминирующий фактор возникновения бедности, по мнению опрошенных. Определено влияние политического, демографического, образовательно-квалификационного, социально-медицинского и регионально-географического факторов на возникновение бедности. Выделены основные признаки бедно живущего человека в сознании жителей города Орла. По результатам социологического исследования составлен портрет «бедного человека» в региональном измерении. По результатам социологического исследования предложены рекомендации для сокращения причин и факторов возникновения бедности.

Ключевые слова: бедность; причины бедности; факторы бедности; региональное сознание; регион.

Информация для цитирования: Проказина Н. В., Рожнова Т. М. Бедность в региональном измерении: причины и факторы возникновения // Научный ре-

зультат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 28-37. DOI:
10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-3

Natalya V. Prokazina¹
Tatyana M. Rozhnova²

Poverty in the regional social dimension: its causes and factors

¹⁾ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Branch of the Central Russian Institute of Management
5A Pobedy Blvd., Oryol, 302028, Russia
nvprokazina@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1677-5324>

²⁾ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Branch of the Central Russian Institute of Management
5A Pobedy Blvd., Oryol, 302028, Russia
rozhnova97@bk.ru

*Received on October 21, 2018; Accepted on December 1, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted to identify the causes and factors of poverty. The analysis of the causes and factors of poverty has been carried out at both theoretical and empirical levels. The authors provide a theoretical review of the concept of "poverty", identify and describe the following basic conceptual approaches to the definition of the poverty phenomenon: absolute, relative, subjective. The article also considers the stratification and socio-cultural approaches to poverty measurement. The results of the authors' sociological research allowed to determine a number of causes and factors causing poverty at the regional level. It is revealed that in the consciousness of the population, there is a stable understanding of the causes of poverty. The causes of poverty and measures to reduce them are described. It is noted that residents of the city of Orel have a clear idea of both the "poverty line" and its specific factors. The dominant factor of poverty occurrence, according to the respondents, is noted. The influence of political, demographic, educational-qualification, social-medical, and regional-geographical factors on the emergence of poverty is determined. The main signs of poor living in the consciousness of the inhabitants of the city of Oryol were identified. According to the results of the sociological study, a portrait of a "poor man" in the regional dimension was made. According to the results of the sociological research, recommendations for reducing the causes and factors of poverty are proposed.

Keywords: poverty; causes of poverty; factors of poverty; regional consciousness; region

Information for citation: Prokazina, N. V. and Rozhnova, T. M. (2018), "Poverty in the regional social dimension: its causes and factors", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 28-37, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-3

Введение (Introduction). Слова Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина о том, что Россия – богатая страна бедных людей и о том, но

масштабы бедности «просто унижительны», заставляют задуматься о причинах и факторах возникновения бедности. Бедность и избыточное социальное неравен-

ство населения представляют собой опасные факторы и реальную угрозу социальной стабильности общества.

В процессе трансформаций за чертой прожиточного минимума осталась большая часть населения, что значительно повлияло на увеличение смертности и уменьшение рождаемости, а также на распад семей. Самое большое негативное влияние проблем бедности сказывается на здоровье населения, уровне образования и культуре граждан, на их развитии и воспитании, кроме того, бедность значительно уменьшает социализацию и нравственность (Беляева, 2006: 54).

На сегодняшний день актуальным становится изучение причин и факторов возникновения бедности в региональном масштабе. Так, например, для большинства регионов Российской Федерации характерен общий портрет бедного человека – это занятый в экономике человек, а также находящийся в трудоспособном возрасте. Преобладание среди бедных работающих связано с тем, что в нашей стране огромное число людей получают зарплату в два-три раза ниже средней (Сергиенко, 2014: 295).

Осознание важности проблемы изучения причин и факторов бедности, необходимости их объективной, комплексной оценки и формирования эффективной политики преодоления бедности обосновывает актуальность данной темы.

Методология и методы (Methodology and methods). Прежде, чем приступить к изучению причин и факторов возникновения бедности в общественном сознании, разберем само понятие «бедность».

Существует множество попыток определения бедности, но все исследователи едины во мнении, что понятие это исторически сложившееся и многофакторное. Можно предположить, что бедность – это ситуация постоянной нехватки необходимых ресурсов, приводящих к снижению уровня и качества жизни населения (Гусева, 2015: 36).

Основным условием отнесения человека к категории бедных является отсутствие необходимых благ. Необходимо отметить, что если человек данный образ жизни выбрал добровольно, то он не относится к категории бедных.

Основы предпосылок подробного изучения проблемы бедности были заложены еще в XVIII в. Так, Г. Спенсер, Ф. Гиддингс, П. Ж. Прудон рассматривали бедность как полезное и естественное явление. По их мнению, движущими силами развития общества являлись неравенство и исходящая из него бедность. В своей работе «Социальная статика» Г. Спенсер отмечал бедность и неравенство закономерными явлениями, возникшими вместе с ростом общественного производства, которые невозможно ликвидировать.

Стоит отметить, что в современной литературе на сегодняшний день существует три основных концептуальных подхода к определению феномена бедности, каждый из которых имеет свою методологию изучения бедности (Овчарова, 2009: 47).

Абсолютный подход получил свое развитие в трудах английских социологов С. Б. Раунтри и Ч. Бута. Социологи занимались практическим изучением условий жизни социальных слоев и считали бедность негативным последствием эволюции. Так, например, Ч. Бут пытался выявить социально обусловленные показатели бедности, такие, как уровень дохода, удовлетворение основных потребностей, правила и установки, которые необходимы для поддержания работоспособности.

Согласно концепции абсолютной бедности, к бедным относятся граждане (семьи), которые не могут удовлетворить даже базовые потребности из-за отсутствия денежных ресурсов. Соответственно, бедными считаются те, кто по математическим подсчетам оказываются ниже черты бедности (а именно, те граждане, у которых доходы меньше стоимости минимальной потребительской корзины, подсчитанной по определенным правилам, основу

которых заложил Б. Раунтри) (Каира, 2006: 21).

Данный подход применяется с целью установления наиболее уязвимых групп общества еще с советских времен. Исследование бедности необходимо, в первую очередь для того, чтобы скорректировать механизмы социальной поддержки и защиты, которые позволяют уязвимым социальным группам реализовать свое право на приемлемый уровень жизни (Климова, 2015: 4).

В научной литературе обсуждались различные виды потребительских бюджетов, такие как физиологический минимум, прожиточный минимум, минимальный потребительский бюджет и бюджет высокого достатка (Слободенюк, 2014: 11).

Концепция абсолютной бедности в своей монетарной форме господствовала долгое время. Однако постепенно фактическим отрицанием данного подхода стала выступать теория А. Сена, который рассматривал бедность как недостаток возможностей у индивида. Недостаточность возможностей зависит не столько от нехватки денежных средств, сколько от социальных ограничений, личностного, культурного и человеческого капитала. Таким образом, ученым был предложен показатель черты бедности, опирающийся не только на материальные, но и нематериальные характеристики индивида. Необходимо отметить, что сегодня немонетарная концепция абсолютной бедности недостаточно развита для применения ее в эмпирических исследованиях (Салова, 2015: 165).

Родоначальником *относительного подхода* к определению феномена бедности стал английский социолог П. Таунсенд. Основное отличие данного подхода состоит в соотнесении уровня жизни индивида с тем уровнем жизни, который характерен для большинства представителей в данном обществе (Колесник, 2017: 131).

Данный подход подразумевает не столько недостаток средств для удовлетворения базовых потребностей граждани-

на, сколько то, что материальных средств больше у соседа, чем у данного индивида.

В социологии под понятием относительная бедность понимается состояние, при котором индивид получает доход ниже среднего не зависимо от того, может ли он удовлетворить базовые потребности или нет. Граница такой концепции показывает, насколько гражданин или семья бедны относительно выбранным стандартам жизни тех групп, которые обладают наибольшим достатком. Таким образом, объектом измерения, согласно концепции относительной бедности, выступает население с доходами ниже среднего уровня (Кашарная, Каримова, 2013: 137).

Субъективный подход к измерению уровня бедности определяется на основе собственных оценок респондентов своего материального положения.

Существуют и другие подходы к измерению уровня бедности. Так, с точки зрения *стратификационного подхода* (М. Вебер, Э. Гидденс и др.) бедность рассматривается как одно из проявлений социального неравенства в обществе, деление социальных слоев по уровню доходов и образу жизни, по наличию или отсутствию привилегий.

Согласно *социокультурному подходу* в основе бедности лежит культура, которая свойственна незащищенным слоям населения. Занимаясь изучением бедности, Н. Латова рассматривает культуру феномена бедности, где источником бедности людей выступает поведение и установки самого индивида, т.е. бедняки сами виноваты в своей бедности.

Как известно, в настоящее время значительная часть населения регионов находится за чертой бедности или близко к границе «социального дна». Это особенно заметно на фоне сильного расслоения, когда разница в доходах бедных и богатых составляет десятки, сотни и тысячи раз. Порою в экологически опасных масштабах возрастает потребление, а все это может быть связано с ростом производства, ростом доходов, увеличение количества про-

изведённых продуктов питания, одежды, всех товаров, потребляемых и используемых человечеством.

Внимание к проблеме изучения причин и факторов возникновения бедности в региональном общественном сознании обусловлено, и тем, что сама по себе бедность является негативным фактором, который снижает уровень и качество жизни населения в целом (Рожнова, 2017: 283).

Так проблема бедности, с одной стороны, зависит напрямую от объективных факторов, которые в свою очередь объединяют безработицу, низкую заработную плату, состояние здоровья и многое другое. С другой стороны, зависит от субъективных факторов, таких как лень, алкоголизм, наркомания, отсутствие необходимого образования и рядом других причин, связанных с нежеланием отдельно взятого человека усердно работать над собой для улучшения собственного благосостояния (Богданова, 2015: 69).

Для исследования феномена бедности в региональном общественном сознании была поставлена задача определения причин и факторов возникновения бедности в представлении жителей города Орла в возрасте от 18 лет и старше. Объем генеральной совокупности – 425039 жителей города Орла в возрасте от 18 лет и старше. Объем выборочной совокупности составил 400 респондентов. Исследование проведено в мае-июне 2018 года.

Изучение причин и факторов бедности в сознании жителей города Орла происходило по следующим характеристикам (Юданова, 2015: 60):

- факторы возникновения бедности;
- ступени депривации;
- причины феномена бедности.

Обработка первичной эмпирической информации – выполнена с использованием программы IBM SPSS Statistics Версия 23.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

В ходе проведенного социологического исследования подавляющее боль-

шинство жителей города Орла (58,6%) отмечает, что проблема бедности в России никак не решается и число бедных продолжает увеличиваться. Около трети опрошенных (26,8%) считают, что проблема бедности имеет место быть, но она постепенно решается. Однако необходимо отметить, что 14,8% респондентов полагают, что бедность не является проблемой и ее уровень не настолько высок.

Определение феномена бедности. Феномен бедности имеет множество представлений. Бедных можно представить с нескольких позиций, во-первых, как членов общества с относительно низкими доходами, во-вторых, как граждан, не имеющих достаточных ресурсов к существованию и, в-третьих, как просто не приспособленных к жизни людей. Так, с целью определения феномена бедности в российском общественном сознании респондентам был задан открытый вопрос, о том, что они подразумевают под понятием «бедность». Большинство опрошенных называют бедными людей, которые с трудом могут приобрести все самое необходимое для нормального существования из-за низкой заработной платы и высоких цен (80,2%). Около 7% опрошенных под бедностью понимают низкий уровень жизни, а 5% – отсутствие работы. В то же время около 5% респондентов подразумевают под понятием бедность человеческую лень. Также были отмечены такие варианты ответов, которые характеризуют понятие «бедности» как «душевное состояние человека», «проблема государства», «семейные несчастья». Можно сделать вывод о том, что в основном население под бедностью понимает, прежде всего, состояние, при котором человеку не хватает денежных средств для нормального существования.

На закрытый вопрос о то, что такое бедность были получены похожие результаты. Так, большинство опрошенных (30,5%) под бедностью понимают низкий уровень финансового обеспечения, 15,3% – ситуацию, когда страшно жить, а

14,8% – когда появляется много испытаний, которые нужно терпеть и преодолевать. Кроме того, каждый седьмой опрошенный склонен полагать, что бедность это прежде всего дискомфорт. Стоит отметить, что около 10% респондентов рассматривают бедность как положение, в которое попадает человек по собственной вине.

Причины возникновения бедности.

Феномен бедности является следствием разнообразных причин, которые в свою очередь могут объединять различные группы населения. Так, для жителей города Орла основными причинами, определяющими проблемы бедности, являются низкая заработная плата/пенсии (82,8%), высокие цены и налоги (55,1%), безработица (44,3%). Данные проблемы остро воспринимаются теми, кто оценивает свое материальное положение как среднее или плохое. Преодолев выделенные причины бедности можно хотя бы частично добиться снижения ее уровня. Стоит выделить и ту группу людей, которая считает, что причинами бедности выступает коррупция (22,9%) и социальное неравенство (18,6%). Так же, еще одной причиной, выступает лень, неприспособленность к жизни (23,3%). Необходимо отметить, что перечисленные причины влияют на долю бедных в общей численности населения. И в связи с этим в составе бедных могут оказаться семьи с работающими родителями и несовершеннолетними детьми.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что бедность является следствием низкооплачиваемых рабочих мест, безработицы, высоких цен и налогов, а также неприспособленности отдельно взятых людей к жизни.

Факторы возникновения бедности.

Сегодня распространению бедности способствует целый ряд факторов, которые можно подразделить на две большие группы. Первая группа объективные факторы ориентирована на поиск внешних причин к ним относятся экономические, политические, социально-медицинские и регио-

нально-географические. Для второй группы факторов характерен ориентир на субъективные трактовки, здесь можно выделить такие факторы, как демографические и образовательно-квалификационные. В ходе проведенного исследования было выявлено, что для большинства опрошенных (79%) основой возникновения бедности выступает экономический фактор. Это связано с тем, что он несет в себе величину реальных доходов, их структуру и динамику, безработицу, неразвитую инфраструктуру, большое количество недостаточно оплачиваемых рабочих мест, неконкурентоспособность отраслей, существование низкооплачиваемых рабочих мест, наличие неквалифицированного персонала, сохранение не востребованных предприятий. Необходимо учитывать, что незначительный отрыв от экономического фактора имеют такие объективные факторы, как политические (62%) и социально-медицинские (61,3%). В представлении респондентов субъективные факторы имеют наименьшее влияние (образовательно-квалификационный – 58,8%, демографический – 53,7%). Представленные данные могут свидетельствовать о том, что экономический фактор имеет переплетения с другими факторами возникновения бедности.

Ступени депривации. В настоящее время граждане, которые не могут поддерживать допустимый стандарт образа жизни, относительно депривированы. Депривация – это полное или частичное лишение чего-либо.

Таким образом, качественные параметры жизни бедных можно оценить с помощью различного рода лишений. Так, почти каждый пятый (19,5%) житель города Орла испытывает лишения, проявляющиеся в некачественном питании, недостатке одежды и обуви. В то же время 10% опрошенных испытывают недостаток средств на любимые деликатесы. И только 8% отмечают экономию на дорогих предметах длительного пользования и платных услугах. Однако для 5% опрошенных ресурсов

не хватает даже на нормальное питание. Следовательно, доминирующей ступенью депривации среди опрошенных выступает острая нужда.

Как известно, на сегодняшний день актуальным для человека является удовлетворенность или неудовлетворенность своим материальным благосостоянием. Так, по данным опроса было выявлено, что более половины респондентов (56%) не считают свое материальное положение плохим и не причисляют себя и свою семью к бедным. Однако почти каждый второй опрошенный (44%) считает себя и свою семью бедными.

Тревожной остается ситуация, связанная с тем, что более половины опрошенных в возрасте от 30 до 55(59) лет относят себя и свою семью к группе бедных. Следовательно, они по различным причинам и обстоятельствам не могут позволить себе возможность удовлетворить свои минимальные потребности.

При анализе отличий бедных семей от среднеобеспеченных, были выявлены следующие представления о признаках бедности. Так, на первом месте, по мнению жителей города Орла, стоит отсутствие комфортных жилищных условий (85,3%); затем – ограничение возможностей для проведения досуга и отпуска (81,3), приобретение некачественных товаров индивидуального пользования (79,3%), недоступность платного образования (77,8%), характер питания (76,1%) и медицинское обслуживание (71,8%) (см. Приложение В, табл. В.16). Таким образом, в массовом сознании жителей города Орла прослеживается четкая картина бедного гражданина, испытывающего разного рода лишения.

Далее ставилась задача определить, какая семья, по мнению жителей города Орла, относится к разряду бедных. В ходе опроса было выявлено, что бедной жители считают семью, с доходами в среднем ниже 15374,62 руб. Необходимо отметить, что официально в городе Орле бедными считаются люди с доходом ниже прожи-

точного минимума, который на I квартал 2018 года составляет 9228 рублей в месяц.

Бедные и среднеобеспеченные респонденты по-разному оценивают перспективы своего материального положения. Так, бедные чаще всего склонны ожидать ухудшения своего материального положения, чем его улучшение, что в значительной степени отличает их от среднеобеспеченных.

Отношение к бедным. В современной России прослеживается не лучшее отношение к бедным. Так, если говорить об отношении жителей города Орла к бедным, то большинство опрошенных (45,5%) относятся к бедным слоям положительно. В тоже время, другая половина опрошенных относятся к бедным нейтрально и не выделяют их как отдельную категорию, заслуживающих какого-то особого отношения (38%). Еще 13,3% к ним безразличны. И хотя негативно относятся к ним немногие (3%), такое отношение к бедным связано с тем, что бедность часто ассоциируется в общественном сознании с наркоманией, пьянством, ленью и прочими пороками.

Несмотря на присутствие негативного отношения к бедным среди населения города Орла, почти все опрошенные (96,5%) не изменили бы своего отношения к человеку из их окружения, если бы он оказался в бедном слое населения. Причем почти каждый второй респондент (42,5%) постарался бы оказать поддержку и помощь такому человеку.

Согласно полученным данным исследования, 41% опрошенных оценивают свое материальное положение как среднее. Однако 8,3% респондентов считают, что их материальное положение значительно ниже среднего уровня. Стоит отметить, что больше половины (60,6%) девушек оценивают свое материальное положение ниже среднего уровня, а большинство юношей (59,5%) рассматривают свое материальное благополучие как выше среднего.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выявлены разнообраз-

ные причины и факторы возникновения бедности. Однако помимо основных характеристик, которые определяют положение человека в обществе, оказывают влияния социально-демографические особенности индивида.

Следует отметить и такой фактор риска бедности как количество детей. Домохозяйства с разным количеством детей примерно одинаково рискуют попасть в группу бедных: семьи, не имеющие детей, являются бедными в меньших случаях, чем семьи с детьми.

Заключение (Conclusions). Результаты проведенного социологического исследования показывают, что более половины опрошенных (76%) на протяжении своей жизни ощущали себя бедными. Однако в данный момент считают себя и свою семью бедными 44% опрошенных. В целом отношение к бедным носит положительный характер, однако респонденты отмечают, и нежелание отдельного человека усердно работать над собой, т.е. реализовывать потенциал личности. Чаще всего негативное отношение к бедным отмечают респонденты, которые не были знакомы с проблемой бедности. Несмотря на это почти каждый второй гражданин готов оказать помощь бедным слоям населения. Одним из главных факторов, который отрицательно влияет на увеличение числа бедных, выступает экономический. Данный фактор отмечают большинство опрошенных. Важно отметить, что население указывает такие основные причины бедности, как низкая заработная плата/пенсии, высокие цены и налоги, безработица и лень.

На основании проведенного социологического исследования можно предложить ряд рекомендаций для сокращения причин и факторов возникновения бедности:

- снижение чрезмерной дифференциации в оплате труда;
- общедоступность обучения и переобучения групп населения с низкими доходами;

- обеспечение гарантированного уровня доходов для трудоспособных;
- проведение различных видов тренингов, которые помогут подрастающему поколению в бедных семьях сформировать представление о том, как можно добиться более высокого положения в обществе.

Для решения всех этих задач необходимо совершенствовать существующие и создавать новые программы на федеральном и региональном уровнях, которые позволят снизить уровень бедности.

Список литературы

- Беляева Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 52-62.
- Богданова В. П. Факторы российской бедности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 67-72.
- Гусева М. С., Широкая О. С. Теоретико-методологические основы измерения региональной бедности // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 6 (104). С. 34-41.
- Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 92-93.
- Каира Ю. В. Бедность как фактор социальной ответственности безработных в современном российском обществе: автореф. ... дис. канд. социол. наук. Тула, 2006.
- Каира Ю. В., Кузнецов Д. Н. Анализ основных направлений государственного регулирования снижения уровня бедности в России // Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 87-92.
- Климова Н. В. Бедность в России и пути ее преодоления // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 100 (06). С. 1-11.
- Колесник Е. Г. Концептуальные подходы к измерению бедности // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке: сб. науч. Статей XXXVIII научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам научно-исследовательской деятельности университета за 2015 год, СПбГЭУ, 01 марта-30 апреля 2016 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 128-132.

Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Основные подходы к измерению уровня бедности в современной России // *Общественные науки. Социология*. 2013. № 3. С. 132-139.

Литинская Е. Ю. Генезис основных теорий бедности // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2016. № 3. С. 74-77.

Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009.

Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь. М., 2000.

Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения (социальное дно) // *Социологические исследования*. 2014. № 4. С. 33-44.

Рожнова Т. М. Проблемы бедности как социального явления // *Современные проблемы регионалистики: сб. науч. статей III-и Мерцаловские чтения, Орёл, 20 июня 2017 г. Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС*, 2017. С. 282-285.

Салова А. И. Методические подходы к оценке уровня бедности в России // *Вестник Новосибирского государственного аграрного университета*. 2015. № 3. С. 161-168.

Сергиенко А. М. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография. Барнаул: АЗБУКА, 2014.

Слободенюк Е. Д. Бедные в современной России: структура группы и социальная динамика: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.

Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // *Социологические исследования*. 2014. № 6.

Юданова К. О. Оценка бедности: основные показатели // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 5. С. 57-60.

Kayafas N. Welcome to the Poverty Class: The Growing Unemployment and Underemployment Problem. Dorrance Publishing, 2016.

References

Belyaeva, L. A. (2006), "Social stratification and poverty in the Russian regions",

Sotsiologicheskie issledovaniya, (9), 52-62. (In Russian).

Bogdanova, V. P. (2015), "Factors of Russian poverty", *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, (1), 67-72. (In Russian).

Guseva, M. S. and Shirokaneva, O. S. (2013), "Theoretical and methodological basis for the measurement of regional poverty", *Vestnik of Samara state economic University*, (6), 34-41. (In Russian).

Davydova, N. M. (2013), "A deprivation approach in poverty estimates", *Socis*, (6), 92-93. (In Russian).

Kaira, Yu. V. (2006), "Poverty as a factor of social responsibility of the unemployed in modern Russian society", Abstract of PhD dissertation, Tula, Russia. (In Russian).

Kaira, Yu. V. and Kuznecov, D. N. (2016), "Analysis of the basic directions of state regulation of poverty reduction in Russia", *Gumanitarnyye nauki*, (3), 87-92. (In Russian).

Klimova, N. V. (2015), "The poverty in Russia and ways to overcome", *Nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (6), 1-11. (In Russian).

Kolesnik, E. G. (2017), "Conceptual approaches to poverty measurement", *Rossiya i Sankt-Peterburg: ekonomika i obrazovanie v XXI veke: sb. nauch. Statey XXXVIII nauchnoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov po itogam nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti universiteta za 2015 god* [Russia and Saint Petersburg: economy and education in the XXI century: collection of scientific works. Articles XXXVIII scientific conference of faculty, researchers and graduate students on the results of research activities of the University in 2015], St. Petersburg, Russia, 128-132. (In Russian).

Kosharnaya, G. B. and Karimova, L. F. (2013), "Main approaches to the measurement of poverty in modern Russia", *Social Sciences. Sociology*, (3), 132-139. (In Russian).

Litinskaya, E. Yu. (2016), "Genesis of the basic theories of poverty", *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, (3), 74-77. (In Russian).

Ovcharova, L. N. (2009), *Theoretical and practical approaches to assessing the level, profile and factors of poverty: Russian and international experience*, M-Studio, Moscow, Russia, (In Russian).

Osipov, G. V. (2000), *Sociological encyclopedic dictionary*, Moscow, Russia. (In Russian).

Rimashevskaya, N. M. (2014), "Poverty and marginalization of the population (social bottom)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (4), 33-44. (In Russian).

Rozhnova, T. M. (2017), "The problems of poverty as a social phenomenon", *Sovremennye problemy regionalistiki: sb. nauch. statey III-i Mertsalovskie chteniya* [Modern problems of regionalism: collection of articles of the III Mertsalivka reading], izd-vo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANXiGS, Orel, Russia, 282-285. (In Russian).

Salova, A. I. (2015), "Methodical approaches to assessment of the level of poverty in Russia", *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (3), 161-168. (In Russian).

Sergienko, A. M. (2014), *Bednost' sel'skoy Rossii v usloviyah modernizatsii e'konomiki: protsessy i mekhanizmy formirovaniya i preodoleniya: kollektivnaya monografiya* [Poverty in rural Russia in the conditions of economy modernization: processes and mechanisms of formation and overcoming: a collective monograph], AZBUKA, Barnaul, Russia. (In Russian).

Slobodenyuk, E. D. (2014), "The poor in modern Russia: group structure and social dynamics", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonova, N. E., Davydova, N. M. and Popova, I. P. (2014), "The index of living standards and model of stratification of Russian society", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 6, 112. (In Russian).

Yudanova, K. O. (2015), "Assessment of poverty: the main indicators", *Gumanitarnye, sotsial'no-e'konomicheskie i obshchestvennye nauki*, 5, 57-60. (In Russian).

Kayafas, N. (2016), *Welcome to the Poverty Class: The Growing Unemployment and Underemployment Problem*, Dorrance Publishing, USA.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социология и информационные технологии» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал.

Рожнова Татьяна Михайловна, магистрант направления подготовки «Социология» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал.

Natalya V. Prokazina, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Information Technology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Branch of the Central Russian Institute of Management.

Tatyana M. Rozhnova, masters of Direction "Sociology", Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Branch of the Central Russian Institute of Management.

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-4

Шмарион Ю. В.¹

Белокопытова Е. Н.²

Социальный портрет деловой женщины

¹) Некоммерческое партнерство «Институт независимых социологических исследований»
ул. Желябова, д. 12а, Липецк, 398050, Россия
jbshmarion@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0960-4770>

²) Департамент экономического развития администрации г. Липецка
пл. Театральная, д. 1, Липецк, 398001, Россия
pr-economika@cominfo.lipetsk.ru

*Статья поступила 4 октября 2018 г.; Принята 1 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье приводятся результаты социологического исследования типических характеристик социального портрета деловой женщины города Липецка, роль которой существенна в решении социальных и экономических проблем региона. В теоретической модели предмета исследования деловые женщины – это, как женщины предприниматели, так и женщины, занимающие руководящие посты в разнообразных сферах человеческой деятельности. Обработка результатов анкетирования позволила оценить структуру рабочего дня и типовой рабочей недели деловой женщины. В большинстве деловая женщина – это опытный специалист с высшим образованием в возрасте 31-50 лет. Среднестатистическая деловая женщина в работе: желает быть максимально самостоятельной, трудиться со средним уровнем напряженности, не быть связанной с финансовыми рисками, на хорошем уровне управлять организацией и проявлять, при этом, высокий уровень ответственности за возникающие успехи и неудачи, установить в организации средний уровень интенсивности труда и стараться избегать потенциальных юридических рисков. Результаты исследования позволили количественно оценить, как формируются оптимальные профессиональные и жизненные стратегии деловой женщины регионального центра.

Ключевые слова: деловая женщина; социальный портрет деловой женщины; оптимальные женские стратегии совмещения трудовых и семейных обязанностей.

Информация для цитирования: Шмарион Ю. В., Белокопытова Е. Н. Социальный портрет деловой женщины // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 38-51. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-4

Yury V. Shmarion¹

Ekaterina N. Belokopytova²

A social portrait of a business woman

¹) Non-profit Partnership "Institute of Independent Sociological Researches"

12A Zhelyabov St., Lipetsk, 398050, Russia

jbshmarion@mail.ru

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0960-4770>

²) Department of Economic Development, Lipetsk City Administration,

1 Teatralnaya Sq., Lipetsk, 398001, Russia

pr-economika@cominfo.lipetsk.ru

Received on October 4, 2018; Accepted on December 1, 2018;

Published December 30, 2018

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the typical characteristics of the social portrait of a business woman in the city of Lipetsk, whose role is essential in solving social and economic problems in the region. In the theoretical model of the subject of the study, business women are both women entrepreneurs and women in leadership positions in various spheres of human activity. Processing of the survey results allowed to evaluate the structure of the working day and typical working week of a business woman. In most cases, a business woman is an experienced specialist with higher education at the age of 31-50 years. The average business woman at work: wants to be as independent as possible, works with an average level of tension, not to be associated with financial risks, to manage the organization at a good level and to show, at the same time, a high level of responsibility for success and failures, to establish an average level of intensity of work in the organization and try to avoid potential legal risks. Most businesswomen are satisfied with the performance of management functions and work. Business women in Lipetsk are characterized by a high level of social and political activity. Active business activity significantly broadens the horizons of a business woman, and she has a need to expand professional competencies. The authors determine an actual set of disciplines which the business woman wants to master. According to businesswomen, the balance of family life and professional activity is achieved through an optimal combination of levels of intensity of work and family responsibilities. The research results allowed to quantify how the optimal professional and life strategies of a business woman of a regional center are formed.

Keywords: business woman; social portrait of business woman; optimal female strategies of combining work and family responsibilities

Information for citation: Shmarion, Yu. V. and Belokopytova, Ek. N. (2018), "A social portrait of a business woman", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 38-51, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-4

Введение (Introduction). Преобразования политической и экономической системы в России привели к возникновению и последующему интенсивному развитию новых социальных явлений, социальных

процессов и социальных институтов, которые оказывают существенное влияние на развитие муниципальных образований, субъектов Российской Федерации и общества в целом. Одним из наиболее суще-

ственных социальных явлений современного российского общества представляется феномен предпринимательства призванный оказывать существенную роль в становлении рыночной экономики в России.

В предпринимательской деятельности задействовано большое количество людей, представляющих различные социальные группы, которые реализуют различные функции: владельцы бизнеса, менеджеры, специалисты наемные работники и др. Предпринимательство оказывает существенное влияние не только на экономическую жизнь, но и многие стороны социальной жизни городов, регионов и России, в целом.

Методология и методы (Methodology and methods). В этой связи, одной из важных проблем социологической науки является изучение гендерных аспектов современного российского предпринимательства (Сергеева, 1991). Такая же проблема стоит перед социологами стран с развитой экономикой, о чем свидетельствуют ежегодные публикации Grant Thornton International – международной организации, объединяющей независимые аудиторские, бухгалтерские и консалтинговые фирмы, предоставляющие аудиторские, налоговые и консалтинговые услуги частным и публичным компаниям в более чем 130 странах мира¹.

В современном российском обществе трансформация социальных отношений привела к тому, что ощутимо модифицируется роль женщин в обществе, видоизменяются и расширяются социальные функции, которые выполняет современная женщина. Современная российская женщина, кроме традиционных сфер деятельности, активно проявляет себя в политике, менеджменте, предпринимательстве.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г.

№ 410-р утверждена «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы»². В стратегии указывается на необходимость совершенствования системы сбора и анализа статистических данных, отражающих положение женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах и осуществление мониторинга положения женщин в различных сферах жизни. Наше социологическое исследование «Социальный портрет деловой женщины г. Липецка» это первый шаг в этом направлении.

Деловые женщины – это социальная группа, включающая в свой состав, как женщин предпринимателей, так и женщин, занимающих руководящие посты на разных ступенях управленческой иерархии в разных сферах человеческой деятельности (наука, образование, сфера услуг, политика, государственное и муниципальное управление и т.п.). Эта социальная группа, находящаяся на стадии становления, которая нуждается в постоянном мониторинге, требует специальных социологических исследований.

В соответствии со структурой малого и среднего предпринимательства в городе Липецке и половозрастными характеристиками была сформирована квотная выборка в объеме 200 единиц наблюдения. Метод сбора эмпирических данных – анкетирование. Социологическое исследование проводилось в городе Липецке в течение ноября-декабря 2017 года.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Деятельность деловой женщины осуществляется в реальном масштабе времени, поэтому, прежде всего, мы проанализировали временные характеристики типового рабочего дня и типовой рабочей недели деловой женщины (таблице 1 / table 1).

¹ Women in business: the path to leadership. Grant Thornton International Business Report 2015. URL: https://www.grantthornton.global/globalassets/1.-member-firms/global/insights/ibr-charts/ibr2015_wib_report_final.pdf (дата обращения 10.04.2018).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р об утверждении «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы». URL: <http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения: 12.12.2017).

Таблица 1
Временные характеристики рабочего дня и рабочей недели деловой женщины
города Липецка

Table 1
Time characteristics of the working day and working week of a business woman in Lipetsk

Временные характеристики профессиональной деятельности / Temporary characteristics of professional activity	Математическое. Ожидание / Mathematical expectation	Mim	Max	Мода / Moda
Начало рабочего дня, час / Start of working day, hour	8,23	5	12	8
Окончание рабочего дня, час / The end of the day, the hour	20,03	12	24	21
Продолжительность рабочей недели, дней / The length of the working week, days	5,43	3	7	5
Стаж бизнес деятельности, лет / Business experience, years	8,87	1	30	5

В среднем, рабочий день деловой женщины начинается в 8 часов утра и продолжается до 20-21 часа. Следовательно, на семейные дела у деловой женщины остается 3-4 часа вечернего времени. У большинства женщин продолжительность рабочей недели составляет 5 дней, однако, некоторые трудятся, практически, без выходных дней, т.е. 7 дней в неделю.

Таким образом, недельный временной ресурс для ведения домашних дел у женщин, работающих по пятидневке, 3-4 часа ежедневно плюс два выходных дня, а у женщин, работающих 7 дней в неделю, 3-4 часа*7 дней =21-28 часов. За это ко-

роткое время деловой женщине необходимо выполнить недельные домашние дела, уделить внимание себе, мужу, детям.

Большинство деловых женщин имеет трудовой стаж от 5 до 7 и более лет, т.е. это, как правило, достаточно опытные специалисты, среди которых подавляющее большинство (81,0%) имеет высшее профессиональное образование, только 17,5% – имеют среднее профессиональное образование, а 1,5% – среднее образование. Бизнесу все возрасты покорны, об этом свидетельствуют данные, представленные в таблице 2 / table 2.

Таблица 2
Возрастная структура социальной группы – деловые женщины г. Липецка

The age structure of social groups – business women of the city of Lipetsk

Возрастная группа / Age group	До 24 лет	25-30	31-40	41-50	51-60	61-70	>70 лет
Доля возрастной группы / Share of age group	4,5%	10,0%	29,5%	29,5%	11,0%	10,0%	5,5%

Большинство деловых женщин (85,5%) имеет одно место работы, а –

14,5% одновременно работает в нескольких местах.

Как правило, деловая женщина руководит организацией или в ее подчинении находится структурное подразделение. От того, как работает деловая женщина, зависит профессиональная деятельность и благосостояние многих работников. В основном, деловые женщины г. Липецка руководят малым и средним бизнесом. Численность организации или структурного подразделения, которыми руководит деловая женщина г. Липецка в 54,0% случаев составляет до 10 человек, в 38,5% случаев –

от 11 до 50 человек и в 7,5% случаев – от 51 до 100 человек.

Анализ временных характеристик профессиональной деятельности деловой женщины показал, что ее рабочий день – довольно продолжительный, напряженный и загруженный самыми разными заботами, размышления о которых не оставляют деловую женщину и в послерабочее время. Установлено, что большинство женщин продолжает думать о рабочих проблемах и в нерабочее время (см. рис.1 / see Fig. 1).

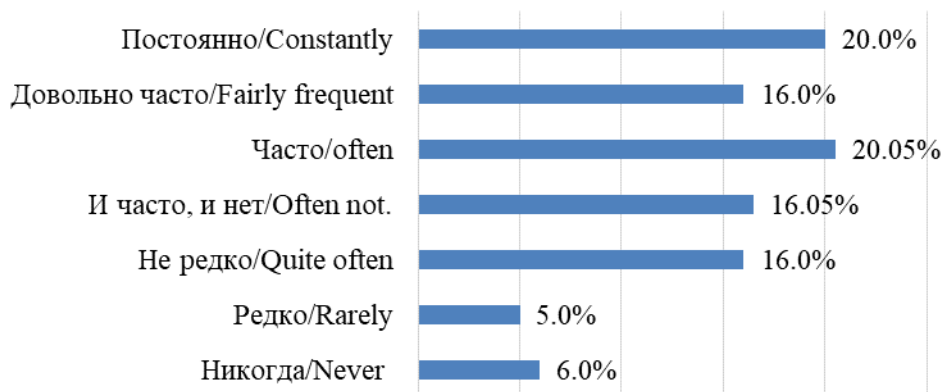

Рис.1. Частота обдумывания деловой женщиной рабочих проблем в нерабочее время
Fig.1. Frequency of business woman's thinking over working problems during non-working hours

Данные, представленные на рисунке 1 / Fig.1, позволяют сделать вывод о том, что практически у девяти из десяти деловых женщин мысли о работе не покидают их в свободное от работы время. Следовательно, с одной стороны, работа для деловой женщины является на данном этапе основным делом ее жизни, а с другой стороны, это приводит к тому, что деловая женщина меньше внимания уделяет домашним делам, мужу, детям, родным.

Каждая деловая женщина по-своему выстраивает свою профессиональную деятельность, определяет приемлемую интенсивность деятельности, уровень ответственности за то дело, которому она по-

свящает большую часть своего времени, устанавливает степень финансовых и юридических рисков, определяет стратегию и тактику управления организацией или структурным подразделением (Лыгденова, 2009).

Перечисленные признаки и степень их выраженности зависят от характера предпринимательской деятельности, личностных и профессиональных качеств конкретной деловой женщины. Вместе с этим, социологическое исследование позволило выявить социально типические признаки, которые присущи деловой женщине города Липецка (см. табл. 3 / Table 3).

Таблица 3

Степень выраженности признаков, характеризующих отношение деловой женщины к профессиональной деятельности, %

Table 3

Patterns characterizing the attitude of business women to professional work, %

Степень выраженности признака / Patterns	1 – Совсем не выражен / Not at all expressed	2	3	4	5	6	7 – Сильно выражен / strongly expressed
Самостоятельность / Independence	1,5	0,5	8,5	3,5	22,5	14,0	49,5
Напряженность работы / The intensity of the work	11,0	12,0	12,5	16,0	21,5	15,5	11,5
Связанность с финансовым риском / Association with financial risk	38,5	9,0	12,5	7,0	11,5	7,0	14,5
Управленческие функции / Management function	2,5	5,0	17,0	14,0	24,5	13,5	23,5
Ответственность / Responsibility	10,5	5,0	9,5	15,5	23,5	12,5	23,5
Интенсивность работы / Intensity of work	9,5	6,5	21,5	13,5	27,0	9,5	12,5
Связанность с юридическим риском / Association with legal risk	42,0	10,5	13,0	9,0	7,5	9,5	8,5

Установлено, что большинство (22,5%+14,0%+49,5%=86,0%) деловых женщин города Липецка устраивает достаточно высокий уровень самостоятельности в их профессиональной деятельности. Это волевое свойство деловой женщины, основанное на умении анализировать жизнь, систематизировать данные, планировать, регулировать и осуществлять свою деятельность без посторонней помощи.

Среди деловых женщин не пользуются популярностью как финансовые, так и юридические риски.

Таким образом, среднестатистическая деловая женщина города Липецка в своей профессиональной деятельности желает: быть максимально самостоятельной,

работать со средним уровнем напряженности, не быть связанной с финансовыми рисками, на хорошем уровне управлять деятельностью организации и проявлять, при этом, высокий уровень ответственности за возникающие успехи и неудачи, установить во вверенной организации средний уровень интенсивности труда и стараться избегать потенциальных юридических рисков.

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 4 / Table 4, позволяет сделать вывод о том, что большая часть (84,0%) деловых женщин удовлетворена содержанием работы, а также, в основном, ее устраивает режим работы. Оплатой труда полностью удовлетворена только чет-

верть деловых женщин и, в основном удовлетворены, оплатой труда – 50,0%.

Среди деловых женщин только 5,5% не удовлетворены характером работы, частично удовлетворены характером работы 53,0% деловых женщин, а остальные 41,5% – удовлетворены.

Структура удовлетворенности осуществления управленческих функций коррелирует с удовлетворенностью работой.

Деловые женщины г. Липецка (48,0%) проявляют активность в разработке и внедрении новых деловых проектов создания других предприятий, а 39,0% считает, что в настоящий момент нет необходимости в этом, и 13,0% еще не приняли окончательного решения.

Известно, что активная жизненная позиция проявляется у человека в раннем возрасте и развивается в процессе обучения. Установлено, что 63,5% деловых женщин были активны в детстве и в процессе обучения в школе. Причем, такой же

уровень активности (63,0%) сохранился у них и во взрослой жизни в процессе профессиональной деятельности. Это свидетельствует о том, что школьное и вузовское образование нуждается в серьезном реформировании, ориентированном на формирование активной, творчески мыслящей личности, способной к инновационной деятельности. Таким образом, будет сформирован средний класс, обеспечивающий инновационное развитие России.

Активная жизненная позиция деловых женщин, достигнутые результаты формируют у деловой женщины желание генерировать новые идеи, продолжать собственное дело, работать столько, сколько необходимо для процветания собственной организации (Барсукова, 1999).

Деловая женщина г. Липецка напряженно работает. Такая работа, естественно, должна быть результативной и приносить ей удовлетворение.

Таблица 4

Удовлетворенность деловой женщиной г. Липецка основными составляющими работы, %

Table 4

Satisfaction of business women in Lipetsk with the main components of their work, %

Основные составляющие работы / The main components of the work	1 – полностью не удовлетворяет / not at all	2	3	4	5	6	7 – полностью удовлетворяет / fully satisfy
Содержание работы (выполняемых функций) / The content of the operation (function)	1,5	1,5	6,0	19,5	20,0	17,0	34,5
Режим работы (интенсивность, дополнительные нагрузки и пр.) / Operating mode (intensity, additional loads, etc.)	5,0	5,0	9,5	26,5	24,5	12,5	17,0
Оплата / Salary	1,0	5,0	10,0	17,0	29,0	14,0	24,0
Характер работы (степень риска, самостоятельности и пр.) / Nature of work (degree of risk, independence, etc.)	3,0	2,5	13,5	16,5	23,0	16,0	25,5
Осуществление управленческих функций / Implementation of management functions	3,0	1,5	8,0	13,5	28,5	16,0	29,5

Однако, не все деловые женщины придерживаются такой точки зрения на свою профессиональную деятельность: у 38,0% деловых женщин это желание сильно выражено, у 28,0% – желание выше среднего, у 18,0% – желание ниже среднего и у 16% – среднее.

Деловая активность женщин находится под давлением сложившихся в обществе стереотипов о роли и месте женщины в обществе в связи с их деловой активностью. Установлено, что примерно половина (47,0%) деловых женщин города Липецка такого давления не ощущает, вместе с этим, 41,0% испытывают такое давление на себе, 12,0% – периодически испытывают такое давление.

Несмотря на все трудности ведения бизнеса и сложившегося в обществе общественного мнения о роли и месте женщины, 56,5% деловых женщин г. Липецка считают, что их жизненные планы, в отношении семьи, в настоящий момент реализовались полностью, вместе с этим, треть деловых женщин (34,5%) считает, что их жизненные планы, в отношении семьи, в настоящий момент не реализовались полностью.

Эмпирические данные социологического исследования показывают, что деловые женщины г. Липецка больше преуспели в бизнесе, чем в создании семьи и, несмотря на это, большинство (71,5%) деловых женщин удовлетворены работой, в целом, 24,0% респондентов ответили – «И да, и нет», и 4,5% респондентов, скорее, не удовлетворены работой, чем удовлетворены.

В предпринимательской деятельности самым важным ресурсом является человеческий ресурс. Поэтому 38,0% деловых женщин пытаются разрешить кадровые проблемы путем трудоустройства своих родственников в организацию, которой они управляют.

Мнения деловых женщин о кадровом обеспечении их организаций разделились практически поровну: одна половина удовлетворена, а другая не удовлетворена. Это свидетельствует о достаточно больших проблемах на рынке труда в городе Липецке.

В оценке профессиональной деятельности деловых женщин важна самооценка основных составляющих их работы. Результаты такой самооценки деловых женщин представлены в таблице 5 / Table 5.

Таблица 5

Самооценка деловых женщин уровня успешности выполнения ими основных составляющих их работы, %

Table 5

Self-assessment of business women of the level of success in the performance of the main components of their work, %

Основные составляющие деятельности / The main components of the activities	Самооценка в баллах по 5-ти балльной шкале / Self-assessment in points on a 5-point scale				
	1	2	3	4	5
Определение цели / Determination of purpose	0,5	2,5	10,0	30,0	57,0
Организация работ / Organization of work	0,0	4,0	13,0	38,5	44,5
Координация видов работ / Coordination of activities	0,0	3,5	21,5	42,5	32,5
Управление / Management	2,5	0,0	15,5	41,5	40,5
Контроль / Control	1,0	0,0	16,0	47,5	35,5
Обеспечение работ / Provision of works	1,0	1,5	19,0	38,0	40,5
Продвижение на рынке результатов труда / Promotion of the results of work on the market	0,0	2,5	30,5	40,0	27,0

Установлено что, несмотря на несомненные успехи, деловым женщинам есть над чем работать в ближайшее время, когда Россия начинает выходить из кризиса. В этом деле большее внимание следует уделить кадровому обеспечению малого и среднего бизнеса, которое формируется деловыми женщинами, в основном, по объявлениям (39,5%), лично по знакомству (32,0%) и с помощью кадровых агентств – (20,0%).

В процессе формирования кадров деловые женщины отдают разные предпочтения профессиональным качествам будущих сотрудников.

Первые пять мест в интегральном рейтинге занимают соответственно:

1. Умение работать в команде.
2. Высокий уровень общей культуры.
3. Исполнительская дисциплина.
4. Готовность брать на себя ответственность.

5. Умение достигать требуемого результата.

Последние пять мест в интегральном рейтинге (с 7 по 11 место) занимают соответственно:

7. Коммуникабельность.
8. Высокий уровень корпоративной культуры.
9. Высокий уровень знаний IT-технологий.

10. Способность к инновационной деятельности.

11. Инициативность в профессиональной деятельности.

В этом списке первой пятёрки доминируют, в основном, личностные качества, т.е. подбор кадров осуществляется по принципу: «главное, чтобы человек был хороший». Это – большой упрек региональным институтам воспитания: семье, школе, региональной системе среднего профессионального и высшего образования. Так как, если эти качества востребованы, прежде всего, значит на рынке труда их большой недостаток.

Вторая пятёрка позволяет сделать вывод о том, что примерно половине организаций малого и среднего бизнеса, возглавляемым деловыми женщинами г. Липецка, не нужны специалисты с фундаментальной профессиональной подготовкой, обладающие способностью к инновационной деятельности, готовые проявлять инициативность в профессиональной деятельности.

Эта серьезная проблема требует проведения аналитического социологического исследования с целью выявления причин такого развития малого и среднего бизнеса.

В профессиональной деятельности деловым женщинам приходится преодолевать множество факторов, затрудняющих их деятельность (см. табл.6. / Table 6).

Таблица 6

Факторы, затрудняющие профессиональную деятельность деловых женщин г. Липецка (выбор 5 основных факторов), %

Table 6

Factors hindering professional activity of business women in Lipetsk (choice of 5 main factors), %

Фактор/ Factor	Место по важности от 1 до 5, 1 – самое важное / Importance rating from 1 to 5, 1 – the most important				
	1	2	3	4	5
Недальновидность вышестоящих руководителей / The short-sightedness of upper management	45,0	16,7	10,0	5,0	23,3
Высокий уровень налогообложения / High level of taxation	41,5	12,3	23,1	12,3	10,8
Дорогая аренда помещений / Expensive rent of premises	36,4	28,8	14,4	12,7	7,6

Фактор/ Factor	Место по важности от 1 до 5, 1 – самое важное / Importance rating from 1 to 5, 1 – the most important				
	1	2	3	4	5
Высокий банковский процент по кредитам / High Bank interest on loans	35,8	17,9	10,5	24,2	11,6
Трудности кадрового обеспечения / Staffing difficulties	35,2	14,8	11,1	20,4	18,5
Низкая покупательная способность населения / Low purchasing power of the population	29,9	23,9	31,3	7,5	7,5
Трудности снабжения / Supply difficulties	26,7	23,3	21,7	10,0	18,3
Недостаточно опыта управленческой деятельности / Lack of management experience	26,2	10,8	27,7	15,4	20,0
Низкая реализация товаров (услуг) на рынке / Low sales of goods (services) on the market	25,4	27,1	20,3	20,3	6,8
Нет данных, как увеличить сбыт товаров (услуг) / No data, how to increase the sale of goods (services)	13,6	45,5	9,1	18,2	13,6
Отсутствие помощи властных структур / Lack of help from the authorities	10,7	17,9	33,9	21,4	16,1
Нет опыта продвижения товаров (услуг) в Интернете / No experience in promoting goods (services) on the Internet	10,4	31,3	22,9	22,9	12,5

Данные, представленные в таблицах 5 и 6 / Table 5 and 6, позволяют выделить пять основных факторов, которые затрудняют профессиональную деятельность деловых женщин г. Липецка, в том числе:

1. Дорогая аренда помещений.
2. Недальновидность вышестоящих руководителей.
3. Нет данных, о том, как увеличить сбыт товаров (услуг).
4. Высокий уровень налогообложения.
5. Низкая покупательская способность населения и высокий банковский процент по кредитам.

На пятое место можно также причислить такие факторы, как Трудности кадрового обеспечения и Трудности снабжения.

Конечно же, для оказания действенной помощи малому и среднему бизнесу необходимо уделить серьезное внимание изучению всех перечисленных факторов, которые в той или иной степени тормозят развитие малого и среднего бизнеса в г. Липецке.

Преодоление деловыми женщинами указанных выше факторов, тормозящих развитие их организаций, способствует накоплению опыта выживания бизнеса в сложных социально-экономических условиях. Более половины (54,0%) опытных деловых женщин готовы делиться опытом профессиональной и управленческой деятельности с начинающими деловыми женщинами г. Липецка.

Деловые женщины, помимо взаимовыручки, вправе рассчитывать на помощь властных структур г. Липецка. Установлено, что 55,0% деловых женщин считают, что они своим трудом заслужили большего внимания со стороны властных структур г. Липецка. Для реализации этого важного направления позитивного взаимодействия властных структур г. Липецка и организаций малого и среднего бизнеса необходимо провести дополнительное социологическое исследование, направленное на выявление конкретных проблем и путей их решения, исходя из имеющихся ресурсов.

Деловые женщины г. Липецка занимают активную жизненную позицию, демонстрируя не только эффективную профессиональную активность, но и социально-политическую активность, особенно, в части решения социально ориентированных задач. Установлено, что 56,5% деловых женщин г. Липецка считают, что их профессиональная деятельность имеет ресурсы для решения социально ориентированных задач, а вторая часть деловых женщин (43,5%) считает, что их организация такими ресурсами не обладает. Это свидетельствует о том, что малый и средний бизнес имеет достаточно ресурсов для решения различных социально ориентированных задач. Этот ресурс необходимо объективно оценить и грамотно, с пользой для населения г. Липецка, использовать.

В рамках данного социологического исследования трудно рассмотреть весь спектр проблем, с которыми сталкиваются деловые женщины в рамках профессиональной деятельности, с другой стороны, установлено, что деловые женщины г. Липецка обладают высоким уровнем деловой и социальной активности. Мы полагаем, что такая ситуация требует институционального разрешения, и деловые женщины позитивно откликнулись на наше предложение о создании клубной или иной структуры для обсуждения и решения актуальных проблем деловых женщин г. Липецка. Реакция деловых женщин на указанное выше предложение выглядит так: 57,0% считают целесообразным создания клуба деловых женщин, 21,0% респондентов сомневаются в целесообразности такой структуры, а остальные 22,0% считают, что такой клуб не нужен.

Для деловых женщин большая проблема найти оптимальное решение, позволяющее активно заниматься бизнесом и успевать, при этом, уделять достойное время семейной жизни. К сожалению 57,75% деловых женщин отмечают, что их активная профессиональная деятельность оказывает негативное влияние на реализацию основного предназначения женщины

и на ее семейную жизнь. Считаем, что эту проблему можно было бы обсудить на первом заседании клуба деловых женщин г. Липецка.

Активно работающую деловую женщину, как правило, поддерживают родные и близкие, так как она решает важную семейную задачу – обеспечение достатка в семье. Однако, реальная помощь женщине не выглядит однозначной и эффективной. Анализ показывает, что 41,0% деловых женщин находят время на ведение домашних дел, т.е. на их хрупкие плечи, помимо деловой и социальной активности, ложится весь груз домашних дел, которым, как говорят в народе, нет ни конца, ни края. Для 28,5% деловых женщин главной опорой в ведении домашних дел является муж, а для 18,5% – дети, и для 12,5% – папа и мама.

Несмотря на большую загруженность работой и домашними делами, деловая женщина стремится обеспечить семье рациональное и сбалансированное питание. Большинство деловых женщин (68,0%) готовит пищу самостоятельно из исходных продуктов, что требует больших временных ресурсов. Деловая женщина понимает особую важность организации рационального и сбалансированного питания своей семьи, и несмотря на большой дефицит свободного времени, выделяет достаточно времени для решения этой важной задачи в семейной жизни.

Высокий уровень загруженности в работе, деловая и социальная активность, постоянный дефицит времени для решения семейных дел неизбежно приводит к большим или незначительным конфликтным ситуациям во вверенном деловой женщине трудовом коллективе. Как показали результаты социологического исследования в коллективе, где трудится деловая женщина, конфликтные ситуации возникают достаточно часто только в одном из десяти трудовых коллективов. В 40,0% трудовых коллективов, возглавляемых деловыми женщинами, конфликты практически не возникают. Но в 49,0% трудовых коллективов конфликтные ситуации не яв-

ляются желаемой редкостью. Установлено, что опыт профессиональной деятельности, опыт управленческой работы, женская мудрость позволяет деловым женщинам практически всегда (в 92 случаев из 100) разрешать возникающие в трудовом коллективе конфликты.

Деловые женщины г. Липецка отличаются высоким уровнем общественно-политической активности. Примерно половина деловых женщин имеет опыт общественно-политической деятельности. По мнению 51,75% деловых женщин каждая из них может совмещать активную профессиональную и общественно-политическую деятельность. Деловые женщины (67,0%) поддерживают желание их сотрудников заниматься общественной работой, если она не мешает выполнению основной работы, 16,5% деловых женщин выступают против такого совмещения, если снижается профессионализм работника.

Проблемы построения регионального гражданского общества являются актуальными для деловых женщин г. Липецка.

Половина деловых женщин (51,0%) готова обсуждать актуальные проблемы гражданского общества. Кроме того, 38,5% деловых женщин готовы совмещать активную профессиональную деятельность с активной работой в различных структурах гражданского общества, а 36,0% – являются противниками такого совмещения и 25,5% – не определились в целесообразности такого совмещения.

Занятие активной бизнес-деятельностью существенно расширяет кругозор деловой женщины, и у нее возникает потребность в расширении профессиональных компетенций и, особенно, в том случае, когда их профессиональная подготовка не совпадает с профилем выполняемой в настоящее время работы. Таких деловых женщин оказалось 59,0%.

Высокий уровень когнитивного несогласования между реальной деятельностью и базовым образованием деловых женщин вызывает у них потребность в повышении квалификации во многих областях знаний (см. рис. 2 / Fig. 2).

Рис. 2. Потребность деловых женщин в получении знаний
Fig. 2. Need for knowledge of business women

Для деловых женщин в первую тройку актуальных дисциплин входят:

1. Бухучет.
2. Здоровый образ жизни.
3. Налогообложение.

Эта тройка дисциплин характеризует основные ценности деловой женщины: деньги и здоровье.

Во второй тройке следующие дисциплины:

3. Маркетинг.
4. Инноватика.
5. Психология.

Эта тройка дисциплин показывает, что для деловой женщины важно знать, как получить новый товар (услугу), который будет востребован на рынке, и как организовать эффективный сбыт этого нового товара (услуги). Для того, чтобы решить эти задачи, необходимо работать с кадрами, т.е. быть хорошим психологом.

Заключение (Conclusions). В обществе у любой женщины важное место занимает семья. У деловой женщины г. Липецка семья, в большинстве случаев, состоит из трех человек. Минимальная численность семьи 1 человек, а максимальная – 9 человек. Как было указано выше, для деловой женщины важное место занимает благосостояние семьи, поэтому каждая из них стремится внести весомый вклад в благосостояние своей семьи за счет личного дохода от профессиональной деятельности.

Установлено, что среднестатистическая деловая женщина г. Липецка вносит в семейный бюджет денежных средств в размере 58,66% от семейного бюджета. Размах значений составляет: минимальная – 10,0%, максимальная доля – 100,0%, при этом, наиболее часто встречающееся значение составляет 100,0%. Можно утверждать, что большинство деловых женщин г. Липецка вносит существенный денежный вклад в свой семейный бюджет.

При этом они достаточно комфортно чувствуют себя в роли лидера в семье, и желания ослабить свои лидерские позиции

у них не возникает, так как конфликты в их семьях возникают редко.

Таким образом, большинство деловых женщин (68,5%) утверждает, что рациональный баланс между деловой активностью и выполнением практически полного объема семейных забот достигается за счет оптимальной организации труда и рационального ведения домашнего хозяйства, которые суммарно обеспечивают женщине средний уровень интенсивности в работе и в выполнении семейных обязанностей. Умение правильно планировать свою загрузку на работе и в домашних, семейных делах является ожидаемой характеристикой, так как 81,0% деловых женщин имеют высшее образование, 15,0 % – среднее профессиональное образование, в структуре которых предусмотрены соответствующие учебные дисциплины.

Список литературы

Барсукова С. Ю. Специфика женского предпринимательства. Электрон. дан. 1999. 15 с. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/692/692/1219/005.BARSUKOVA.pdf> (дата обращения: 10.04.2018).

Исследование социального портрета женщины-предпринимателя города Дубна. URL: <http://www.allbest.ru> (дата обращения: 10.04.2018).

Лыгденова Ю. Ю. Женщины-предприниматели: нравственные основы жизнедеятельности (на материалах республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2009. 26 с.

Сергеева Г. П. О концептуальном подходе к проблеме участия женщин в управлении обществом // Женский вопрос: точки зрения и подходы к новому осмыслению. М.: АОН при ЦК КПСС, 1991. 358 с.

Women in business: the path to leadership. Grant Thornton International Business Report 2015. URL: <https://www.grantthornton.global/globalassets/1.-member-firms/global/insights/ibr->

charts/ibr2015_wib_report_final.pdf____(дата обращения 10.04.2018).

References

Barsukova, S. Yu. (1999), "Specificity of female entrepreneurship" [Online], available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/692/692/1219/005.BARSUKOVA.pdf> (Accessed 10 April 2018). (In Russian).

Issledovanie sotsialnogo portreta zhenshchiny-predprinimatel'ya goroda Dubna [Study of the social portrait of a woman entrepreneur in Dubna] [Online], available at: <http://www.allbest.ru> (Accessed 10 April 2018). (In Russian).

Lygdenova, Yu. Yu. (2009), "Women entrepreneurs: moral foundations of life (on the materials of the Republic of Buryatia)", Abstract of Ph.D. dissertation, sociology, Ulan-Ude, Russia. (In Russian).

Sergeeva, G. P. (1991), "About a conceptual approach to the problem of women's participation in public management", *Zhenskiy vopros: tochki zreniya i podkhody k novomu osmysleniyu* [Women's issue: points of view and approaches to new thinking], AON pri CK KPSS, Moscow, Russia (In Russian).

Women in business: the path to leadership, Grant Thornton International Business Report (2015), [Online], available at: https://www.grantthornton.global/globalassets/1.-member-firms/global/insights/ibr-charts/ibr2015_wib_report_final.pdf (Accessed 10 April 2018).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шмарион Юрий Васильевич, доктор социологических наук, профессор директор Некоммерческого партнерства «Институт независимых социологических исследований».

Белокопытова Екатерина Николаевна, председатель Департамента экономического развития администрации г. Липецка.

Yury V. Shmarion, Director, Doctor of Sociology, Professor, Non-profit Partnership "Institute of Independent Sociological Researches".

Ekaterina N. Belokopytova, Chairman of the Department of Economic Development of the Lipetsk City Administration.

УДК 316.334.56

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5

Яницкий О. Н.

Малые города России: междисциплинарный анализ

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского федерального университета
Кремлевская наб., 35-1, Казань, 420008, Россия

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

*Статья поступила 15 ноября 2018 г.; Принята 15 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. Опираясь на научную и историко-художественную литературу, а также на собственные исследования, в статье анализируется структура и динамика малых городов России. Этот анализ предполагает сочетание следующих подходов: культурно-исторического, политико-экономического, комплексного, междисциплинарного, а также анализа темпо-ритмов взаимодействия и метаболизма составляющих их агентов и сред. Учитывая быстрое развитие Четвертой промышленной революции и вызванные ею изменения в социально-пространственной структуре общества, автор полагает, что динамика малых городов России будет развиваться по следующим траекториям: вовлечение большинства малых городов в орбиту быстро развивающихся агломераций. Также будут интенсивно развиваться относительно изолированные (закрытые) городки в системе «линейных городов» вдоль Северного морского пути как наиболее перспективного, с точки зрения, наличия нефтегазовых и других ресурсов, региона. С развитием транспортной инфраструктуры страны будут развиваться и другие типы временных и вахтовых поселений. Сохранится также сеть закрытых (научных, военных, спортивных и других) малых городов. В любом случае при относительно мирном развитии глобальной ситуации информационно-коммуникационные структуры будут играть все большую роль в динамике поселений рассматриваемого типа. С ростом вероятности возникновения критических ситуаций (природных и техногенных катастроф) будет также развиваться такой тип поселения как мобильные лагеря быстрого развертывания (гражданские, военные, поисковые, спасателей и т.д.).

Ключевые слова: информация; краеведение; культура; малые города; междисциплинарный анализ; метаболизм; методы; способ производства; темпо-ритмы; теория.

Благодарность. Статья написана в рамках проекта «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант РНФ № 17-78-20106.

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 52-64. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5

Oleg N. Yanitsky | Small towns of Russia: an interdisciplinary analysis

Institute of Social Philosophical Studies and Mass Communication of Kazan Federal University
35-1 Kremlevskaya St., 420008, Kazan, Russia
Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

*Received on November 15, 2018; Accepted on December 15, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. Based on scientific and historical-cultural literature, as well as on the author's researches, the article analyzes the structure and dynamics of small Russian towns. This analysis involves a combination of the following approaches: cultural-historical, political-economic, integrated, interdisciplinary, as well as analysis of the rate of interaction and metabolism of their constituent agents and environments. Taking into account a rapid development of the Fourth industrial revolution, the author suggests that the dynamics of Russian towns will develop in the following trajectories: involvement of the majority of towns in an orbit of large urban agglomerations. Relatively isolated (closed) towns in the system of "linear towns" along the Northern Sea Route as the most promising, in terms of availability of oil and gas and other resources of the region will also be intensively developing. With the development of the transport infrastructure of the country, other types of temporary and rotational settlements will develop. At the same time, the system of 'closed' (scientific, military, sports areas, etc.) small towns will be expanded. In one way or another, the communication and information structures and networks will play a greater role in the dynamics of small towns. With an increase in the probability of occurrence of critical situations (natural and man-made disasters), such type of settlements as mobile camps of rapid deployment (civilian, military, search, rescue, etc.) will also develop.

Keywords: culture; information; interdisciplinary analysis; local lore; metabolism; methods; mode of production; small settlements; tempo-rhythms; theory

Information for citation: Yanitsky, O. N. (2018), "Small towns of Russia: an interdisciplinary analysis", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 52-64, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5

Введение (Introduction). Давно пора избавиться от определения типа города по численности его населения. Этот подход, заложенный в СНИП 1960-х гг., отражал господствовавший тогда технократическую идеологию индустриального типа.

Для начала, зададимся вопросом: что есть малый город сегодня и чем он был вчера? Социологи и до сих пор пользуются этим чисто количественным подходом:

малый город, средний, большой, мегаполис и т.д. Точнее, в современной нормативной литературе вообще нет такого понятия как малый город – есть только городской (муниципальный) округ. В теоретической социологии нет никакой типологии малых городов. С моей точки зрения, не определены оба понятия: что такое город как таковой и что есть сегодня малый город. Как, например, квалифицировать

данный город: по числу прописанных в нем жителей, уровню их образования или квалификации, или же по числу работающих его жителей в соседних больших городах?

Соответственно, и российская социология разделилась на две части. Одна изучала город как сложный социальный феномен, а другая использовала городских жителей как респондентов в массовых опросах общественного мнения и других «профильных» исследованиях. Город как чрезвычайно сложный многофункциональный феномен всегда изучался только двумя науками: исторической (точнее, археологией) и учеными-краеоведами, одним из которых был акад. Д. С. Лихачев.

В современном разнообразном и высоко интегрированном мире есть множество типов человеческих поселений городского типа. Не случайно в западной литературе в ходу такое нейтральное понятие как *human settlements or habitats*. Для начала перечислю известные (естественно, далеко не все) мне типы малых человеческих поселений России, которые используются в социологических и других научных исследованиях.

Вот некоторые из них: поселок городского типа (ПГТ), малые (старые) города, которые я называю «рядовыми». Затем, новые города, как, например, города-спутники, научные городки, военные городки, моногорода, «профильные» города, например, шахтерские и др. Далее, идут «режимные» городки, бункеры и города-музеи. Как, например, Суздаль, Плещеево и Переславль-Залесский. Затем, всегда будут существовать разные виды временных поселений, как, например, лагеря беженцев и вынужденных переселенцев, вахтовые поселения и стойбища. Потом, станицы Юга России, являющиеся по существу поселениями городского типа, дачные кооперативы и садово-огородные товарищества, медицинские и реабилитационные центры и т.п. И, наконец, речь должна идти о старых городах, возрожденных руками их жителей, как, например, г. Мышкин.

Но как быть с набирающей силу тенденцией, когда *внутри мегаполисов создаются автономные*, то есть с полным циклом обслуживания и охраны, микропоселения для наиболее обеспеченных граждан? С одной стороны, они «встроенны» в ткань городской среды, но с другой стороны, они от нее практически независимы. Даже в случае критической ситуации (авария, наводнение, пожар) жители этих привилегированных анклавов будут хорошо защищены и своевременно спасены в бункерах или специальными силами гражданской обороны.

Но вернемся к обычной, то есть к типичной ситуации. Естественно, что социально-функциональная структура «малых городов» и образ жизни их жителей зависят от их производственного и социально-воспроизводственного профиля. Одни «малые города» сегодня являются придатками крупнейших мегаполисов, другие зависят от непрерывного цикла их производства, третьи являются культурно-развлекательными центрами и т.д.

Чем более будет развита информационно-коммуникационная сеть общества и чем выше будет мобильность его производства и населения, тем менее тип города, его производственный профиль, образ жизни его населения будут зависеть от размера этого города. Малый город, впрочем, как средний и большой, становятся взаимозависимыми элементами национального и даже глобального целого. Территориальная автономия как критерий выделения малого города имеет смысл только в некоторых случаях, чаще всего, когда этот город действительно труднодоступен территориально, он относительно автономен в производственном отношении, как, например, г. Гжель или шахтерские городки, или же он представляет собой нечто уникальное, в историческом, культурном или экологическом отношении.

Есть еще один вопрос, который мало дискутируется в научной литературе. Это – безопасность малого города, как, впрочем, и всех других типов челове-

ских поселений. К сожалению, общий технократический тренд, порожденный Четвертой научно-технической революцией, таков, что за исключением немногих профессионалов высокого уровня рядовой житель любого города представляет собой малую ценность в случае глобального военного конфликта. Западные теоретики ядерной войны кривят душой, когда утверждают, что целями их неотвратимого ядерного или другого обезоруживающего удара по вероятному противнику являются лишь вооруженные силы и их военно-промышленный комплекс, а мирное население они не затронут. Как же можно спасти мирное население, если вся необходимая для его жизни инфраструктура будет разрушена до основания? Да и зачем им эти «лишние рты»?

Ограничения темы. В статье рассматриваются только проблема «малых городов» России. Их сопоставление с подобными городами Европы и США не годится, так как Европа слишком плотно заселена и уже давно ее города фактически слились в единую сеть (при сохранении их местных особенностей). Что касается таких городов в США, то они – иные по двум причинам. Во-первых, Америка всегда была по преимуществу «одноэтажной», что не исключало наличия нескольких мегаполисов. Во-вторых, Америка построена на системе автомобильных дорог, тогда как в России многие малые города возникли сначала на водных путях, а потом вблизи железных дорог. Что касается остальной части мира, то ее условия слишком сильно отличаются от российских малых населенных мест.

Содержательное ограничение темы состоит в рассмотрении роли малых городов России в формировании ее городской (всеобщей или особенной) культуры и жизненного уклада. Экономическая специфика этих городов рассматривается только в связи с ее воздействием на эти две характеристики.

Методология и методы (Methodology and methods). Способ производства –

исходный теоретико-методологический пункт. Например, в отличие от сельскохозяйственного производства, которое тесно связано с конкретными природными условиями места и времени, промышленное производство гораздо более мобильно, а уж об информационном производстве и говорить нечего, оно более других мобильно и менее других привязано к конкретной территории.

Второй принципиальный пункт – это *комплексный подход*, учитывающий не только множественность факторов, участвующих в данном типе общественного производства, но и метаболические процессы между ними, включая социальный метаболизм (Keen, 2008; Urry, 2003).

Третий пункт – это характер течения времени, точнее, *темпо-ритмы взаимодействия агентов труда, его предметов и среды их обитания*. Например, сельскохозяйственное производство нельзя ускорить, так как оно связано с природно-климатическими циклами, тогда как промышленное (индустриальное) производство постоянно ускоряется и одновременно приобретает все более комплексный (интегрированный) характер.

Четвертый принцип – это *междисциплинарный анализ*. Малые города являются «естественными» объектами такого анализа, так как в них осязаемо для жителя и внешнего наблюдателя проявляется «связь всего со всем». Совсем не случайно, что акад. Д. С. Лихачев (Лихачев, 1982, 1997) связывал краеведение с анализом именно малых городов России, поскольку краеведения явилось одной из первых научных дисциплин, широко практиковавших междисциплинарный анализ. К сожалению, обмен методами научного исследования между современными социологами и краеведами практически не существует до сих пор.

Междисциплинарный подход невозможен без анализа метаболических процессов, поскольку все агенты и среда малого города не только взаимодействуют, но и изменяют друг друга, стимулируя

взаимное развитие или напротив его подавляя. В этом отношении небезынтересна полемика между двумя выдающимися советскими учеными акад. П.Л. Капицей и акад. А.А. Трофимуком (см. Гольдфарб, 1996).

Наконец, пятый принцип, это исторический подход Российская социологическая литература в отличие от исторической, я имею в виду фундаментальные исследования социальной истории России (Миронов, 1990, 2003, 2018), бедна комплексными исследованиями сельского и вообще – не-городского образа жизни. Это были в основном исследования по экономике села (Ж. А. Зайончковская, Л. В. Корель, В. И. Переведенцев, Т. И. Заславская), по исследованию миграционных процессов в системе «город–деревня» и лишь косвенно – с социальной спецификой их образа жизни. Поэтому в данной работе я опираюсь на собственные наблюдения, на включенное наблюдение мои коллег и друзей, интервью с жителями малых городов, особенно в критических ситуациях, но главным образом – на исследования журналистов и писателей.

Я стараюсь практиковать комплексный (системный) анализ в изучении сложных объектов, что, естественно, предполагает междисциплинарный поход. Его суть – понимание того, как одни структуры и процессы влияют на другие независимо от их социальной или материальной сущности и масштаба (микро, мезо и макропроцессы). Другой методологически важный момент – это характер и скорость взаимных трансформаций. Например, как правило, структура и функции малых городов зависят от трансформаций большего масштаба, например, больших городов, регионов, общенациональных и глобальных процессов. Однако с развитием информационных технологий малые изменения (факторы), как, например, вредоносный информационный вирус, могут практически мгновенно порождать глобальные проблемы (так называемый феномен инверсии пространства).

В соответствие с законом распределения Ципфа-Бредфорда (применительно к информационной сфере), я придерживаюсь мнения, что нужная мне информация может содержаться не только в научных источниках. Уже не раз отмечалось, что лишь 1/2 нужной исследователю информации содержится в научной литературе. Другая половина рассеяна по множеству непрофильных источников. Поэтому я использую в своих исследованиях художественную литературу и публицистику.

В 1960-х гг. даже существовала такая отрасль социологии как социология художественной литературы. И действительно, огромный фактический и культурно-осмысленный российскими писателями и журналистами был предложен нашему обществу. Однако по исконной привычке нашей науки все классифицировать по специальностям он был отнесен к художественной литературе, журналистике или литературной критике. Между тем, материал по жизни малых городов, собранных такими писателями как Г. Абрамов, С. Алексиевич, В. Астафьев, В. Белов, В. Быков, Е. Дорош, В. Крупин, В. Некрасов, П. Нилин, В. Распутин, А. Солженицын, В. Тендряков и многие другие оставили нам неоценимый материал для анализа и размышлений.

В течение 30 лет я собирал интервью и архивные документы по экологическому движению в России (см. Экологический архив Яницкого, 2016). Наконец, в течение многих лет я вел наблюдение за развитием критических ситуаций в нескольких малых городах России (Яницкий, 2014; Yanitsky, 2016 и др.).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Социально-исторический подход. Такой подход необходим, если мы хотим понять структуру, динамику и место малых городов России в ее производственной и общественной жизни. Этот подход предполагает исследование преемственности в их динамике и разрывов, обусловленных социально историческими причинами

(войнами, революционными преобразованиями, политическими решениями и смелой ведущего способа общественного производства).

Историки различают специфику их хозяйственной динамики, политического и военного значения и характера их жизненного уклада или, как предлагают западные социологи, образа жизни их коренного и пришлого населения. Замечу сразу, что если смотреть на эволюцию малых городов с позиции скорости протекания исторического времени в течение, скажем, XIX–XXI веков, то наиболее подвижными окажутся политико-экономические трансформации, какими были, например, индустриализация и коллективизация, породившие массовую миграцию сельского населения в города. А наиболее стабильными оказались изменения в пространственной структуре этих поселений и жизненном укладе его населения. Время социальных трансформаций и их темпо-ритмы – важнейшая характеристика устойчивости малых городов и их динамики во времени и пространстве.

Малые города России претерпели, по крайней мере, *двенадцать серьезных потрясений*, вызвавших их качественные внутренние и внешние трансформации.

Во-первых, это была отмена крепостного права. Во-вторых, это были революция 1905–07 гг. В-третьих, это первая мировая война 1914–17 гг. и последовавшие за нею два революционных события: февральская и октябрьская революции. В-четвертых, это гражданская война 1918–22 гг. В-пятых, это НЭП со всеми его достоинствами и недостатками. В-шестых, это индустриализация и коллективизация 1929–34 гг. В-седьмых, это репрессии 1934–39 гг.

В-восьмых, это была Великая Отечественная война 1941–45 гг. и последовавший за нею восстановительный период. В-девятых, это начавшаяся паспортизация сельского населения, позволившая его части уехать в города, на заработки или пойти в армию. В-десятых, это «реформы Н.С.

Хрущева и, прежде всего, попытка перейти от отраслевого к территориальному управлению народным хозяйством, которая после его смещения с поста Генсека ЦК КПСС была прекращена, и страна снова вернулась к отраслевому управлению экономикой.

В-одиннадцатых, это начавшееся «самоторможение» народного хозяйства, в частности, вследствие роста внутри него и партийно-хозяйственного аппарата коррупции и теневой экономики. В-двенадцатых, это «перестройка», ознаменовавшая не только новую экономическую и социально-политическую революцию, но и начало перехода к глобально-ориентированной экономике и общественной жизни. Я перечислил только основные «поворотные» пункты российской истории за указанный период, каждый из которых имел свое социальную и экономическую специфику и темпо-ритмы развития и угасания.

Коммуникационный подход. В 2016–17 гг. Альянсом руководителей региональной прессы России (АРС-Пресс) был выполнен пилотный проект «Малые города России – история». Хотя проект был представлен как социальный, целями этого проекта были информационные исследования по истории малых городов России с целью систематизации и унификации полученной в результате информации и затем ее распространения в СМИ, но также как подоснова для разработки будущих проектов «ревитализации» этих малых населенных мест. Проект, важный как инструмент привлечения интереса СМИ к данной проблеме, все же был ограничен малыми городами центра европейской части России, не затрагивая всей сложности и разнообразия этой проблемы в масштабах всей страны (Владимирские ведомости, 2017). Было бы интересно узнать подробнее, как развитие информационно-коммуникационной среды влияет на структуру и динамику малых городов. Но в любом случае, если информационная связь между малыми городами будет установле-

на, она, несомненно, окажет позитивное воздействие на возможности их возвращения к полноценной жизни.

Влияние глобальных процессов. Подобные процессы воздействуют на малые города прямо и косвенно. Прямо – в форме их разрушения в ходе войн или радикальных экономических и политических реформ, приведших, например, к ликвидации некоторых малых городов, России вследствие их затопления (города Молога, Калязин, Корчева и др.) Рыбинским водохранилищем. Прямо – также посредством информационно-коммуникационного воздействия и/или включения малых городов в большие системы расселения. И косвенно – посредством отнятия у этих человеческих поселений их исторических и культурных ценностей, отвлечения и физического отнятия их социального потенциала от решения актуальных местных задач (угон в рабство во время первой и второй мировых войн).

На этом факте необходимо остановиться более подробно. Все виды войн, радикальных изменений общественного устройства российского общества и других критических ситуаций сопровождались гибелью сотен тысяч людей, разорением среды их обитания и вывозом из страны огромного количества материальных и культурных ценностей, начиная от зерна, леса и мехов и до икон, золота и драгоценностей. Это не означает, что все эти ценности принадлежали малым городам. Однако, несомненно, эти ценности были частью этих малых населенных мест, неотъемлемой частью их истории и культуры, или же ресурсами, которые могли бы быть использованы для их развития. В отличие от мегаполисов, которые по своей сути всегда были в значительной мере «глобальными», поскольку были узлами межгосударственных связей и взаимодействий, малые города, по моему глубокому убеждению, были хранителями русской, татарской и других культур СССР/России.

Вместе с тем, и в сугубо мирное время малые города испытывали на себе рис-

ки, произведенные большими городами и, прежде всего, посредством создания рядом с ними полигонов для мусора, произведенного в мегаполисах. Другая сторона той же проблемы рисков заключалась в том, что в случае природных катастроф или техногенных аварий помощь оказывалась, в первую очередь, мегаполисам с их миллионным населением.

Наконец, еще одна проблема, *геополитическая*. Исторически ситуация сложилась таким образом, что европейская часть российской территории осваивалась и использовалась во много раз интенсивнее, чем ее сибирская часть и Дальний Восток. Это приводило к тому, что каждый раз в случае возникновения критической ситуации (военные действия, захват части территории противником, разрушение ее инфраструктуры) наиболее обжитая и обустроенная территория страны подвергалась сильному разрушению, тогда как другая ее часть практически не страдала. Сегодня при наличии у вероятного противника мощных средств разрушения и средств их быстрой доставки сама эта ситуация приобретает критический характер. То есть *риски и их социальные последствия распределяются неравномерно по территории страны*. Это тем более опасно, так как именно на европейской территории России сосредоточен ее основной политический и интеллектуальный потенциал, однако ресурсы, необходимые для его воспроизводства и развития сосредоточены в ее азиатской части.

Социальные перемены под воздействием исторических событий. Представляется, что главной из них является слишком плотная *цепь критических исторических событий*, не позволившая населению малых городов и их институций адаптироваться к этим быстротекущим и, в своей основе, радикальным переменам. Эти изменения привели к следующим результатам.

Первый, сложившийся веками и очень медленно изменявшийся уклад жизни этих населенных мест подвергся пер-

манентным изменениям, носившим, как правило, критический или разрушительный характер, какими были войны, мобилизационные мероприятия, революции, кардинальное изменение способа общественного производства, непрерывные «реформы» и т.д. В итоге, веками формировавшийся сельский уклад жизни, а малые города России в своем большинстве были его неотъемлемой частью, подвергся быстрому разрушению.

Второй, особенно важно, что *разрушению подверглась сельская община* (или городское сообщество, близкое по своим характеристикам к сельскому укладу) как ключевой институт организации жизни малых городов. Вследствие трех войн и революций, индустриализации и коллективизации от сельского общинного уклада практически не осталось и следа. Войны, революционные потрясения, перемещения огромных масс населения, нехватка средств существования, голод и болезни, директивы и указания от центральных и местных властей, оргнабор на стройки социализма и коммунизма – все это подорвало сельский уклад жизни. Мне могут возразить, что малые города России и сельская жизнь – это не одно и то же. Согласен, однако, по большому счету, эти малые города, за исключением периода после 1950-х гг. были плоть от плоти сельского уклада жизни.

Третий, произошел распад традиционной большой семьи, которую ранее цементировал и воспроизводил тип индивидуального хозяйства. Воспроизводство семьи как первичной социальной ячейки, в свою очередь, зависело как от социальных факторов (например, от череды церковных дат и событий), так и от смены времен года. В общем и целом, ритм жизни был устойчивым, повторяющимся, даже случае социальных конфликтов или природных катастроф.

Четвертый, какой жизненный уклад пришел взамен? Он не был единообразным. Скорее, его можно квалифицировать, согласно доктрине А. Грамши и З. Баума-

на, как некоторый «промежуточный» (interregnum) между городом и деревней хозяйственный уклад и образ жизни. В конце 1960-х гг., когда мои коллеги и я (Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969), выдвигая концепцию урбанизации как всемирно-исторического процесса, мы тогда не располагали тем фактическим материалом, которым историки и социологи располагают сейчас.

Отличие этого образа жизни в том, что он более не был территориально укоренен, за исключением, так называемых моногородов, созданных по принципу одно предприятие и рабочий поселок при нем или десятков вахтовых поселков. Этот образ жизни был «укоренен» в государственной политике и всецело зависел от нее. А, как известно, эта политика периодически менялась, иногда радикально, как, например, во времена создания и разрушения совнархозов. *В результате возник социальный тип «маргинального человека».* То есть человека, который всецело зависит от политики, будь она национальная или глобальная.

Пятый, в отличие от мегаполисов, которые разрушали природные экосистемы, подчиняя их своим нуждам, малые города и сельские поселения были «встроенны» в природу и во многом зависели от нее. Дело не только в охоте, рыболовстве, заготовке дров и сборе грибов или ягод – житель малого города постоянно ощущал ее физическое и эмоциональное воздействие. Мои интервью с десятками экологов свидетельствуют, что взросление в сельской местности во многом определило их дальнейшую профессиональную деятельность.

Шестой, это нахождение населения этих городов между Сциллой и Харибдой, то есть между ограничением их территориальной мобильности (отсутствие паспортов, работа по трудовым договорам), с одной стороны, и различными формами мобилизации их трудовых ресурсов (оргнабор на стройки новых промышленных городов, их инфраструктуры, дорог, кана-

лов и мостов и т.д.). С моей точки зрения, в советский период подавляющее большинство форм труда носило мобилизационный характер, несмотря на множество объявлений «требуются рабочие» и т.п.

Седьмой, такие социальные катастрофы как войны, революции, индустриализация и коллективизация, голод в Поволжье и на Украине, засуха 1946 и 1972 гг. также резко нарушали только-только начинавшийся складываться ритм жизни в малых городах. Эти и подобные критические ситуации наступают достаточно быстро, а ликвидация их последствий затягивается на долгие годы или вообще не приводит к восстановлению прежнего социального уклада и образа жизни. Правы У. Бек и другие социологи, утверждавшие, что мы сегодня живем в век «побочных последствий». То есть предсказывать масштабные критические ситуации ни социология, ни другие науки еще не способны.

Восьмой, с распадом Советского Союза и переходом России к рыночной экономике наступил очередной переходный этап: структура и функции малых городов существенно изменились. Значительная их часть деградировала вследствие ликвидации сосредоточенных в них производственных мощностей. Если быть более точным, наступила новая фаза «всеобщей растащивки», то есть разграбления оставшегося производственного имущества, материалов, деталей машин и т.д. Наступил период челночной торговли и мешочничества как способа выживания. Подобное отношение было и в отношении к природе. Ситуация усугублялась нестабильностью политической ситуации и ростом преступности. Существовавший ранее социальный порядок перестал существовать.

Девятый, одновременно начался период имущественного и социального расслоения населения малых городов. СМИ свидетельствуют, что, несмотря на скудность бюджета этих городов, их администрация богатеет, а остальная масса населения беднеет. Эти люди или вынуждены

искать работу в больших городах, или же «возвращаться» к натуральному хозяйству, то есть к самообеспечению продуктами питания, заготовкам продуктов питания на зиму, ремонту и обустройству своего жилища и т.п.

Десятый, параллельно из этих городов под предлогом «оптимизации» сервиса и медицинского обслуживания вся их сеть перемещается в средние и крупные города, а в малых городах в лучшем случае остается школа, фельдшерский пункт и один магазин, или же раз в неделю приезжает автолавка. То есть такая «оптимизация» ведет к деградации малых городов. То, что должно было бы сделать государство или местное самоуправление – наладить доступное транспортное сообщение между малыми и большими городами – было переложено на плечи самих жителей малых городов и других отдаленных мест.

Кроме того, критическая социальная и экологическая ситуация во многих моногородах определяется, с одной стороны, устаревшим производственным оборудованием, а с другой стороны, их фактической принадлежности олигархическим структурам, которые не заинтересованы в их поддержании и развитии. Напомню, критическую ситуацию в городе Пикалево Ленинградской области 2009 г. Казалось бы, властям С. Петербурга ничего не стоило бы погасить социальный конфликт, возникший в них под боком. Но нет, потребовался приезд в город В. В. Путина и публичная критика им миллиардера О. Дерипаски, чтобы это конфликт погасить.

Одиннадцатый, как население малых городов выживают сегодня? Так как работа для него есть только в самых больших городах, основная часть трудоспособного населения малых городов и регионов выживают посредством периодической, как правило, раз в две недели, миграции в мегаполисы и – обратно, в свой городок или поселок городского типа. Этот периодический поток делится на три части: одна, состоящая из наиболее способной и продвинутой молодежи, старается закрепиться в

больших городах (в ВУЗах, на постоянной или временной работе); вторая, самая маленькая – стремится использовать малые города как трамплин или перевалочный пункт для эмиграции за рубеж; третья – это люди старшего возраста, но не только, которые остаются в этих городах, продолжая вести полугородской или полусельский образ жизни.

Двенадцатый, как повлияет на жизнь малых городов Четвертая промышленная революция, то есть всеобщая информатизация и коммуникация нашей страны и планеты в целом? По моему мнению, существующие процессы (отток трудоспособного населения в большие города и т.д.) только усилятся. Видимо, предполагая интенсификацию этого тренда, федеральные власти постепенно продолжают укрупнять административные единицы деления территории РФ. Что неизбежно повлечет за собой дальнейшее «опустынивание» системы малых городских поселений, если же здесь или в центре не найдут необходимых ресурсов для ускорения динамики уже начавшихся преобразований.

Некоторые вопросы, требующие дополнительных исследований. Как и двадцать пять лет назад, весь научный мир обуреваем надеждой на создание устойчивых городских систем. Вообще, термины устойчивость, устойчивое развитие (sustainability, sustainable development) оказались на редкость политически релевантным. Вроде задачу сформулировали правильно, а как ее реализовать – это надо решить в каждом конкретном случае. Типичный пример политической безответственности или, выражаясь социологическим языком, яркий пример «демонстрационного поведения». И почему-то в данном конкретном случае политики не желают заглянуть в любые справочники по системному анализу, где черным по белому написано, что *любая устойчивость достигается только через постоянные изменения*. Но политикам за красивые слова хорошо платят, а ученым – нет.

К тому же, пока нет междисциплинарных исследований, ориентированных на изучение ценностных ориентаций и социальной психологии населения малых городов разных типов. Несмотря на мощное давление рыночных отношений, социально-психологический тип большинства их коренных жителей сильно отличается от их «мобильных» детей и внуков, ориентированных на достаток, успех и карьерное продвижение.

Как будут развиваться эти города? Рассмотрим сначала вопрос концептуального характера: спасет ли эти города «клеточная урбанизация»? Если под этим термином действительно понимать урбанизацию, то есть «точечное» распространение городского образа жизни и обеспечивающих его инфраструктур, то, скорее всего, нет, не спасет. Вряд ли состоятельные горожане захотят строить свои коттеджи и поместья в среде деградирующих малых городов. Есть примеры, когда представители среднего класса (и среднего возраста, т.е. сорока и пятидесятилетние) переезжают на постоянное место жительства в дачные поселки, создают там свое хозяйство, заводят себе подобных друзей, но опять же – это именно зимние дачи-дома с полным циклом натурального хозяйства. Тем более что недавно принятый федеральный закон, получивший название «дачной конституции», заставит этих людей превращать свои участки именно в садовые или огородные хозяйства. Сказанное выше не означает, что эта категория людей не будет пользоваться городскими услугами (интернет, службы сервиса и доставки и т.д.).

Если не будет серьезных критических ситуаций, то развитие малых городов, скорее всего, пойдет по трем направлениям. *Первое* – это борьба за минимальное благоустройство городского типа. То есть газо- и электроснабжение, хорошие дороги, доступ к первичной медицинской помощи, борьба против свалок. *Второе* – это стремление населения и администрации этих городов стать полноправными элементами (административными единицами)

мегаполисов и других современных форм урбанизации. *Третье* – это создание или сохранение своей историко-культурной индивидуальности за счет усилий по поддержанию их историко-культурной специфики и потому привлекательности для российских и иностранных туристов. На европейской территории России таким городом является Мышкин, к тому же возрожденный по инициативе и во многом руками их коренных жителей (Ширяев, 1897; Гречухин, 2008).

Далее идут так называемые *моногорода* (принцип «один завод – один город»). В них сегодня проживает, по разным подсчетам, от 1/5 до 1/4 всего населения страны. Однако эти цифры ничего не говорят. Проблема в том, что эти города создавались в 1950-60-х гг. как рабочие поселки, обслуживающие одно предприятие, или же в целях рассредоточения промышленного производства на случай ядерного удара. В европейской части примером может служить город Кольчугино, в азиатской части – город Байкальск при Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате, ныне не работающем (закрыт в 2013 г.). Если, например, г. Кольчугино, созданный еще в XIX в., живет относительно неплохо, благодаря хорошим транспортным связям с сетью других городов, то все попытки «оживить» Байкальск после закрытия Байкальского целлюлозно-бумажного комбината практически ни к чему не привели (Yanitsky, 2011).

Раньше такие города существовали благодаря их нужности предприятию или министерству, которое их и создало. Однако после перехода на рыночные отношения большинство моногородов осталось без своего градообразующего предприятия. Вопрос о способах «ревитализации» этих городов стоит в повестке дня правительства РФ, но пока конкретных рекомендаций дано не было, а превращение их в «территории опережающего развития» (ТОРы) явно невозможно в нынешней экономической ситуации. Некоторые авторы предполагают, что оживление моногоро-

дов можно достичь за счет ресурсов «российской глубинки». Но для этого нужно, чтобы такие ресурсы там действительно были. Затем, нужны финансовые и другие средства для их освоения. И, наконец, а кто именно захочет жить и работать в этих городах со столь неопределенным экономическим и социальным статусом, когда молодежь видит, что единственной средой для карьерного продвижения и достижения материального благополучия являются мегаполисы?

Заключение (Conclusions). Анализ структуры и динамики малых городов предполагает сочетание следующих подходов: культурно-исторического, политико-экономического, комплексного, междисциплинарного, а также анализа темпоритмов взаимодействия и метаболизма составляющих их агентов и сред.

Как представляется, сегодня главная проблема малых городов, это какой будет динамика этих человеческих поселений? Вот возможные перспективы при относительно спокойном (не критическом) развитии событий.

С моей точки зрения, большинство из них войдут в состав агломераций или других форм интегрированных систем расселения. Это вариант наиболее перспективен с экономической, социальной и других точек зрения. Нужны, прежде всего, хорошие транспортные и информационные связи между всеми видами поселений, входящих в такие системы, а дальше будут происходить процессы самоорганизации. То есть одни функции малых городов будут развиваться, а другие постепенно отпадут вследствие наличия внутри-агломерационных связей. То есть коммуникация будет решающим фактором в динамике малых городов.

Естественно, у этой системы будут специфические формы, зависящие от типа производства. Предполагаю, что будут интенсивно развиваться относительно изолированные (закрытые) городки вдоль Северного морского пути как наиболее перспективного, с точки зрения, наличия

нефтегазовых и других ресурсов, этого региона «линейного» типа. С развитием транспортной инфраструктуры страны будут развиваться и другие типы вахтовых поселений. Сохранится также сеть закрытых (научных, военных, спортивных и других) малых городов.

Наконец, с ростом вероятности возникновения критических ситуаций (природных и техногенных катастроф) будет развиваться такой тип поселения как мобильные лагеря быстрого развертывания (гражданские, беженцев, военные, спасателей и т.д.). Примером является мобильные лагеря международной организации «Врачи без границ».

Но есть множество городов и поселков городского типа, которые, по моему мнению, оживить уже невозможно, и они постепенно отомрут в течение одного поколения, а их население будет переселено в другие города. К сожалению, градостроители пока недостаточно учитывают фактор роста всеобщей мобильности населения, в том числе региональной и глобальной (Urry, 2008).

Так или иначе, перспективы и динамика малых поселений будут зависеть от общей экономической и политической ситуации в мире, а также от интересов государства, ведущих экономических агентов и их сообществ. Критическая динамика малых городов требует специального исследования.

Список литературы

Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 43-53.

Владимирские ведомости. 2017. 3 марта. URL: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (дата обращения: 10.11.2018)

Гольдфарб С. Байкальский синдром. Расследование экологического преступления века. Иркутск: Агентство «Комсомольская правда – Байкал», 1996.

Горшков П. Н. Кольчугино. Город, завод, люди. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1981.

Гречухин В. А. Мышкин. По городам России. М.: Научный мир, 2008.

Лихачев Д. С. Экология культуры // Знание-сила. 1982. № 6. С. 22-24.

Лихачев Д. С. Избранное: Воспоминания. СПб.: Logos, 1997.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860 годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Ленинград: Наука, 1990.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX вв.). В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Булавин, 2018.

Проект «Малые города России – история» // Владимирские ведомости 2017. 30 марта. URL: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (дата обращения: 10.11.2018)

Ширяев С. О. Мышкин, город // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1897.

Яницкий О. Н. Экологический архив О.Н. Яницкого / Официальный сайт ИС РАН – 2014. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2983> (дата обращения: 10.11.2018)

Keen D. Complex Emergences. Cambridge: Polity, 2008.

Urry J. Global Complexities. Cambridge: Polity Press, 2003.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.

Yanitsky O. The Struggle in Defense of Baikal: The Shift of Values and Disposition of Forces // International Review of Social Research. 2011. № 1 (3). Pp. 33-51.

References

Akhiezer, A. S., Kogan, L. B. and Yanitskiy, O. N. (1969), “Urbanization, society and scientific and technical revolution” *Voprosy filosofii*, (2), 43-53. (in Russian).

Vladimirskie vedomosti (2017), 3 Mar. [Online], available at: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (Accessed 11 November 2018). (in Russian).

Gol'dfarb, S. (1996), *Baikal syndrome. Investigating the environmental crime of the century*, Agentstvo «Komsomol'skaya pravda – Baykal», Irkutsk, Russia. (in Russian).

Gorshkov, P. N. (1981), *Kolchugino. City, plant, people*, Yaroslavl, Russia. (in Russian).

Grechukhin, V. A. (2008), *Myshkin. Traveling across cities and towns of Russia*, Nauchnyy mir, Moscow, Russia. (in Russian).

Likhachev, D. S. (1982), “Ecology of culture”, *Znanie-sila*, (6), 22-24. (in Russian).

Likhachev, D.S. (1997), *Selected works: Memories*, Logos, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

Mironov, B. N. (1990), *Russian city in 1740-1860: demographic, social and economic development*, Nauka, Leningrad, Russia. (in Russian).

Mironov, B. N. (2003), *Social history of the Russian Empire (XVIII-beginning of XX century)*. In 3 volumes, Dmitriy Bulavin, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

Mironov, B. N. (2018), *Russian Empire: from tradition to modernity*, Dmitriy Bulavin, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

The "Small towns of Russia – history" Project (2017), *Vladimirskie vedomosti*, March 30, [Online], available at: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (Accessed 11 November 2018) (in Russian).

Shiryayev, S. O. (1897), “Myshkin, town”, *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

Yanitsky, O. N. *Ekologicheskiy arkhiv O. N. Yanitskogo* [Environmental archive of the O. N. Yanitsky] [Online], available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2983> (Accessed 11 November 2018) (in Russian).

Urry, J. (2003), *Global Complexities*, Polity Press, Cambridge.

Urry, J. (2008), *Mobilities*, Polity Press, Cambridge.

Yanitsky, O. (2011), “The Struggle in Defense of Baikal: The Shift of Values and Disposition of Forces”, *International Review of Social Research*, 1 (3), 33-51.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник виртуальной лаборатории «РНФ-45-ВП» Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского центра социологии РАН.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of philosophical science, Professor, Leading researcher at the lab. “RSF-17-45-VP”, Institute of Social Philosophical Studies and Mass Communication, Kazan Federal University, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6

Богданов В. С.¹
Мерзляков А. А.²

Диагностика потенциала социального участия в контексте
организации обратной связи между властью и населением

¹) Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0176-1007>

²) Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
merzliakov@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8846-1423>

*Статья поступила 5 ноября 2018 г.; Принята 12 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье на основе материалов пилотного диагностического исследования (2015), проведенного в 4-х субъектах РФ, рассмотрена проблема социального участия в управленческой практике. Акцентируется внимание на изучении социокультурного аспекта проблемы. Выдвинуто предположение о влиянии социокультурных и социально-экономических факторов на характер и уровень взаимодействия населения и власти. Предложены три критерия для диагностики потенциала социального участия: уровень развитости каналов обратной связи между населением и властью; общественная оценка эффективности работы как власти, так и самих граждан по совместному решению социально-значимых проблем; общественный потенциал участия. Выявлено, что каждый регион имеет свой уникальный потенциал социального участия. Отмечается низкий уровень удовлетворенности населения пользования каналами обратной связи при общении с органами власти и сохраняющееся отчуждение властной вертикали от реальных нужд людей. Сегодня исследование продолжается в контексте обоснования методики дистанционного анализа работы механизмов обратной связи в отношениях между властью и населением в регионах РФ при выполнении региональных и федеральных стратегических планов. В практической части вопроса уже сейчас актуализируется необходимость разработки социальных технологий работы органов власти и управления с учетом активного участия населения регионов, которые бы позволили апробировать и внедрить новые формы социального участия, а на основе умного регулирования закре-

пили бы механизмы обратной связи между властью и населением через развитие нормативно-правового поля, предоставляющего больше возможностей для реального (не номинального) вовлечения граждан в решение социально-значимых проблем регионов.

Ключевые слова: социальное участие; социальная диагностика; социокультурная модернизация; электронное правительство (e-Government); электронное управление (e-Governance); электронная демократия (e-democracy); электронное участие населения (e-participation); информационные технологии (informational technologies).

Информация для цитирования: Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 65-77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6

Vladimir S. Bogdanov ¹ Andrey A. Merzlykov ²	Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population
---	--

¹⁾ Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
isras@isras.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0176-1007>

²⁾ Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
isras@isras.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8846-1423>

*Received on November 5, 2018; Accepted on December 12, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. In the article, the problem of social participation in managerial practice is considered. The results are presented on the basis of materials of the pilot diagnostic study (2015) conducted in 4 regions of the Russian Federation. The article focuses on the study of the socio-cultural aspect of the social participation implementation mechanism. The assumption of socio-cultural and socio-economic factors' influence on the nature and the interaction level between population and authorities is made. The authors propose three criteria for diagnostics of social participation potential: the level of feedback channels development between the population and authorities; the public perceptions of work efficiency of both the authorities and citizens based on joint decision of the socially important problems; the potential of public participation. The authors emphasize the low level of public satisfaction with the use of feedback channels in communication with the authorities and the continued alienation of the power vertical from people's real life. Today, the research is being continued in the context of justification of a technique of the remote analysis of work of feedback mechanisms in the relations between the population and authorities in regions of the

Russian Federation in implementation of regional and federal strategic plans till 2030.

Keywords: social participation; social diagnostics; socio-cultural modernization; electronic government (e-Government); electronic control (e-Governance); electronic democracy (e-democracy); electronic participation of the population (e-participation); information technologies (informational technologies).

Information for citation: Bogdanov, V. S. and Merzlykov, A. A. (2018), "Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 65-77, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6

Введение (Introduction). Под социальным участием (далее – «СУ») понимается управляемый процесс социальной коммуникации с целью организации совместной деятельности граждан и групп населения с органами власти и управления. Это есть управление с обратной коммуникативной связью. Российский профессор Т. М. Дридзе очень четко зафиксировала, что «реализация социального участия происходит путем перманентного расширения «коммуникативного круга» с постепенным «втягиванием» в него все большего числа социальных субъектов с их разномотивированными критериями оценки социальной ситуации и социально значимых решений» (Дридзе, 1998). Это требующий внимания и всесторонней поддержки непрерывный процесс отношений между населением и органом власти (учреждениями, ведомствами), отвечающим за принятие решений. Он включает: меры взаимодействия с общественностью в части подготовки и принятия решений; информирования о статусе, разработке и реализации проектов, планов и различных программ; активный сбор и учёт мнений заинтересованных граждан, их предпочтений и предложений по использованию ресурсов и альтернативных стратегий (Geddes 1949; Canter 1996; Тихонов, 2009). СУ – это гибридный способ выработки, принятия и реализации управленческих решений. В идеале, в отличие от авторитарного или бюрократического способа он предполагает конструктивное взаимодействие всех субъектов, чьи интересы данное решение

затрагивает или может затронуть в дальнейшем (Мерзляков, 2014).

Под потенциалом СУ понимается совокупность возможностей и средств для реализации взаимодействия всех социальных субъектов, заинтересованных в успешной организации управленческого процесса на этапах выработки и реализации принимаемых решений. Потенциал СУ составляют развитость правового пространства в данной сфере; наличие и использование разнообразных организационных и информационных форм взаимодействия социальных субъектов; социокультурные особенности общественно-политической и территориальной среды, в которой реализуется процесс социального участия (Мерзляков, 2015).

Правовое поле и организационные формы участия – важные компоненты реализации потенциала СУ, но они слабо применимы при отсутствии «запроса» на их использование той средой, для которой они были разработаны. Социокультурная среда формирует особенности взаимоотношений и взаимодействий между населением с властью. Поэтому необходима ее диагностика, перед тем как разрабатывать технологии вовлечения общественности в управленческую практику. Особенно это важно для России, где каждый регион имеет свои традиции, устои, общественные представления, существенно различные в зависимости от истории, актуального состояния и перспектив развития. К тому же, характер взаимодействия между населением и властью в каждом регионе ситуативен

и поэтому по-разному может быть реализован на практике.

В этой связи задача выполненного диагностического исследования – оценка социокультурной составляющей. Выдвинуто предположение: в зависимости от социально-экономического и социокультурного развития в регионах сформировались разные условия для реализации социального участия. Чем сильнее разрыв в социокультурном развитии, тем заметнее различия в особенностях взаимодействия населения и власти, что должно найти отражение в уровне и механизмах СУ, а также в различных механизмах обратной связи, а именно в естественном (как сложилось), и в искусственном (рекомендуемом) – по критериям «умного регулирования» (smart regulation) (Gunningham, Grabosky, 2004) через актуализированные правовые механизмы, информационные технологии и оценку регулирующего воздействия на различных уровнях властно-управленческой вертикали.

Методология и методы (Methodology and methods). Для проверки обозначенной гипотезы в ходе поискового этапа исследования, были выбраны 4 региона – Московская и Белгородская области, Республика Башкортостан и Республика Калмыкия по следующим основаниям:

- административно-географический принцип – Московская и Белгородская области, располагаются в Центральном Федеральном округе, Республика Башкортостан в Приволжском федеральном округе, Республика Калмыкия в Южном федеральном округе;

- социокультурный принцип – по Н. И. Лапину в вышеуказанных регионах разные уровни социокультурной модернизации: Калмыкия – низкий уровень, Белгородская область и Башкортостан – средний уровень, Московская область – высокий уровень (Лапин, 2015);

- социально-экономический принцип – Республика Калмыкия, низкий уровень социально-экономического развития (81 место); Республика Башкортостан (10 место)

и Белгородская область (18 место) – средний уровень, Московская область (4 место) – высокий уровень¹.

Исследование проведено Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН методом анкетирования. Объем выборки в каждом регионе – 500 респондентов. Общий объем массива – две тысячи человек. Результаты исследования свидетельствуют: социокультурная среда регионов влияет на потенциал СУ населения и охватывают существующую практику взаимодействия – развитость каналов обратной связи между населением и властью в регионе; оценку эффективности совместной работы власти и граждан по решению социально-значимых проблем; общественный потенциал участия (личная готовность, наличие управленческого опыта и т.п.).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Как феномен социального участия, так и феномен «обратной связи» сегодня находятся под пристальным вниманием зарубежных и отечественных исследователей (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали..., 2017; Davies, 2015; Jho, Song, 2015; Kreiss, 2015). Они могут в равной степени относиться и к социологии коммуникаций, и к социологии управления, а также к ряду дисциплин, использующих современную методологию исследований для научно-обоснованной экспликации данного явления, процесса. На теоретическом уровне феномен обратной связи как базовая коммуникативная платформа для организации социального участия больше изучается в социально-философском аспекте, в традициях кибернетики (кибернетический подход на принципах двойной обратной связи, витки (кольца) обратной связи), а в теориях среднего уровня при помощи традиционных методов как в контексте социально-политических исследо-

¹ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2015 года. URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20160615/630026438.html (дата обращения: 15.07.2016).

ваний (гражданское участие) (Clarke, 2010; Leighninger, 2014; Pautz, 2010), так и в социологических – социальное участие (Дридзе, 1995; Bakardjieva, 2009; Komito, 2007; Macintosh, 2004; Tundjungarsi, Istiyanto, Winarko, Wardoyo, 2011).

К сожалению, можно констатировать, что современные исследовательские практики сегодня слабо интегрированы в практики управления, и еще в меньшей степени они используются для организации процесса обратной связи при построении работы всех властных структур. В мировой практике управления задачи организации обратной связи населения с органами государственной власти скорее номинально зафиксированы в моделях построения электронного правительства (e-Government), представляющие собой системы интерактивного взаимодействия государства и граждан при помощи Интернета (новые модели государственного управления), преобразующие традиционные отношения граждан и властных структур на основе информационных технологий. Однако в концепциях электронных правительств наблюдается скорее тренд «информационного обмена» в технократических традициях, чем реальная организация обратной связи государства и населения, что собственно доказывают результаты исследований наших иностранных коллег, к которым мы обратились и представили в наших предыдущих статьях в журнале «Научный результат». Обратимся хотя бы к европейскому опыту, где исследование зарубежных коллег, проведенное в Испании (Cegarra-Navarro, Cyrdoba Pachyn, Cegarra, 2012), позволило рассмотреть еще очень важный социокультурный аспект, касающийся оценки эффективности электронного правительства и реального взаимодействия власти и населения «здесь и сейчас». Группа испанских ученых обнаружила факторы, способствующие установлению доверительных отношений между местными властями и гражданами при он-лайн взаимодействии (посредством веб-сайтов). Было исследовано

179 испанских официальных городских сайтов (веб-сайты в муниципалитетах). Однако, на основе полученных данных ученые пришли к выводу, о том, что электронное правительство не может заменить прямого общения, а информационные технологии лишь позволяют расширять репертуар взаимодействия.

Теперь обратимся к результатам нашего исследования, в котором мы также зафиксировали различную степень готовности населения включаться в процессы взаимодействия с местной региональной властью в реальном и онлайн-режимах для решения социально-значимых проблем.

Практика взаимодействия населения и органов власти. Порядка 25% респондентов за последние два-три года обращались к органам власти. Однако далеко не все контакты с властью преследовали цели социального участия; обращения носили различный характер:

- решение личных вопросов, оформление документов, получение справок – 52,4%;
- высказывание своих замечаний, требований, предложений, попытка решения общественных вопросов – 36%;
- обмен информацией (получение совета, предоставление информации) – 11,6%.

К решению проблем СУ относится только вторая позиция: т.е. немногим больше трети всех обращений.

Другая важная характеристика – востребованность гражданами каналов обратной связи для общения с муниципальными и государственными органами власти: личные обращения в муниципалитеты – 27,2%; письменно в органы власти и общественные приемные – 23,2%; лично к работникам госорганов – 17,6%; дистанционно (по электронной почте) пытались донести информацию – 15,2%. Встречались с депутатами и выступали на собраниях – не более 8% граждан.

Для высказывания своих замечаний, требований предложений, решения обще-

ственных вопросов чаще всего используются следующие каналы обратной связи: письменные обращения в общественные приёмные и дистанционные методы обращений (через интернет); личные контакты – встречи с депутатами, выступления на собраниях.

Что касается встреч с представителями государственных и муниципальных властей, то для населения это вынужденная мера, так как без этого невозможного решение проблем личного характера (оформление документов, получение справок и т.д.).

Относительно частоты обращений для целей социального участия. Лидером по числу обращений выступает Московская область, где по сравнению с другими регионами население наиболее интенсивно

взаимодействует с властями (30,2%), в том числе и по поводу проблем социального участия (17,4%). По сравнению с другими регионами большинство каналов обратной связи гражданами используются гораздо интенсивнее, в том числе для дистанционного обращения к властям (табл. 1). Несколько реже население контактирует в Республике Башкортостане (27,6%) и Белгородской области (24%). В этих регионах немного ниже, чем в Московской области доля обращений касательно социального участия: 10,4% и 8,8% соответственно. Менее всего общались с властями жители Калмыкии как по общему числу обращений (19,6%), так и по вопросам социального участия 5,4%. Это сказалось на частоте использования каналов обратной связи, они слабо задействованы.

Таблица 1

Использование населением каналов обратной связи
(в % от общего числа опрошенных)

Table 1

Use of feedback channels by citizens
(in % of the total number of respondents)

Виды каналов обратной связи	Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область
Письменные обращения в органы власти разного уровня, в общественные приемные	7,4	4,7	7,9	5,7
Обращения в органы власти разного уровня дистанционно, по электронной почте	1,9	4,1	4,9	6,3
Личные встречи с депутатами	2,7	1,7	2,6	4,3
Личные обращения к работникам государственных органов	4,6	4,7	5,4	5,0
Личные обращения к работникам муниципальных органов	4,8	6,0	10,9	8,5
Выступления на собраниях	1,3	3,2	2,6	3,3

Уровень удовлетворённости результатами обращений. В ходе исследования не выявлено преобладающей оценки, но обнаружена зависимость удовлетворенности результатами от характера обращений.

Удовлетворенность от результатов обращений населения для целей социального участия оказалась значительно ниже, чем от обращений к властям с другими целями (табл. 2).

Чаще положительную оценку респонденты ставили по результатам личных обращений к работникам государственных и муниципальных органов власти. Результативными, по мнению граждан, оказались те каналы, предоставляющие населению госуслуги (получение справок, подача заявлений). Тогда как дистанционные или письменные обращения, встречи с депутатами и выступления на собраниях зачастую разочаровывали.

Уровень удовлетворённости обращениями в регионах различен. Причины – в

количестве обращений с целью социального участия. Удовлетворённость результатом таких обращений ниже остальных видов обращений. Например, в Калмыкии общий уровень удовлетворенности – 55,2%, а удовлетворенность обращений по проблемам социального участия – 32,7%. Схожая картина и в других регионах: Белгородская область – 39,1% и 26,2%; Р. Башкортостан – 36,9% и 14,9%; Московская область – 35% и 19,9%.

Таблица 2

Оценка удовлетворённости в зависимости от характера обращений
(в % от общего числа опрошенных в группе)

Table 2

Satisfaction evaluation based on the nature of addresses
(in % of the total number of respondents in group)

Характер обращений	Уровень удовлетворенности			
	Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь ответить
Решение личных вопросов, оформление документов, получение справок	43,2	25,7	26,4	4,7
Высказывание своих замечаний, требований, предложений, попытка решения общественных вопросов	22	25,3	47,4	5,3
Обмен информацией (получение совета, предоставление информации)	58,9	21,5	14,4	4,3

Наблюдается тенденция: чем выше доля обращений по проблемам социального участия, тем ниже уровень удовлетворённости людей. В результате наиболее высокий уровень удовлетворённости (среди опрошенных регионов) в Калмыкии, поскольку в данном регионе меньше всего обращений в целях социального участия. Самые низкие оценки удовлетворённости зафиксированы в Московской области, где доля обращений социального участия значительно выше, чем в других исследуемых регионах. Схожая тенденция в Башкортостане и Белгородской области.

Общественная оценка взаимодействия органов власти и населения в реше-

нии социально значимых проблем. Население оценивает способность властей принимать решения с учетом мнений граждан довольно скептически. При этом, чем дальше продвигается рассмотрение проблемы (осведомлённость о мнениях – учет мнений – совпадение мнений), тем ниже оценки властей (табл.3). К позитиву граждане чаще всего относят осведомленность властей о мнениях жителей. Несколько ниже учет мнений населения при принятии управленческих решений. Хуже всего оценивается мера совпадения принятых решений с мнениями граждан: здесь преобладают негативные оценки.

Общая тенденция – чем дальше про-

двигается рассмотрение проблемы, тем ниже оценки получают власти. При этом наиболее высоко оценивают деятельность властей по решению проблем в Москов-

ской и Белгородской областях, чуть хуже в Башкортостане. Самая плачевная ситуация в Калмыкии: здесь наиболее низкие оценки действий властей.

Таблица 3

Оценки деятельности властей по учету мнений населения
(в % от общего числа опрошенных)

Table 3

Evaluation of activities of authorities in consideration of opinions of the population
(in % of the total number of respondents)

Направление деятельности властей		Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область	В целом
Участие в решении проблем в целом	плохо	32,7	14,7	21,3	16,8	21,4
	удовл.	54,5	42,5	42,9	39,3	44,8
	хорошо	12,8	42,7	35,8	43,9	33,8
Осведомленность о мнении населения	плохо	40,7	19,8	28,4	22,1	27,7
	удовл.	45,6	44,9	39,4	36,4	41,6
	хорошо	13,8	35,3	32,2	41,6	30,7
Учет мнений населения в своей деятельности	плохо	43,2	24,1	24,3	26,0	29,4
	удовл.	45,3	39,8	44,1	38,9	42,0
	хорошо	11,4	36,1	31,5	35,2	28,6
Совпадение принятых решений с мнением людей	плохо	41,9	24,9	25,5	26,5	29,7
	удовл.	47,5	41,8	41,5	36,6	41,8
	хорошо	10,6	33,3	33,0%	37,0	28,5

Общественная активность населения характеризует готовность людей взаимодействовать с властью. Социальное участие – обоюдный процесс, поэтому важно оценить не только действия властей, но и активность самих граждан. В отличие от оценок, поставленных властям, действия рядовых граждан оцениваются выше, при доминировании средней оценки (табл. 4). Наиболее высоко оценена откровенность высказываемых мнений; несколько ниже активность и компетентность. Хуже всего оценивается конструктивность и деловитость высказываемых мнений. Можно говорить о весьма высоком общественном

потенциале участия, однако признается, что высказываемые претензии и требования не всегда имеют конструктивную основу, часто носят преимущественно эмоциональный характер.

В целом действия граждан оцениваются значительно выше, чем действия властей по организации совместного решения проблем. Лучшее всего оценивает свою активность население Белгородской области: по всем позициям доминируют положительные оценки – более 50%. На втором месте Московская область, где также доминируют положительные оценки, но они не столь выражены, как в Бел-

городской области. На третьем месте Башкортостан: доминируют средние оценки. Хуже всего ситуация в Калмыкии: преобладает средняя оценка, но отрицательных значительно больше, чем положительных.

В этом регионе наибольшая доля респондентов негативно оценивают практику общественного участия в решении социально значимых проблем.

Таблица 4

Оценки действий населения по участию в решении проблем
(в % от общего числа опрошенных)

Table 4

Evaluation of actions of the population participating in the solution of problems
(in % of the total number of respondents)

Характер участия		Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область	В целом
Участие в решении проблем в целом	плохо	26,4	15,4	13,7	14,8	17,5
	удовл.	53,4	33,2	45,7	40,5	43,1
	хорошо	20,3	51,4	40,6	44,7	39,4
Активность в выражении мнений о проблемах	плохо	30,3	15,5	21,3	13,6	20,1
	удовл.	47,8	32,9	44,5	38,6	40,9
	хорошо	21,9	51,7	34,2	47,8	39,1
Компетентность в выражении мнений	плохо	26,7	18,3	15,9	15,0	18,9
	удовл.	55,1	32,2	45,4	40,9	43,3
	хорошо	18,2	49,5	38,7	44,1	37,8
Откровенность в выражении мнений	плохо	26,9	17,4	14,4	11,7	17,5
	удовл.	52,2	25,9	41,7	38,5	52,2
	хорошо	21,0	56,6	43,9	49,8	21,0
Конструктивность и деловитость предложений	плохо	28,8	16,5	14,7	14,8	18,6
	удовл.	52,5	33,4	46,2	37,4	42,2
	хорошо	18,7	50,1	39,1	47,8	39,3

Такова действительность, а что в перспективе? В какой мере население готово включаться в совместное с властью обсуждение и решение проблем? Сравнение полученных результатов с данными мониторинга 2012-2014 г.¹ фиксирует: за последние три года ситуация практически не изменилась: личную готовность к уча-

стию выразили в 2012 г. – 40,8%, в 2014 – 40,7%, в 2015 – 40,8%, отказались от данного предложения в 2012 г. – 48,9%, в 2014 – 42,6%, в 2015 – 46,7%. Среди тех, кто готов принимать участие в совместном решении проблем значительно чаще встречались респонденты, имеющие опыт взаимодействия с органами власти. Особенно это касается тех, кто использовал каналы обратной связи для целей социального участия.

В целом социальная активность в регионах совпадает. При этом наибольшая была выявлена в Башкортостане и Калмыкии: больше всего готовых к участию (43,9% и 40,6% соответственно), и меньше

¹Имеется в виду Мета-проект «Гражданская экспертиза состояния и перспектив развития сферы управления в РФ», проведенный в 2012 и в 2014 г. Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН (руководитель – д.с.н., проф. А.В.Тихонов) [Тихонов, 2010]. Результаты исследования опубликованы в материалах V социологического конгресса (Екатеринбург, октябрь, 2016) [Мерзляков, 2016].

всего от него отказавшихся (43% и 45% соответственно). Иная картина в Московской и Белгородской областях: менее всего готовы участвовать жители Белгородской области (38,5%), а больше всего отказавшихся зафиксировано в Московской области (50,2%).

Исследование показало: чем ниже оценивается деятельность граждан по взаимодействию с властью, тем выше уровень личной готовности к участию. Яркий пример – ситуация в Калмыкии: высокая готовность к участию на фоне низкой оценки существующей включенности населения в управленческий процесс. Люди явно осознают необходимость исправления ситуации в регионе. Готовность к личному участию – важный шаг в решении существующих проблем.

Значимый фактор для взаимодействия с властью – личный *управленческий опыт* (далее – «УО»), складывающийся из опыта руководящей работы, наличия подчиненных и участия в общественной деятельности. УО позволяет более активно использовать каналы обратной связи и 61% обратившихся его имеют, 39% таким опытом не обладают. Еще сильнее это выражено при обращении к властям для решения проблем социального участия – 67% и 33% соответственно.

Те, кто имеют УО, значительно чаще обращаются к властям и чем богаче УО (наличие у респондента более чем одной характеристики), тем выше уровень пользования каналами обратной связи для целей социального участия. Регионы близки по количеству респондентов, имеющих соответствующий УО: Башкортостане – 45,6%, Белгородская область – 41,8%, Московская область – 43,2 %. Немного отстает Калмыкия: здесь примерно на 10% меньше таких респондентов (33,2%), чем в других регионах.

Важный фактор, побуждающий к взаимодействию с властями – сопричастность респондента к региону проживания, его *территориальная идентичность*.

В этой связи определялось отношение людей к региону своего проживания, уровень удовлетворенности жизнью в регионе и готовностью к переезду в другой регион. В целом был выявлен высокий уровень территориальной идентичности. Подавляющее большинство респондентов считают себя коренными жителями и чувствуют свою сопричастность к региону проживания (84%), достаточно высок и уровень удовлетворенности жизнью в регионе (73,3%). Готовность переехать в другой регион составляет около 10% в целом по регионам. Респонденты, считающие себя местными жителями, чаще пользуются каналами обратной связи при обращении к государственным и муниципальным органам власти, за исключением целей социального участия. Они чаще недовольны жизнью в регионе и чаще хотели бы уехать из него (14,9%), по сравнению с теми, кто не планирует этого делать (10,6%).

Заключение (Conclusions). Результаты нашего поискового исследования подтверждают гипотезу о влиянии социально-экономических и социокультурных факторов на взаимодействие населения с органами власти региона, но только в случае, если такое взаимодействие касается социального участия.

В регионах с высоким уровнем социально-экономического развития и социокультурной модернизации (Московская область) интенсивность взаимодействия населения и власти, с целью совместного решения проблем, значительно выше, чем в регионах с низким показателем развития (Калмыкия). Территориальное расположение региона не играет значимой роли во взаимоотношении власть-общество: в Белгородской области и Башкортостане выявлен схожий потенциал социального участия.

Также результаты исследования указывают на то, что в каждом регионе сложился свой потенциал социального участия, а предложенные социокультурные показатели (практика взаимодействия,

оценки сотрудничества власти и рядовых граждан, оценка общественного потенциала) позволяют этот потенциал измерить.

Вне зависимости от социокультурной специфики региона, обнаружен общий низкий уровень удовлетворённости населения эффективностью каналов обратной связи для целей социального участия. Респонденты, использовавшие такие каналы, значительно чаще ставили низкие оценки властям. В этой же группе выявлен наиболее высокий уровень намерений уехать из региона.

Общественный потенциал участия в целом весьма высок, но среди тех, кто готов принимать участие в управлении, велика доля недовольных сложившейся практикой взаимодействия населения и власти. И чем хуже (по мнению респондентов) эта ситуация, тем выше готовность к такому участию. Возможно, это связано со стремлением оказать властям помощь в решении существующих проблем. По сути, превалируют линейные связи детерминации социального участия граждан в управлении с уровнем социокультурной модернизации регионов. Это свидетельствует об отчуждении вертикали власти от реальной жизни населения, что во многих случаях носит повсеместный общероссийский характер. Как в советскую эпоху, так и на современном этапе развития общества, характеризующегося приобретением гражданами достаточно широкого пакета прав, отчужденность населения от управления не преодолена. Основной причиной отчуждения населения от власти стало отсутствие реальных, а не номинальных рычагов, с помощью которых граждане могут воздействовать на управляющую систему, оказывать воздействие на принимаемые ею решения. Данные им на волне демократизации права не получили своего воплощения в практической деятельности.

В ближайшее время предполагается продолжить анализ полученных данных поискового исследования, а также расширить эмпирическую базу данных за счет других регионов РФ, что в целом позволит

реализовать более верифицированную проверку комплекса гипотез по всему исследовательскому проекту.

Однако, в практической части вопроса уже сейчас можно говорить о необходимости разработки социальных технологий работы органов власти и управления с учетом активного участия населения регионов, которые бы позволили апробировать и внедрить новые формы социального участия, а на основе умного регулирования закрепили бы механизмы обратной связи между властью и населением через развитие нормативно-правового поля, предоставляющего больше возможностей для реального (не номинального) вовлечения граждан в решение социально-значимых проблем регионов.

Список литературы

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 44-47.

Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5-10.

Мерзляков А. А. Социальное участие как объект социологического анализа // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзе-ских чтений. М.: ИС РАН, 2014. С. 321-326.

Мерзляков А. А. Технологизация гражданского социального участия // Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСНАД, 2015. С. 296-298.

Мерзляков А. А. Готовность населения к участию в реформировании отечественной системы управления // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года / отв. ред. В. А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 3181-3193.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регио-

нов / Отв. редактор А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.

Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. М.: Изд-во Канон+, 2009.

Тихонов А. В. К обоснованию программы сетевого метапроекта «Готовность отечественной системы управления к решению задач модернизации и экономического развития» // Социальное обоснование стратегий городского регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований. Материалы IX Дридзе-вских чтений / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2010. С. 165-182.

Bakardjieva M. Subactivism: lifeworld and politics in the age of the internet // The Information Society. Taylor and Francis. 2009. Vol. 25, № 2. Pp. 91-104.

Clarke A. Social media: 4. Political uses and implications for representative democracy. Canada: Library of Parliament, 2010.

Canter L. W. Environmental Impact Assessment. Second Edition. McGraw-Hill, Book Co, 1996.

Cegarra-Navarro J. G., Cyrdoba Pachyn J. R., Cegarra J. L. E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities // International Journal of Information Management. 2012. Vol. 32. Pp. 469-478.

Davies R. e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation / European Parliamentary Research Service. 2015.

Geddes P. Cities in Evolution. London, 1949.

Gunningham N., Grabosky P. Smart Regulation Designing Environmental Policy. Oxford University Press, 2004.

Jho W., Song K. J. Institutional and technological determinants of civil e – participation: Solo or duet? // Government Information Quarterly. 2015. № 32. Pp. 488-495.

Kreiss D. The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy // Social Media + Society. 2015. Pp. 1-11.

Komito L. Community and inclusion: The impact of new communications technologies // Irish Journal of Sociology. 2007. Vol. 16, № 2. Pp. 77-96.

Leighninger M. Citizenship And Governance In A Wild, Wired World: How Should Citizens And Public Managers Use Online Tools To

Improve Democracy? National Civic Review. 2014. Pp. 20-29.

Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. Track 5, Hawaii, January 5-8, 2004. USA, 2004. Pp. 1-10.

Pautz, H. The Internet, Political Participation and Election Turnout // German Politics & Society. 2010. Vol. 28, № 3. Pp.156-175.

Tundjungsari V., Istiyanto J.E., Winarko E., Wardoyo R. E-Participation Modeling and Developing with Trust for Decision Making Supplement Purpose // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2011. Vol. 3, № 5. Pp. 55-62.

References

Dridze, T. (1998), "Social communication in management with feedback", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 44-47. (In Russian).

Lapin, N. (2015), "Relevant theoretical-methodological aspects researches of Russian modernization", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 5-10. (In Russian).

Merzlykov, A. (2014), "Social participation as a subject of sociological analysis", *Theses of the All-Russian scientific and practical conference and the XII-XIII Dridzevsky readings "National management system modernization: trends analysis and forecast development"*, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 321-326. (In Russian).

Merzlykov, A. (2015), "Civil social participation technology", *Sotsiologiya upravleniya. Teoretiko-prikladnyy tolkoviy slovar* [Sociology of management. Theoretical and applied dictionary], KRASNAD, Moscow, Russia, 296-298. (In Russian).

Merzlykov, A. (2016), "The Russian population readiness to participate in the national system management reform", *Materials of the V All-Russian sociological Congress "Sociology and society: social inequality and social justice"*, Russian Society of Sociologists, Moscow, Russia, 3181-3193. (In Russian).

Russia: reform of the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNIS RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. (2009), *Sociology of management: Theoretical bases*, Kanon+, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. (2010), "Program network meta-project "Readiness of the national management system to solving modernization and economic development problems" substantiation", *Theses of the All-Russian scientific and practical conference and the IX Dridzevsky readings "Social substantiation of urban, regional and corporate development: problems and research methods"*, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 165-182. (In Russian).

Bakardjieva, M. (2009), "Subactivism: lifeworld and politics in the age of the internet", *The Information Society. Taylor and Francis*, 25 (2), 91-104.

Clarke, A. (2010), *Social media: 4. Political uses and implications for representative democracy*, Library of Parliament, Ottawa, Canada.

Canter, L. W. (1996), *Environmental Impact Assessment. Second Edition*. McGraw-Hill, Book Co.

Cegarra-Navarro, J. G., Cyrdoba Pachyn, J. R. and Cegarra, J. L. (2012), "E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities", *International Journal of Information Management*, 32, 469-478.

Davies, R. (2015), *e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation*, European Parliamentary Research.

Geddes, P. (1949), *Cities in Evolution*, London.

Gunningham, N. and Grabosky, P. (2004), *Smart Regulation Designing Environmental Policy*, Oxford University Press.

Jho, W. and Song, K. J. (2015), "Institutional and technological determinants of civil e-participation: Solo or duet?", *Government Information Quarterly*, 32, 488-495.

Kreiss, D. (2015), "The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy", *Social Media + Society*, 1-11.

Komito, L. (2007), "Community and inclusion: The impact of new communications technologies", *Irish Journal of Sociology*, 16 (2), 77-96.

Leighninger, M. (2014), "Citizenship And Governance In A Wild, Wired World: How Should Citizens And Public Managers Use Online Tools To Improve Democracy?", *National Civic Review*, 20-29.

Macintosh, A. (2004), "Characterizing Eparticipation in Policy-Making", *Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences*, Track 5, Hawaii, USA, 1-10.

Pautz, H. (2010), "The Internet, Political Participation and Election Turnout", *German Politics & Society*, 28 (3), 156-175.

Tundjungsari, V., Istiyanto, J. E., Winarko, E. and Wardoyo, R. (2011), "E-Participation Modeling and Developing with Trust for Decision Making Supplement Purpose", *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 3 (5), 55-62.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Vladimir S. Bogdanov, PhD in Sociology, Senior Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Andrey A. Merzlykov, PhD in Sociology, Leading Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.422

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-7

Гусейнова К. Э.

Прорывные инновационные проекты как решение проблемы /
стратегического развития страны

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
likseidar@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7957-7317>

*Статья поступила 5 ноября 2018 г.; Принята 12 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного с целью выявления организационных и социокультурных барьеров на пути инновационных проектов. Анализируется применение терминов «инновация», «инновационный проект», как в науке, так и в практике разработки федеральных программ. Делается акцент на научной новизне инновационных проектов. Утверждается, что реализация национальных проектов требует социологического сопровождения. В качестве примера приводятся результаты исследования организационно-технических барьеров на основе дистанционного анализа официальных сайтов органов власти и управления 14 субъектов Российской Федерации, сгруппированных по уровню их социокультурной модернизации, от высшего к низшему, на основе методики ИФ РАН (Н.И. Лапин). Речь идет о возможностях такого способа выявления проблем, препятствующих реализации стратегических инновационных проектов в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. В заключении сделан вывод о том, что инновационная деятельность – это сложный многоуровневый процесс, включающий в себя ряд обязательных процедур, а социокультурные инновации, в свою очередь, наглядно демонстрируют механизмы трансляции культурного и научного опыта с индивидуального на коллективный уровень.

Ключевые слова: инновации; прорывные технологии; инновационные проекты; Курчатовский институт; конвергенция технологий; акторы инноваций; социокультурные инновации; социокультурная модернизация.

Информация для цитирования: Гусейнова К. Э. Прорывные инновационные проекты как решение проблемы стратегического развития страны // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 78-86. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-7

Ksenia E. Guseynova

Breakthrough innovation projects as a solution to the problems
of strategic development of the country

Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
likseidar@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7957-7317>

*Received on November 5, 2018; Accepted on December 12, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article presents the results of a sociological research conducted to identify organizational and socio-cultural barriers to innovation projects. The article analyzes the use of the terms "innovation", "innovative project", both in science and in the practice of developing Federal programs. The emphasis is on the scientific novelty of innovative projects. It is argued that the implementation of national projects requires sociological support. As an example, the author presents the results of the study of organizational and technical barriers on the basis of a remote analysis of the official websites of the authorities and management of 14 subjects of the Russian Federation, grouped by the level of their sociocultural modernization from the highest to the lowest, on the basis of a technique of IPH RAS (N.I. Lapin). It is concluded that innovative activity is a complex multi-level process, which includes a number of mandatory procedures, and socio-cultural innovations, in turn, clearly demonstrate the mechanisms of translation of cultural and scientific experience from the individual to the collective level.

Keywords: innovations; breakthrough technologies; innovative projects; Kurchatov Institute; convergence of technologies; actors of innovations; sociocultural innovations; sociocultural modernization

Information for citation: Guseynova, K. E. (2018), "Breakthrough innovation projects as a solution to the problems of strategic development of the country", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 78-86, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-7

Введение (Introduction). В Центре социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН на протяжении нескольких лет проводятся исследования, направленные, в том числе, на изучение действующих инновационных процессов. С учетом результатов, полученных опытным путём, становится очевидно, что дальнейшее совершенствование управления инновациями невозможно без учёта интеграции гуманитарных и естественных наук, что всё чаще рассматривается с позиций постнеклассической методологии (Lefebvre, 2014) и что не может не сказаться на организационно-управленческих механизмах осуществления такой работы.

В современных условиях инновационная политика стала основой государственной практики управления. Об этом свидетельствуют многочисленные официальные документы (стратегии, концепции, указы Правительства Российской Федерации), призванные развивать и поддержи-

вать отечественных ученых в мировом научном пространстве.

Учеными до сих пор не выработано единое определение инновационной политики. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что суть его должна содержать в себе вышеупомянутые официальные документы. Что касается конкретно инноваций, на сегодняшний день существует множество определений данного понятия и все они могут быть сведены к тому, что основу любого инновационного процесса составляет новшество, разрабатываемое и внедряемое в разных сферах производства и общественной жизни. Согласно Н. И. Лапину (ИФ РАН), инновация – «это процесс создания, распространения и использования нового практического средства... это есть процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социокультурной и вещественной среде, в которой совершается жизненный цикл инновации» (Лапин, 2008). Её предметное содержание, процесс создания, а также пу-

ти и способы её использования – всё это входит в широкий круг определения данного термина. Новшество может иметь несколько форм практического применения: «это новые продукты, новые технологии их производства, новые социальные (экономические, организационные и др.) структуры и отношения, новые нормы и образцы культуры (локальные и социальные)».

Методология и методы (Methodology and methods). В науке ведётся множество дискуссий по поводу определения новизны инноваций. Ученые до сих пор не пришли к выводу о том, какие признаки определяют актуальность внедрения тех или иных инноваций. Согласно работам всё того же Н. И. Лапина, по степени новизны можно выделить два вида инноваций:

1) радикальные, базовые инновации – отвечают за создание принципиально новых практических средств, отвечающих запросам новых потребителей;

2) модифицирующие, совершенствующие, улучшающие инновации – отвечают за трансформацию существующих практических средств, соответствующих актуальным потребностям.

Оба эти вида можно рассматривать в качестве приоритетных при создании национальных стратегий, нацеленных на разработку инновационных государственных практик.

Эффективная инновационная деятельность приводит к улучшению работы всей организации. Выступая в качестве средства интеграции, она способствует адаптации организации к изменяющимся условиям внешнего мира. Успех такой организации во многом зависит от умения понять суть проблемы, найти верные пути и способы её решения, в этом и заключается суть инновационной деятельности.

Что же касается инновационных проектов, к ним можно отнести кооперативные формы организации совместной деятельности. Гораздо шире данный термин рассматривается в Концепции социально-

экономического развития РФ 2030¹. В тексте официального документа выделены два типа инновационных проектов.

Первый тип нацелен на развитие наукоёмких технологий, на повышение конкурентоспособности отечественной науки в области высоких технологий. Особое внимание при этом уделяется прогрессивным отраслям науки, таким как информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), нанотехнологии, биомедицина и проч. Конвергенция указанных областей знания может привести к появлению новых прорывных технологий в междисциплинарной сфере. Следует отметить, что само слово «конвергенция», употребляемое в основном представителями гуманитарных и естественных наук, наиболее точно отражает динамику современных научных разработок. И если в России данный феномен развития инновационных технологий стал известен относительно недавно (Лекторский, Пружинин, Алексеева, 2013), то в западной литературе он уже многие годы является неотъемлемой частью научного дискурса (Rorty, 1980; Bainbridge, 2005; Choices, Values, and Frames, 2002; Converging Technologies for Improving Human Performance, 2003; Schummer, 2008; Sztompka, 2009; Roco, Mirkin and Hersam, 2011; Umpleby, 2014).

В нашей стране термин «конвергенция» в последние несколько лет получил широкое распространение благодаря работе Национального исследовательского центра «Курчатовский институт». Именно ему отечественная наука обязана развитию и внедрению конвергентных нано-, био-, инфо-, когно-, социогуманитарных технологий (Ковальчук, 2011). Это технологии «природопобного» типа, возникшие благодаря применению междисциплинарного подхода в развитии науки и техники. Как

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 15.10.2018).

утверждается в стенограмме¹ заседания Совета по науке и образованию, прошедшего недавно в Кремле, конвергентные природоподобные технологии являются ярким примером утверждения собственной научной повестки среди мировых научных направлений.

Второй тип инновационных проектов ориентирован на развитие отдельных отраслей, занимающихся созданием прорывных технологий. Сюда можно отнести развитие авиа-, ракето- и машиностроения, механики, вычислительных средств и др.

Отечественные инновационные проекты осуществляются на базе федеральных программ, нацеленных на повышение безопасности, защиту страны от внешних и внутренних угроз, на развитие фундаментальных исследований, повышение конкурентоспособности среди развивающихся и развитых стран (Матюх, 2012).

В результате можно прийти к выводу, что прорывной инновационный проект сегодня рассматривается не только с точки зрения его вклада в научно-технический потенциал страны, но также и с позиции принципиально новых путей инновационного развития.

Нынешний статус Российской Федерации свидетельствует о том, что наша страна всё-таки сумела преодолеть множество трудностей, потрясших нашу страну в 90-е годы XX века и снова завоевать статус государства, научный потенциал которого может конкурировать с потенциалами передовых держав. Московский физико-технический институт, например, популярно именуемый – Физтех, созданный в далёком 1951 году тремя нобелевскими лауреатами, занимает достойное место среди лучших университетов мира, согласно международному рейтингу вузов²

(Round University Ranking³). Сохраняя традиции прошлого, университет по-прежнему обладает обширной научно-исследовательской базой, занимается передовыми экспериментальными исследованиями. Не только профессора, но также и некоторые студенты являются действующими лауреатами Нобелевской премии мира.

Специалисты «нового типа», значительное количество которых должно появиться с развитием междисциплинарной системы (согласно реализации Концепции 2030) уже сейчас учатся и работают в стенах Физтеха. В 2017 году один из его факультетов получил официальный статус – Институт нано- био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных наук и технологий (ИНБИКСТ)⁴, работающий на базе Курчатовского института. Отечественные инженеры и технологи (НИЦ Курчатовский институт) представляют собой новаторов в том смысле, что они в теории и на практике (в предмете своей деятельности) объединяют социогуманитарное знание с научно-техническим.

Опыт работы Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН включает в себя ряд исследований по изучению наукоградов (2004-2007 гг.), инновационно-технологических кластеров по программе Президиума РАН (2007-2015 гг.), уровня модернизации и работы властно-управленческой вертикали в регионах РФ (2015-2017 гг.), социально-организационных барьеров реализации стратегических программ научно-технологического развития по программе Президиума РАН (2018-2021 гг.). Научным коллективом предметно изучались про-

¹ Стенографический отчёт о заседании Совета по науке и образованию. URL: <http://geopolitica.info/vladimir-putin-provyol-v-kremle-zasedanie-soveta-pri-prezidente-po-nauke-i-obrazovaniyu.html> (дата обращения: 27.11.2018).

² Три российских вуза попали в алмазную лигу международного рейтинга RUR. URL:

<https://www.eg.ru/society/634417-tri-rossiyskih-vuzapopali-v-almaznuyu-ligu-mejdunarodnogo-reytinga-rur/> (дата обращения: 20.11.2008).

³ Round University Ranking (RUR Ranking) – международный рейтинг вузов, оценивающий эффективность деятельности 750 ведущих вузов мира по 20 индикаторам. Издаётся российским рейтинговым агентством RUR Agency с 2010 года.

⁴ <https://mipt.ru/dnbic/>

блемы управления различными инновационными процессами.

В 2018 году в рамках проекта по Президиуму РАН, посвященному изучению барьеров, препятствующих реализации Стратегии научно-технологического развития (СНТР) (2016 год), с помощью методологии онлайн исследований (ИНАБ № 1, 2012; ИНАБ № 2, 2012) были изучены официальные сайты исполнительных органов власти в 14 субъектах РФ, отобранных в соответствии с уровнем их социокультурного развития: высокий, средний, ниже среднего и низкий (Тихонов, Богданов, Мерзляков, 2018). Именно такая стратегия научно-технологического развития лежит в основе реализации прорывных инновационных проектов в субъектах Российской Федерации.

Основная задача первого этапа поискового исследования состояла в попытке определения роли и характера взаимодействия всех заинтересованных сторон, участвующих в стратегическом развитии регионов (от органов власти и управления до стейкхолдеров).

Для проведения социологической экспертизы был использован метод «электронного респондента» (модифицированный метод контент-анализа содержания сайтов), разработанный и апробированный научным коллективом Центра.

Информационный контент, размещенный на сайтах, случайно был выбран в качестве единицы анализа, т.к. именно высшая власть субъекта РФ является включенным актором инновационной деятельности, выполняющим двойную функцию – отражение потребностей региона и исполнение указов федерального уровня.

Научная задача для коллектива авторов состояла в том, чтобы измерить научно-технологическое развитие регионов в контексте решения социально-экономических проблем, являющихся стратегическими показателями инновационной политики.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В ре-

зультате исследования, обнаружилось следующие проблемы:

- реализация стратегических документов зависит от уровня социокультурной модернизации каждого конкретного региона;
- потенциал вовлечения социально активных граждан в процесс разработки и внедрения инновационных проектов слабо используется руководством регионов;
- зафиксирован критически низкий уровень информирования населения о действиях, проводимых в рамках реализации СНТР;
- большинство результирующих документов о реализации федеральных указов нацелено на отчетность перед высшей исполнительной властью страны.

Основной вывод исследования сводится к тому, что деформация государственных управленческих практик, выраженных, в данном случае, в реализации стратегических инновационных документов, является результатом смещения административно-организационной ориентации в сторону получения «галочки» сверху. Несмотря на то, что в регионах с развитым социокультурным потенциалом эти проблемы наблюдаются значительно реже, их наличие свидетельствует о том, что работа и образ действий многих региональных чиновников до сих пор остаются заточенными под формирование «красивой картинки» извне.

Модернизация отечественной системы управления имеет непосредственное воздействие на все сферы общественной жизни страны (Атлас модернизации России и её регионов, 2016). Инновационная политика России, выражение которой мы видим в разработке многочисленных стратегических документов, нацелена на скорое комплексное решение проблем, на улучшение качества и уровня жизни населения страны. Однако реальная ситуация такова, что многие регионы находятся на среднем и ниже среднего уровне развития, в том числе как в социально-

экономических, так и в научно-технологических сферах.

Несоответствие целей, установленных Правительством, и реальных результатов, достигнутых на региональном уровне, свидетельствует о наличии не только организационных, но и социокультурных барьеров. Любой из них становится, при определённых условиях, фактором, тормозящим процесс государственного развития. Организация работы в некоторых субъектах РФ, призванная решать социально-экономические проблемы, на текущий момент не способна адекватно реагировать на новые требования.

Выявление таких проблем может быть достигнуто с помощью специально организованного социологического сопровождения подготовки и реализации стратегических Проектов. Национальная инновационная политика не может и не должна осуществляться без использования социологического знания на всех этапах этой работы. В пользу этого свидетельствует и то, что одним из важнейших социокультурных факторов, влияющих на работу такого механизма, как инновационная деятельность, является социальная компетенция участников организационного процесса. Данный факт необходимо учитывать при разработке инновационных подходов для образования «социального тела» адекватного возможности их реализации, в первую очередь, в том числе внутренних проблем любого уровня.

Руководитель (чиновник, глава региона и др. инновационные акторы), выступая в качестве формального лидера инновационной деятельности, должен находиться в процессе постоянной рефлексии относительно факторов, влияющих на внешнюю и внутреннюю инновационную политику организации. При изменении технологического процесса участники инновационной деятельности могут потерять «большую часть своей компетенции. Это обстоятельство служит предпосылкой негативного социального самочувствия людей и отражается на их способностях

консолидации, на всех уровнях» (Агзамов, 2014).

Специалист в области инновационной политики должен обладать характеристиками социолога для качественной оценки проблемы и её прогнозирования. Он должен быть включённым в разработку управленческих решений. На этот факт в своих работах обращает внимание один из основных разработчиков современной теории социологии управления, профессор А. В. Тихонов. Согласно ему, «управление без стремления в будущее, без сформулированного или смоделированного человеком желаемого результата и схемы, плана его достижения и, конечно, без сознательного построения механизма обратной связи теряет свое основополагающее свойство» (Тихонов, 2007).

Инновационный принцип в работе производственных и научных организаций не может осуществляться без институциональных изменений всего регулятивного комплекса. Данный процесс вряд ли может быть успешным без использования социально-гуманитарных знаний. Социальные инновации, в данном случае, требуют от организации готовности не только к принятию новой целевой программы развития, но и к прогрессивному характеру работы с учетом ожиданий и представлений других людей.

Закключение (Conclusions). Из всего вышеперечисленного следует, что реализация любого стратегического документа, равно как и создание прорывного национального проекта, влечёт за собой активизацию цепи механизмов, зависящих не только от действительного socioeconomic статуса, но также и от социокультурных особенностей всех акторов, вовлечённых в инновационную политику. Для этого следует обратить особое внимание на формы и способы формирования коммуникативного пространства при реализации инновационных проектов.

Механизмы, способствующие возникновению инновационной деятельности, определяют внутренние социальные кана-

лы взаимодействия между участниками процесса. К таким механизмам относятся все процессы, нацеленные на структурную интеграцию социальных субъектов с внешней и внутренней системой. Следует помнить о том, что инновация – это всегда ответное рефлексивное действие по отношению к возникшей проблеме. Соответственно, необходимость в использовании социокультурных инноваций возникает тогда, когда сама организация (регион) (руководство и все работники) не может признать свою неспособность достичь того уровня развития, который необходим для решения проблемы. Акторы инновационной деятельности должны иметь четкое представление обо всех возможных ресурсах и способностях, которыми они обладают. Соответственно, решение о внедрении инноваций должно быть результатом долгой аналитической работы, подтверждающей роль инновационной политики как единственно верного и эффективного способа решения возникшей проблемы.

Социокультурные инновации направлены на оптимизацию различных социальных механизмов, характеризующих уровень прогресса общества в целом. Инновационная деятельность – это сложный многоуровневый процесс, включающий в себя ряд обязательных процедур: анализ, прогнозирование, оценка динамики, разработка дополнительных управленческих стратегий, минимизация негативных последствий (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали..., 2017). Все вышеперечисленные показатели указывают на то, что социокультурные инновации могут претендовать на осмысление с позиции различных теорий, таких как социокультурная динамика, антропоцентрическая парадигма Н. И. Лапина, семиосоциопсихологическая парадигма Т. М. Дридзе, социология управления А. В. Тихонова.

Инновации в обязательном порядке включаются в социокультурный контекст жизни регионов с разным уровнем социокультурной модернизации – такова пер-

спектива таких разработок в нашем цивилизационном развитии. При целенаправленном регулировании процесса модернизации, ориентация на инновационный путь решения стоящих проблем зависит от управления разработкой и реализацией соответствующих программ и социологического сопровождения их реализации.

Список литературы

- Агзамов Р. З. Социальные компетенции в предметном поле социологии управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 38 с.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
- ИНАБ № 1 – 2012. Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования) [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01 (дата обращения: 13.11.2017.).
- ИНАБ № 2 – 2012. Наукограды в кризисной ситуации (по материалам интерактивного исследования) [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. 45 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_02.html (дата обращения: 19.11.2017).
- Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. № 1-2. С. 13-23.
- Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии / В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов, В. Г. Горохов, Д. И. Дубровский, Л. П. Киященко, П. Д. Тищенко // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 17-26.
- Лапин Н. И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2008. 328 с.
- Матюх Е. Т. Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке // Философские науки. 2012. № 7. С. 33-37.
- Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры (по материалам дистанционного исследования в 14

регионах страны с разным уровнем социокультурной модернизации) / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Мерзляков, К. Э. Гусейнова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. № 3. С. 380-415. URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/view/841/820> (дата обращения: 21.11.2018).

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.

Bainbridge M. S., Roco M.C. Managing nano-bio infocogno innovations: converging technologies in society. Springer, 2005.

Choices, Values, and Frames. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.

Lefebvre V. Matching by Fixing and Sampling: A Local Model Based on Internality // Behavioral Processes. 2014. Vol. 78, Pp.204-209.

Roco M., Mirkin C., Hersam M. Nanotechnology Research Directions for Societal Needs in 2020: Retrospective and Outlook. NSF/WTEC report. Springer, 2011.

Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. Oxford: Blackwell, 1980. 401 p.

Schummer J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: «The best way to predict the future is to create it» // Maasen S., Kaiser M., Kurath M. & Rehmann-Sutter Ch. (eds.) Deliberating Future Technologies: Identity, Ethics, and Governance of Nanotechnology, Heidelberg et al.: Springer, 2008.

Sztompka P. One Sociology or Many? The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions. 2009. Pp. 21-29.

Umpleby Stuart A. Second order science: logic, strategies, methods // Constructivist Foundations. 2014. Vol. 10, No. 1, Pp. 16-23.

References

Agzamov, R. Z. (2014), "Social competence in the subject field of sociology of manage-

ment", Abstract of PhD dissertation, Modern Humanitarian Academy, Moscow, Russia. (In Russian).

Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: a collective scientific work (2016), in Lapin, N. I. (ed.), Ves' Mir, Moscow, Russia, 360. (In Russian).

The competitiveness of domestic IT-companies (2012), INAB 1, Institute of Sociology of RAS, Moscow, Russia, [Online], available at: http://www.isras.ru/inab_2012_01 (Accessed 13 November 2017). (In Russian).

Science cities are in a crisis situation (2012), INAB 2, Institute of Sociology of RAS, Moscow, Russia, [Online], available at: http://www.isras.ru/inab_2012_02.html (Accessed 19 November 2017). (In Russian).

Koval'chuk, M. (2011), "Convergence of science and technology – a breakthrough in the future", *Rossiyskie nanotekhnologii*, (1-2), 13-23. (In Russian).

Lektorskiy, V. A., Pruzhinin, B. I., Alekseeva, I. Y., Arshinov, V. I., Gorokhov, V. G., Dubrovskiy, D. I., Kiyashchenko, L. P. and Tishchenko, P. D. (2013), "Convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies: a philosophy challenge", *Voprosy filosofii*, (12), 17-26. (In Russian).

Lapin, N. I. (2008), *Theory and practice of innovation: Unoversity book*, Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Matyuh, E. (2012), "Theory of "risk society" in modern Humanities", *Filosofskie nauki*, (7), 33-37. (In Russian).

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Merzlyakov, A. A. and Guseynova, K. E. (2018), "Problems of development and implementation of strategic programs of scientific and technological development in the regions of the Russian Federation: socio-organizational barriers (based on remote research in 14 regions of the country with different levels of socio-cultural modernization)", *MIR (Modernizaciya. Innovatsii. Razvitie)*, (3), 380-415, [Online], available at: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/view/841/820> (Accessed 21 November 2018). (In Russian).

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2007), *Sociology of management: Theoretical foundations*, Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, Moscow, Russia. (In Russian).

Bainbridge, M. and Roco, M. (2005), *Managing nano-bio infocogno innovations: converging technologies in society*, Springer.

Choices, Values, and Frames (2002), Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science (2003), Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, The Netherlands.

Lefebvre, V. A. and Sanabria, F. (2008), "Matching by Fixing and Sampling: A Local Model Based on Internality", *Behavioral Processes*, 78, 204-209.

Roco, M., Mirkin, C. and Hersam, M. (2011), *Nanotechnology Research Directions for Societal Needs in 2020: Retrospective and Outlook*, NSF/WTEC report, Springer.

Rorty, R. (1980), *Philosophy and the mirror of nature*, Blackwell, Oxford, UK.

Schummer, J. (2008), "From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: «The best

way to predict the future is to create it»", in Maasen S., Kaiser M., Kurath M. & Rehmann-Sutter Ch. (eds.) *Deliberating Future Technologies: Identity, Ethics, and Governance of Nanotechnology*, Springer.

Sztompka, P. (2009), "One Sociology or Many?" *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*, 21-29.

Umpleby, Stuart A. (2014), "Second order science: logic, strategies, methods", *Constructivist Foundations*, 10 (1), 16-23.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гусейнова Ксения Эльдаровна, младший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, аспирант.

Ksenia E. Guseynova, Junior Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Post-graduate Student.

УДК 323.21

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8

Евстифеев Р. В.

**Общественные палаты субъектов Российской Федерации
в системе управления региона: основные проблемы
функционирования и оценки эффективности работы**

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
ул. Горького, 59А, Владимир, 600017, Россия
roman_66@list.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3851-7035>

*Статья поступила 6 ноября 2018 г.; Принята 10 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы функционирования региональных Общественных палат в системе управления региона и подходы к оценке их деятельности. На основе принципов неоинституционализма, разрабатываемых в рамках исследований публичной политики при изучении взаимодействия органов власти с обществом проведен анализ нормативно-правовой базы, ежегодных докладов и практик функционирования региональных Общественных палат, выделены основные проблемы их деятельности, включая способы формирования, определение основных функций, подходы к оценке деятельности и потенциала взаимодействия с органами власти. Исследование показало, что до сегодняшнего дня отсутствуют общепринятые адекватные инструменты и шкалы измерения и оценки развития институтов гражданского общества, что приводит к доминированию в публицистике и в научной литературе описательных характеристик и оценочных суждений с большой долей субъективности при рассмотрении деятельности региональных общественных палат. Одним из инструментов оценки эффективности региональных общественных палат могли бы стать методы, разрабатываемые в рамках концепций интеллектуального капитала, адаптированные к институтам гражданского общества. В статье сформулированы рекомендации по дальнейшим направлениям развития региональных Общественных палат и методов оценки их эффективности на основе измерения интеллектуального капитала.

Ключевые слова: общественные палаты; органы власти; оценка эффективности; интеллектуальный капитал.

Благодарность. Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00328 «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах».

Информация для цитирования: Евстифеев Р. В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 87-100. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8

Roman V. Evstifeev

Public chambers of the subjects of the Russian Federation in the regional system of government: the main problems of functioning and evaluation of the efficiency of work

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

59A Gorky St., Vladimir, 600017, Russia

roman_66@list.ru

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3851-7035>

Received on November 6, 2018; Accepted on December 10, 2018;

Published December 30, 2018

Abstract. The article deals with the problems of functioning of regional Public Chambers in the system of regional administration, including approaches to the evaluation of their activities. The author identifies the main problems of regional Public Chambers such as the methods of formation, the definition of the basic functions, approaches to evaluation of activities and the potential for interaction with authorities. The study showed that until today, there are no generally accepted adequate tools and scales for measuring and evaluating the development of civil society institutions, which leads to the dominance in journalism and in the scientific literature of descriptive characteristics and judgments with a high degree of subjectivity when considering the activities of regional public chambers. One of the tools for assessing the effectiveness of regional public chambers could be the methods developed within the framework of intellectual capital concepts, adapted to the institutions of civil society. The article formulates recommendations on further directions for the development of regional Public Chambers and methods for evaluating their effectiveness on the basis of measuring intellectual capital. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-03-00328 “Institutions and practices of interaction between the authorities, expert community and public organizations in Russian regions”.

Keywords: public chambers; authorities; efficiency evaluation; intellectual capital

Information for citation: Evstifeev, R. V. (2018), “Public chambers of the subjects of the Russian Federation in the regional system of government: the main problems of functioning and evaluation of the efficiency of work”, *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 87-100, DOI:10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8

Введение (Introduction). В современной России по мере развития общества и государства становятся заметными проблемы, связанные с взаимодействием общественных институтов и органов власти (Зайцев, 2017), (Кульназарова, 2017), (Сokolov, 2018).

Как отмечается в Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год, подготовленном Общественной палатой Российской Феде-

рации, повышение роли третьего сектора в экономике и общественно-политической жизни является мировой тенденцией. Растет значение гражданского общества и в России. Но гражданское общество находится в постоянном движении, и его «дизайн» не похож на тот, что был еще двенадцать месяцев назад. Эти трансформации нелинейны, противоречивы: несмотря на рост гражданской активности и значительное увеличение количества тех, кто вовле-

чен в различные общественные инициативы, добровольческую деятельность и занят благотворительностью, число самих некоммерческих организаций (НКО) снизилось; остается низким и доверие граждан к ним. Не всегда оказываются готовыми к взаимодействию с общественными структурами и органы власти, хотя именно через общественные организации запросы и интересы граждан аккумулируются и доставляются в институты принятия властных решений¹.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации уже созданы и динамично развиваются общественные институты влияния граждан на власть – Общественные палаты регионов. Региональными палатами активно нарабатывается опыт взаимодействия и структурирования гражданского общества. Однако, как это часто бывает, быстро развивающиеся социально-политические практики опережают процессы научного осмысления. Можно сказать, что изучение проблем, форм и методов взаимодействия региональных органов власти и институтов гражданского общества только начинается, особенно это касается изучения деятельности региональных Общественных палат. Анализ показывает, что на сегодняшний день наиболее спорными вопросами деятельности региональных Общественных палат являются проблемы их формирования, определение и реализация их функций и полномочий, а также оценка эффективности работы общественных палат.

Методология и методы (Methodology and methods). Исходя из обозначенной актуальности темы, целью данной статьи является рассмотрение проблем функционирования региональных Общественных палат в системе управления региона и подходов к оценке их деятельности.

В качестве методологического подхода в статье использованы принципы неoinституционализма, разрабатываемые в рамках исследований публичной политики при изучении взаимодействия органов власти с обществом, общественными организациями, экспертными и научными сообществами. В качестве изучаемого объекта в статье рассматриваются складывающиеся практики взаимодействия между региональными органами власти и региональными Общественными палатами. Для исследования выбраны четыре субъекта Российской Федерации – город Санкт-Петербург, Тверская область, Владимирская область и Саратовская область. Выбор субъектов Федерации был обусловлен попыткой рассмотреть ситуацию в субъектах из различных Федеральных округов (в данном случае – из трех), кроме того при отборе имело значение и разнообразие субъектов – крупный город федерального значения, субъект Федерации с центром в виде города с населением около миллиона жителей, два субъекта Федерации, лежащие между двух мегаполисов. Методом сбора данных выступает комбинация методов, выработанных в русле социологической науки (контент-анализ документов и правовых актов, включенное наблюдение) и политической науки (анализ акторов, ивент-анализ).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Региональные общественные палаты – явление изначально довольно неоднородное, и по своему происхождению, и по содержанию. В некоторых регионах России общественные палаты или институты, являющиеся их подобием, появились за несколько лет до создания Общественной палаты Российской Федерации, то есть до 2005-го года. Только после принятия рамочного Федерального закона от 23.06.2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» можно говорить о некоторой универсализации прин-

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017. 100 с.

ципов создания и деятельности региональных общественных Палат.

Основная идея создания Общественной Палаты РФ была в том, чтобы приблизить граждан к процессу принятия властных решений через особый институт функционального представительства интересов различных социальных групп. За относительно короткое время с 2005 года Общественная Палата РФ заняла свое место в социально-политической системе страны. В соответствии с последним опросом ВЦИОМ (февраль, 2018 г.), деятельность Общественной Палаты одобряют более 50% респондентов, что выше, чем рейтинг одобрения у политических партий, судебной системы и профсоюзов¹ (Деятельность общественных институтов, 2018).

Опыт развития федеральной Общественной Палаты привлек внимание регионов, и сразу после создания Федеральной палаты в субъектах Федерации стали формироваться подобные институты.

В 2005-2016 гг. региональные общественные палаты формировались и действовали, исходя из представлений органов региональной власти об этих процессах, таким образом, в каждом субъекте Российской Федерации были свои способы особенности при создании этих совещательных структур и особенности их работы. Начиная с 1 января 2017 года, то есть с момента вступления в силу нового федерального закона, начинается период централизованной регламентации порядка формирования и функций региональных общественных палат. Надо отметить, что именно эти две позиции вызывали наибольшие споры и разброс практик в регионах. От порядка формирования региональной общественной палаты зависела система контроля за ее деятельностью, а от

набора функций и полномочий – влияние на жизнь региона. В последствие к этим двум моментам добавилась и третья спорная позиция – инструменты оценки деятельности региональных Общественных палат.

Исследования 2006-2014 гг. показывают, что деятельность, функционал и результаты работы Общественных палат и советов серьезно отличались друг от друга в различных регионах. Некоторые из них создавались только формально, в рамках сложившейся моды на общественные палаты, другие действительно представляли настоящие общественные объединения (Козлова, Гавриков, 2017). Естественно, ведущую роль в создании и в организации деятельности региональных общественных Палат играли власти регионов, которые в большинстве случаев видели в этих общественных органах инструменты легитимизации собственных решений (Евстифеев, 2017а).

Анализ нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, действовавших до принятия Федерального закона, показал, что региональные Общественные палаты имели различные правовые статусы, создавались и действовали на основе различных нормативно-правовых актов: одни создавались на основе специальных законов субъектов Федерации, другие формировались по инициативе общественности, третьи создавались решением руководителя региона. Принципы формирования региональных общественных палат также различались. В этих условиях заметным было стремление региональных властей взять под контроль деятельность региональных палат через влияние на их состав и обеспечение их деятельности.

Новый этап консолидации и интеграции общественных палат регионов начался в 2011 г., когда в Общественной палате Российской Федерации был сформирован Совет по взаимодействию с

¹ Деятельность общественных институтов, 2018. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 15.09.2018).

Общественными палатами, действующими в субъектах Российской Федерации. Перед Советом была поставлена задача наладить эффективное взаимодействие с Общественными палатами субъектов Российской Федерации, оказывать им информационную, методическую и иную поддержку в реализации возложенных на них задач.

Кроме этого, при Общественной палате Российской Федерации в том же 2011 г. был сформирован Координационный комитет общественных советов. В основе деятельности Комитета лежали принципы коллегиальности и добровольности, он являлся совещательным органом, состоящим из представителей общественных советов министерств, служб и ведомств Российской Федерации. Комитет был призван осуществлять координацию общественных советов, осуществлять выработку единых подходов по основным вопросам организации эффективной деятельности, интегрировать усилия общественных советов при разработке, реализации и экспертизе межведомственных программ и проектов.

Опыт работы указанных совещательных органов показал необходимость разработки специального закона, регулирующего деятельность региональных общественных палат. С инициативой разработки такого «рамочного» законопроекта выступила Общественная палата РФ. Эту инициативу активно поддержали другие институты гражданского общества, в том числе и из регионов, и в 2016-м году закон, устанавливающий общие принципы формирования и деятельности Общественных палат субъектов Федерации, был принят.

Состояние региональных Общественных палат в РФ можно проанализировать с помощью ежегодных докладов ОП РФ о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, докладов ОП субъектов РФ о состоянии гражданского общества в субъектах Российской Федерации, а также информации,

опубликованной на сайтах палат.

Анализ ежегодных докладов региональных Общественных палат показывает, что взаимодействие институтов гражданского общества с другими субъектами социальной и политической деятельности находятся на стадии становления, то есть на этапе эпизодических взаимодействий, еще не ставших системными. Механизмы взаимодействия некоммерческого сектора с органами государственной власти пока не обрели институциональный статус. Диалог между институтами гражданского общества и органами власти не приобрел характер институциональной нормы, не регламентирован устоявшимися правилами, которые регулировали бы это взаимодействие.

Несомненно, создание и активная работа Общественных палат в регионах привело к активизации деятельности институтов гражданского общества. В деятельности региональных общественных палат уже имеется немало примеров разработки и продвижения общественных инициатив, выработки содержательных рекомендаций.

Анализ показывает, что по состоянию на сентябрь 2018 г. во всех субъектах Российской Федерации сформированы и работают Общественные палаты. На сайте Общественной палаты РФ имеются ссылки на сайты региональных общественных палат. На сайтах размещена информация о самой палате, составе, направлениях деятельности, о проводимых мероприятиях, а также публикуются ежегодные доклады о состоянии гражданского общества в регионе.

Федеральным законом установлено единое для всех понимание целей и задач региональных общественных палат. Так, в соответствии со ст. 1 Закона общественная палата субъекта Российской Федерации обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, и некоммерческих организаций, со-

зданных для представления и защиты прав и законных интересов профессиональных и социальных групп, осуществляющих деятельность на территории субъекта Российской Федерации, с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления, находящимися на территории субъекта Российской Федерации, в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты прав и свобод граждан, прав и законных интересов некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия на территории субъекта Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом формирование региональных Общественных Палат строится следующим образом. Одна треть членов Общественной палаты региона назначается решением руководителя региона из числа представителей общероссийских общественных организаций, которые действуют на территории региона, другая треть назначается региональным парламентом. Далее сформированная на две трети Общественная палата выбирает последнюю треть состава из числа представителей общественных организаций региона. При этом порядок отбора этих членов и процедура подсчета голосов устанавливаются региональным законом. Финансирование региональной общественной палаты происходит за счет средств бюджета региона и в размерах, определяемых региональными властями. Региональные общественные палаты участвуют в формировании состава Обще-

ственной палаты Российской Федерации, делегируя в нее 85 представителей.

Региональные законы об Общественной палате во многом дублируют федеральный закон в части целей, задач и основных функций палат. Основной целью всех Общественных палат является содействие развитию гражданского общества и его институтов в субъектах Российской Федерации.

Выполнение норм Федерального закона позволило справиться с проблемами формирования региональных общественных палат и нормализовало ситуацию с функциями палат. Однако и здесь еще остались проблемы на региональном уровне.

По мнению экспертов Общественной Палаты РФ, во многих регионах общественные палаты по-прежнему не имеют собственной повестки и в диалоге с властями не сопровождают социальные конфликтные ситуации. Главным источником указанных проблем в деятельности общественных палат субъектов Федерации является отсутствие у органов власти прямых обязательств перед такими институтами-посредниками. Решения общественных палат носят исключительно рекомендательный характер; отсутствуют механизмы действенного реагирования органов власти на запросы общественных организаций и инициативных групп, сформулированные, как правило, в виде резолюций мероприятий (Доклад..., 2017: 16).

В связи с этим целесообразными можно признать предложения Общественной Палаты РФ о закреплении нормы об участии ОП РФ в процессе формирования региональных общественных палат. Одним из вариантов укрепления самостоятельности общественных палат в регионах могло бы стать участие Общественной палаты Российской Федерации в их формировании, например, с помощью введения специальных квот для федеральной Общественной палаты при формировании региональных палат.

Кроме того, Общественная палата Российской Федерации планирует активнее использовать такой важный механизм взаимодействия и консолидации гражданского общества, как Совет Общественной палаты Российской Федерации по взаимодействию с общественными палатами субъектов Российской Федерации (Совет общественных палат России). Расширенное заседание Совета состоялось 2 ноября 2017 года в рамках итогового форума «Сообщество» в Москве. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», вступивший в силу в январе 2017 года, установил новый порядок формирования региональных общественных палат, а также предоставил им дополнительные финансовые и организационные возможности для реализации общественных инициатив.

В целях сокращения оставшихся разрывов и различий в деятельности региональных палат и привлечения населения к решению местных проблем Общественная палата Российской Федерации начала проект «#ЧТОНЕТАК». Проект предполагал проведение в регионах открытых круглых столов и дискуссий с участием глав субъектов Российской Федерации и представителей общественности, в том числе и из числа критически настроенных к региональной власти (Доклад..., 2017: 15). Следует отметить, что, несмотря на активное продвижение проекта и большой интерес к нему со стороны общественности, региональные органы власти выражали к нему настороженное отношение.

На наш взгляд, основной нерешенной проблемой остается проблема оценки деятельности общественных палат. Отсутствие адекватных инструментов и шкал измерения и оценки развития институтов гражданского общества приводит к тому, что сегодня в публицистике, да и в научной литературе, доминируют описательные характеристики региональных обще-

ственных палат и оценочные суждения с большой долей субъективности.

Проблема оценки эффективности организации традиционно решается в рамках направлений менеджмента и экономической науки, с применением ряда известных и хорошо отработанных инструментов. Эффективность общественных организаций – гораздо более комплексное понятие, требующее применения как количественных, так и качественных показателей, выработанных в рамках различных научных направлений.

Обычно, эффективность организации оценивается с точки зрения полученных результатов, выраженных как в количественном, так и в качественном виде. Научный подход к определению эффективности деятельности любого органа требует предварительной работы по определению набора критериев, достижение или недостижение которых позволяло бы сделать вывод об эффективной или неэффективной деятельности. В своей совокупности критерии должны определять результаты, которые должна достигнуть организация. Однако, институты гражданского общества, конечно, обладают определенной спецификой и определение эффективности работы Общественных палат не может строиться только на принципах, разработанных в рамках классического менеджмента.

В политической науке принято выделять, по крайней мере, четыре методологических подхода к исследованию взаимодействия органов власти с обществом, общественными организациями, экспертными и научными сообществами (Zaytsev, 2016). Это структурный подход (structural approach), сетевой подход (network approach), системы политического консультирования (Policy Advisory System approach), «пограничный» подход (Boundary work approach).

Изучение литературы показывает, что последние три подхода акцентируют свое внимание на различных моделях участия экспертов и консультантов в приня-

тии политических решений, ставя своей задачей описать условия и характеристики этого влияния и оценить его вклад в принятие решений. При этом за рамками этих исследований остаются такие общественные органы как общественные палаты. С одной стороны, это можно объяснить тем, что с точки зрения этих подходов такие общественные органы рассматриваются либо как почти не влияющие на принятие политических решений, либо как откровенно бутафорские или имитационные институты.

Напротив, структурный подход может предложить иной взгляд на деятельность общественных палат регионов и на их взаимодействие с органами власти (Hall, 1988). Этот подход предполагает рассмотрение общественных институтов, реализующих взаимодействие власти, экспертного сообщества и гражданских общественных организаций с точки зрения совмещения концепций публичной политики (public policy) и концепций «обучающихся политик» (learning policy), «социального обучения» (sociallearning), «организационного обучения» (Lindblom, Charles, Cohen, 1979). В данных концепциях взаимодействие между общественными институтами и органами власти рассматриваются не только как процесс разрешения конфликтов различных групп и выработки конкретных политических решений, но и как процесс приобретения и использования новых знаний (Сунгуров, 2017). В соответствии с этими концепциями любые изменения или реформы являются результатом совместных действий людей, представляющих как структуры исполнительной и (или) представительной власти, так и лидеров «групп защиты общественных интересов» (advocacy group). В эти группы также входят и представители экспертного сообщества (носители знаний). Именно эти не всегда стабильные группы являются теми акторами, которые продвигают те или иные реформы или инновации (Морякина, Сунгуров, 2017).

В рамках данного подхода уже имеется достаточно большое количество работ, в которых анализируется деятельность консультативных советов различного уровня, созданных для практической реализации взаимодействия органов власти и общества, включая научные и экспертные сообщества. Однако, не отрицая объяснительную ценность данного подхода, необходимо отметить, что в его рамках пока не имеется сколько-нибудь общепринятой системы оценки и сравнения результатов взаимодействия общественных организаций и органов власти.

В России наиболее популярным и разработанным является подход, основанный на оценке способностей общественной палаты аккумулировать и трансформировать общественные требования в управленческие решения.

Автор ряда научных работ, посвященных развитию некоммерческого сектора, А.В. Тарасенко, предлагает оценивать эффективность общественной палаты через показатели социально-экономического и политического развития регионов и показатели деятельности самих общественных палат (Тарасенко, 2009).

Среди групп факторов, влияющих на деятельность общественных палат, А. Тарасенко выделяет следующие:

1. *Социально-экономические и политические факторы:*

- уровень социально-экономического развития региона;
- индекс человеческого развития.
- уровень конкуренции в политической сфере региона,
- уровень электоральной поддержки руководителя региона.

2. *Факторы, относящиеся к функционированию Общественной палаты:*

- способ формирования ОП,
- источники финансирования ОП,
- процентное соотношение НКО в руководящем составе;
- руководство совещательного органа,
- положение в политической системе.

В рамках этого же подхода Ш.Ш. Ка-

кабадзе предлагает оценивать эффективность институтов гражданского общества их способностью обеспечивать реальное равновесие интересов (Какабадзе, 2009). Иными словами, в основу оценки ставится дихотомия между реальным согласованием интересов различных акторов и ситуацией, в которой допускается принудительный характер взаимодействия и даже принуждение, игнорирование интересов того или иного участника взаимодействия. Таким образом, делает вывод Какабадзе, в наиболее общем виде, эффективность институтов определяется их вкладом в демократизацию политических взаимодействий и в сохранение политической и социальной стабильности.

Заслуживает внимание и система показателей, разработанная отделом Общественной палаты РФ по взаимодействию с региональными Общественными палатами, общественными наблюдательными комиссиями и НКО (Потанина, 2015: 65). Среди этих показателей:

1. Вовлеченность палаты в социальную, экономическую и политическую жизнь региона.
2. Присутствие палаты в информационном поле (радио, телевидение, газеты, интернет), ее узнаваемость среди населения (PR работы палаты должен стать одной из основных задач).
3. Развитые взаимоотношения с органами исполнительной и законодательной власти, органами местного самоуправления.
4. Конкретные результаты деятельности, которые должны выражаться не только в количестве проведенных мероприятий, а в конкретных делах (экспертиза, законоотворчество, акции, рекомендации власти, выигранные судебные процессы, защита конкретных людей и т.д.)
5. Активное экспертное сообщество.
6. Ресурсная деятельность по развитию третьего сектора региона в целом.
7. Разнообразие форм деятельности палаты.
8. Наличие Аппарата палаты, обеспе-

чивающего организацию работы палаты, и финансирование.

Как видно из всей этой группы показателей, большинство из них носят вторичный и комплексный характер, зависящий от целого ряда показателей социально-экономического развития региона. Тем не менее, данная система показателей при дальнейшем развитии в сторону большей точности и открытости может быть полезной.

Российский исследователь И. Брянцев на основе изучения деятельности нескольких общественных палат регионов предлагает оценивать эти органы по трем направлениям (Брянцев, 2017): во-первых – способ формирования Общественной палаты, как переговорной площадки, который закрепляет право органов власти влиять на процесс её формирования, отдавая предпочтение тем или иным общественным организациям. Во-вторых, условия участия в осуществлении общественного контроля. В-третьих, роль общественной палаты в процессе предоставлении субсидий НКО для реализации социально-значимых проектов.

Данные показатели берут за основу три функции общественных палат – представительство интересов общества, общественный контроль и участие в перераспределении бюджетных средств.

Опыт изучения деятельности общественных палат регионов показывает, что для оценки их деятельности и для проведения сравнений необходимо также привлекать более точные инструменты, обладающие параметрами, позволяющие проводить количественные сравнения. Одним из таких подходов мог бы стать подход, основанный на введении точных цифровых показателей и критериев эффективности, позволяющих «оцифровать» некоторые элементы деятельности Общественных палат. Речь идет о методах, разрабатываемых в рамках концепций интеллектуального капитала (Corporate Reporting of Intangible Assets, 2012).

С точки зрения авторов данных концепций, интеллектуальный капитал представляет собой неосязаемую, нематериальную ценность, которая, тем не менее, в современный период оказывает значительное влияние на формирование общей стоимости и капитализации как отдельных компаний, так и регионов, и национальных государств. С этой точки зрения, потенциал взаимодействия экспертного сообщества и органов власти на региональном уровне также может быть оценен как вклад в интеллектуальный капитал региона.

На сегодняшний день разработано довольно много методов оценки интеллектуального капитала (Andriessen, 2004), однако все они плохо адаптированы для сферы публичных отношений (Dumay, Guthrie, Puntillo, 2015). Одним из наиболее приемлемых инструментов оценки в данной сфере может быть монитор нематериальных ресурсов, разработанный международной компанией Celemi, специализирующейся в области оценки знаний и интеллектуального капитала. Монитор нематериальных активов Celemi выделяет три направления анализа нематериальных активов: клиенты (направление, касающееся внешних структур взаимоотношений с клиентами и поставщиками, торговых марок, контрактов и репутации или имиджа), организация (внутренняя корпоративная структура, состоящая из патентов, принципов, договоров на поставку, моделей и компьютерных и административных систем), люди (общая компетентность служащих, их способность действовать в самых разных обстоятельствах).

Исследование деятельности общественных палат в четырех российских регионах (г. Санкт-Петербург, Владимирская область, Тверская область, Саратовская область), проведенное в рамках проекта «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах» позволило апробировать применение данного метода оценки интеллектуального капитала региона для оценивания

потенциала взаимодействия органов власти и общественных органов (Евстифеев, 2017б). Контент-анализ отчетов Общественных палат указанных регионов, проведенный в ходе исследования, показал, что наибольшей содержательной нагруженностью с точки зрения выполнения функций общественных органов обладает деятельность Палат, направленная вовне, на общество, в большинстве случаев – взаимодействие

Таким образом, в основу модели, адаптированной к сфере взаимодействия органов власти и общества, был взят блок «клиенты», под которым понимается структура взаимоотношений органов власти и экспертов, формы и содержание договоренностей, репутация, имидж органа власти в обществе. Блоки, касающиеся организации и персонала, требует отдельной разработки и в данной статье пока не рассматриваются. Однако, они учитываются при создании матрицы клиентов, то есть классификации «клиентов» – участников взаимодействия с органами власти.

Применение методов анализа акторов и ивент-анализа позволило провести дифференциацию членов общественных палат регионов с точки зрения распределения интеллектуального капитала. С этой точки зрения членов Общественных палат можно условно определить, как «клиентов» организации, вносящих важную долю интеллектуального капитала в нематериальные активы органа власти. Таким образом, можно выделить три категории «клиентов», позволяющих развивать внешнюю, внутреннюю структуры и общую компетентность сотрудников и организации в целом.

Первая категория – «клиенты», улучшающие имидж, то есть те эксперты, которые пользуются в регионе хорошей репутацией и могут кому-нибудь порекомендовать сотрудничество с органами власти. Такие «клиенты» необходимы для привлечения внимания к позитивным сторонам деятельности организации, их дей-

ствия улучшают внешнюю структуру организации.

Вторая категория – «клиенты», улучшающие организацию. Это эксперты, которые требуют поиска новых решений и тем самым заставляют орган власти совершенствовать прежние методы работы или внедрять новые. Такая группа экспертов улучшает внутреннюю структуру организации и формы ее взаимодействия с внешней средой.

Третья категория – «клиенты», повышающие компетентность. Это эксперты и граждане, взаимодействие с которыми требует от органа власти приобретения новых навыков, компетенций. Эта группа экспертов помогает изменять эффективность работы органов власти и повышать компетентность государственных служащих и органов власти в целом.

Оценка числа «клиентов» в разрезе выделенных трех групп может быть основой для анализа использования интеллектуального капитала региона. Дополнительным критерием оценки может стать фиксация и индексирование взаимодействий общественных органов и экспертного сообщества с присвоением каждому взаимодействию соответствующего индекса.

Изучение практики работы (инвент-анализ, анализ акторов) и документов (контент-анализ ежегодных отчетов за последние пять лет) Общественных палат указанных регионов показывает, что в документах находят отражение в основном описание взаимодействия с первой группой экспертов, которые демонстрируют высокую степень лояльности к органу власти и готовы эту лояльность транслировать во внешнюю среду. Эта же тенденция проявляется и в информации об общественных палатах, попадающей в публичную сферу. В гораздо меньшей степени в деятельности общественных палат представлены «клиенты» второй и третьей групп. Более глубокое изучение вопроса методами включенного наблюдения показало, что при формировании Общественных палат и

общественных советов эксперты второй и третьей групп рассматриваются органами власти как менее приемлемые по сравнению с экспертами первой группы. Организационно и технически это реализуется через существующие способы формирования Общественных Палат, регламенты их работы и регламенты взаимодействия с внешней средой. Очевидно, что это создает определенную стабильность во взаимоотношениях с экспертами, но, с другой стороны, снижает возможности использования интеллектуального капитала, что, в свою очередь, приводит к снижению эффективности деятельности органов власти и отставанию в овладении новыми необходимыми компетенциями.

Заключение (Conclusions). Таким образом, изучение практики работы региональных общественных палат показало, что основными общими проблемами для них являются способы формирования, наделение функциями и их реализация, методы оценки эффективности работы. После принятия рамочного Федерального закона от 23.06.2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» можно говорить о некоторой универсализации принципов создания и деятельности региональных общественных Палат.

Вместе с тем, есть основания говорить о том, что принципы формирования и реализация функционала общественных палат регионов находятся под сильным влиянием администраций субъектов Федерации, что снижает самостоятельность общественных палат. Самостоятельность региональных общественных палат может укрепить нормативное закрепление участия Общественной палаты Российской Федерации в их формировании, например, с помощью введения специальных квот для федеральной Общественной палаты при формировании каждой региональной палаты.

Изучение методов оценки эффективности работы региональных общественных

палат показало, что до сегодняшнего дня отсутствуют общепринятые адекватные инструменты и шкалы измерения и оценки развития институтов гражданского общества, что приводит к доминированию в публицистике и в научной литературе описательных характеристик и оценочных суждений с большой долей субъективности при рассмотрении деятельности региональных общественных палат.

Полагаем, что в данной ситуации необходима серьезная экспертная дискуссия и диалог методами оценки эффективности региональных общественных палат и о путях повышения их самостоятельности и независимости.

Одним из инструментов оценки эффективности региональных общественных палат могли бы стать методы, разрабатываемые в рамках концепций интеллектуального капитала, адаптированные к институтам гражданского общества. Целесообразно было бы создать рабочую группу из членов Общественной палаты РФ, региональных общественных палат и экспертов для совместной работы по формированию общих подходов к оценке эффективности деятельности общественных палат.

Список литературы

Брянцев И. И. Специфика интеграции акторов публичной политики в системе взаимодействия власти и общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 3. С. 137-149.

Евстифеев Р. В. (а) Локальная идентичность и построение эффективного взаимодействия местных сообществ и органов власти в российских городах // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 6. С. 16-27.

Евстифеев Р. В. (б) Использование концепции интеллектуального капитала для оценки потенциала взаимодействия экспертного сообщества и органов власти на региональном уровне // Время больших перемен: политика и политики. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РУДН, 24-25 ноября 2017 г. М.: РУДН, 2017. С. 130-132.

Зайцев А. В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в сфере публичной политики современной

России: дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2017. 432 с.

Какабадзе Ш. Ш. Институционализация согласования интересов в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 144 с.

Козлова Н. Н., Гавриков В. П. Общественная палата Тверской области как субъект социально-экономического развития региона // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». Тверь, 2017. № 3. С. 127-138.

Кульназарова А. В. Динамика коммуникативного взаимодействия государства и общества в российском сегменте сети Интернет (2000-2016 гг.): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. 142 с.

Морякина А. Р., Сунгуров А. Ю. Общественные советы и общественные палаты: опыт Санкт-Петербурга // Материалы научно-общественного форума «Отечественные традиции государственного управления и современность», Великий Новгород, 14 сентября 2017 г. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 60-66.

Потанина Е. А. Региональная общественная палата как социальный институт гражданского общества современной России (на примере Мурманской области): дис. ... канд. полит. наук. Архангельск, 2015. 198 с.

Соколов А. В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018. 445 с.

Сунгуров А. Ю. Фабрики мысли и экспертное сообщество в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе // Политическая концептология. Ростов-на-Дону, 2017. № 2. С. 115-137.

Тарасенко А. В. Региональные консультативные органы как канал артикуляции общественных интересов в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. 155 с.

Andriessen D. Making Sense of Intellectual Capital: designing a Method for the Valuation of Intangibles. Elsevier Butterworth-Heinemann, 2004.

Dumay J., Guthrie J., Puntillo P. IC and public sector: a structured literature review // Journal of Intellectual Capital. 2015. Vol. 16, Issue: 2. Pp. 267-284.

Corporate Reporting of Intangible Assets: A Progress Report. OECD, 2012.

Guthrie J., Dumay J. New frontiers in the use of intellectual capital in the public sector //

Journal of Intellectual Capital. 2015. Vol. 16, Iss 2. Pp. 258-266.

Hall, Peter A. Policy paradigms, social learning and the state, 'a paper presented to the International Political Science Association. Washington, D.C., 1988.

Lindblom, C. E. and Cohen D. K. Usable Knowledge: Social Science and Social Problem Solving. New Haven: Yale University Press, 1979.

Zaytsev D. Policy Advice in Russia in 1990s-2000s: from Shaping Political Discourse to Policy Change, 2016 [Электронный ресурс]. URL:

//https://www.hse.ru/data/2016/09/29/1122368938/Zaytsev_Policy%20Advice%20in%20Russia_Draft.pdf. (дата обращения: 10.09.2018).

References

Bryantsev, I. I. (2017), "Specificity of the integration of public policy actors in the system of interaction between government and society", *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 12(3), 137-149. (In Russian).

Evstifeev, R. V. (2017a), "Local identity and building effective interaction of local communities and authorities in Russian cities", *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, (6), 6-27. (In Russian).

Evstifeev, R. V. (2017b), "Using the concept of intellectual capital to assess the potential of interaction between the expert community and authorities at the regional level", *Vremya bol'shih peremen: politika i politiki. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii RAPN* [Time for big changes: politics and politicians. Materials of the All-Russian Scientific Conference of the RAPS], RUDN, Moscow, Russia, 130-132. (In Russian).

Zaitsev, A. V. (2017), "Institutionalization of the dialogue between the state and civil society in the sphere of public policy of modern Russia", D. Sc. Thesis, political sciences, Kazan State University, Kazan, Russia. (In Russian).

Kakabadze, Sh. Sh. (2009), "Institutionalization of the coordination of interests in modern Russia", PhD Sc. Thesis, political sciences, Higher School of Economy, Moscow, Russia. (In Russian).

Kozlova, N. N. and Gavrikov, V. P. (2017), "Public Chamber of the Tver region as a subject of social and economic development of the region", *Vestnik TvGU. Seriya "Ekonomika i upravlenie"*, (3), 127-138. (In Russian).

Kul'nazarova, A. V. (2017), "Dynamics of communicative interaction between the state and society in the Russian segment of the Internet (2000-2016)", PhD Sc. Thesis, political sciences, RANEPa, Sankt-Peterburg, Russia. (In Russian).

Moryakina, A. R. and Sungurov, A. Yu. (2017), "Public councils and public chambers: the experience of St. Petersburg", *Materialy nauchno-obshchestvennogo foruma «Otechestvennye traditsii gosudarstvennogo upravleniya i sovremennost»*, Velikiy Novgorod, 14 sentyabrya 2017 g. [Materials of the scientific and public forum "National Traditions of Public Administration and Modernity", Veliky Novgorod, September 14, 2017], Moscow, Russia, 60-66. (In Russian).

Potanina, E. A. (2015), "Regional Public Chamber as a social institution of civil society of modern Russia (on the example of the Murmansk region)", PhD Sc. Thesis, political sciences, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia. (In Russian).

Sokolov, A. V. (2018), "Network political protest in Russia: subjects, trends and technologies", D. Sc. Thesis, political sciences, RANEPa, Moscow, Russia. (In Russian).

Sungurov, A. Yu. (2017), "Think tanks and expert community in Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod and the North Caucasus", *Politicheskaya kontseptologiya*, (2), 115-137. (In Russian).

Tarasenko, A. V. (2009), "Regional advisory bodies as a channel for articulating public interests in modern Russia", PhD Sc. Thesis, political sciences, Perm State University, Perm, Russia. (In Russian).

Andriessen, D. (2004), *Making Sense of Intellectual Capital: designing a Method for the Valuation of Intangibles*, Elsevier Butterworth-Heinemann.

Dumay, J., Guthrie, J. and Puntillo, P. (2015) "IC and public sector: a structured literature review", *Journal of Intellectual Capital*, 16 (2), 267-284.

Corporate Reporting of Intangible Assets: A Progress Report (2012), OECD.

Guthrie, J. and Dumay, J. (2015), "New frontiers in the use of intellectual capital in the public sector", *Journal of Intellectual Capital*, 16 (2), 258-266.

Hall, Peter A. (1988), *Policy paradigms, social learning and the state. A paper presented to the International Political Science Association*, Washington, D.C.

Lindblom, Charles E. and Cohen, D. K., (1979), *Usable Knowledge: Social Science and Social Problem Solving*, Yale University Press, New Haven.

Zaytsev, D. (2016), *Policy Advice in Russia in 1990s-2000s: from Shaping Political Discourse to Policy Change* [Online], available at: https://www.hse.ru/data/2016/09/29/1122368938/Zaytsev_Policy%20Advice%20in%20Russia_Draft.pdf. (Accessed 15 September 2018).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The author has no conflict of interest to declare.

Евстифеев Роман Владимирович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Roman V. Evstifeev, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 316.776, 378.14

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-9

Леньков Р. В.

Социальное проектирование как предмет
социолого-управленческого дискурса

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
r_lenkov@mail.ru

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1223-9727>

Статья поступила 5 ноября 2018 г.; Принята 12 декабря 2018 г.;

Опубликована 30 декабря 2018 г.

Аннотация. В статье представлен анализ точек зрения на объект, предмет и задачи социально-проектной деятельности в рамках философской, социологической и управленческой науки. Результаты аналитического обзора работ отечественных ученых – авторов монографий, учебников и учебных пособий, научных статей, опубликованных в 2001-2017 гг., позволили выявить наличие многовекторного поиска задач и предмета социального проектирования, его роли и места в системе социологического знания, высшего образования, социальной теории и практики управления. Диагностированы различные основания для классификации подходов к объяснению сути социально-проектной деятельности, задач и предметно-проблемного поля социального проектирования. Рассмотрены различные позиции исследователей на теорию и практику социального прогнозирования и проектирования в контексте социологии управления. Изучена эволюция основных исторических этапов развития социолого-управленческой отрасли знания. Дана характеристика современных концепций социального проектирования. Особое внимание уделено раскрытию оригинальной концепции социопрогностического подхода как особого направления научного познания, интегрирующего социолого-гуманитарное знание с научно обоснованной разработкой решений текущих и перспективных задач путем разработки проектных социальных технологий деятельности. Успешность работы в этом направлении увязывается с необходимостью перестройки социальной теории и методологии исследования проблем социального проектирования и социологии управления на основе прогностической парадигмы и содержания социокультурной диагностики, применяемой в прогностическом социальном проектировании.

Ключевые слова: прогностическое социальное проектирование; социология управления; конструирование; тезаурус; социальное воздействие; общественная инженерия; изменения; социопрогностический подход.

Благодарности: Статья подготовлена на основе доклада на XVIII Дридзеvских чтениях «Экоантропоцентрическая парадигма социологии и актуальные проблемы развития современной социологии управления», организованных 26 октября 2018 г. Центром социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН, ИК РОС «Социология городского и регионального развития» и ИК РОС «Социология управления и организаций».

Информация для цитирования: Леньков Р. В. Социальное проектирование как предмет социолого-управленческого дискурса // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 101-112. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-9

Roman V. Lenkov

Social project management as a subject of social and management discourse

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
r_lenkov@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1223-9727>

*Received on November 5, 2018; Accepted on December 12, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article represents an analysis of various points of view regarding the object, subject and problems of social project activities within the framework of philosophical, sociological and management science. The results of the analytical review of the works of national researchers – the authors of monographs, textbooks and manuals, scientific articles published in 2001-2017, have revealed the presence of a multi-vector search for problems and the subject of social project management, its role and place in the system of sociological knowledge, higher education, social theory and practice of management. The author discusses various bases for the classification of different approaches explaining the essence of social project activities, tasks and subject-specific problem field of social project management. The article provides an analysis of various researchers' views of the theory and practice of social forecasting and planning in the context of sociology of management researchers. Also, it gives a review of the evolution of the main historical stages of the sociological and managerial branch of knowledge development. The author characterises some modern concepts of social project management and pays particular attention to the disclosure of the original concept of a socioprognostic approach as a special area of scientific knowledge, integrating socio-humanitarian knowledge with a scientifically based development of solutions to current and future tasks through the development of social project technologies. The success of work in this direction is connected to the social theory and research methodology of social forecasting and planning problems, management sociology based on the prognostic paradigm and on content of sociocultural diagnostics, in predictive social design.

Keywords: predictive social project management; management sociology; construction; thesaurus; social impact; social engineering; changes; socioprognostic approach

Acknowledgments: The article was prepared on the basis of the report in the XVIII Dridze readings “Eco-anthropocentric paradigm of sociology and current problems of development of modern sociology of management”, arranged on October 26, 2018 by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the FCTAS RAS, IC ROS “Sociology of Urban and Regional Development” and IC ROS “Sociology of management and organizations”.

Information for citation: Lenkov, R. V. (2018), "Social project management as a subject of social and management discourse", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 101-112, DOI:10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-9

Введение (Introduction). Актуальность проблемы. Новый этап в развитии идей социально-проектной деятельности в рамках управленческой науки требует анализа не столько книг по социальному прогнозированию и проектированию в целом, сколько современных теоретических и методологических проблем анализируемой отрасли социологического знания.

Начало научно обоснованному применению проектной деятельности в социальной практике было положено в 20-30-е гг. XX века. В эти десятилетия развивалась практика нормативного прогнозирования, одним из этапов и средств которого является так называемое «прогнозное социальное проектирование». Нормативные социальные прогнозы того времени содержали проектные обоснования оптимальных путей решения перспективных проблем общественного развития. Их предметно-прикладное проявление нашло отражение, в частности, в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства в СССР, который содержал развернутую характеристику социально-экономических проблем (неграмотности, беспризорности) и меры по их ликвидации.

Второе рождение социального проектирования связано с появлением в 1970-1980-е гг. класса новых задач в сфере экономики, культуры, политики, духовной жизни, а также градостроительства и дизайна, которые в полной мере продемонстрировали, что игнорирование социальных аспектов развития чревато серьезными издержками в функционировании современных сообществ. Эти задачи потребовали интенсивного развития прикладных социологических исследований, соединения социологии с проектной идеологией и с инженерным подходом. В итоге социальное проектирование выделилось в новую область проектирования, заключающуюся

в реализации идей жизнестроительства с помощью социологии, прогнозирования и знания законов социальной природы.

С 1986 г. на базе Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН Межотраслевой научный коллектив под руководством Т.М. Дридзе начал разрабатывать *концепцию прогнозного социального проектирования*. Ученые доказывали, что социальное проектирование является специфической социальной технологией, ориентированной на интеграцию гуманитарного знания в процесс выработки вариативных решений перспективных социально значимых проблем с учетом данных социально-диагностических исследований, доступных ресурсов и намечаемых целей развития социальной ситуации (Дридзе, 1986). Причина неразработанности этой технологии, по их мнению, состоит в отсутствии в трехзвенной системе управленческого цикла (прогноз – проект – план) важнейшего среднего, проектного звена. При такой трактовке социальное проектирование фактически отождествляется с нормативным прогнозированием и научным обоснованием управленческих решений; из проектирования выхаживаются его основные характеристики – *замышление нового и проектная конструктивизация* (разработка целостного объекта, его функционирования) (Розин, 2002).

Методология и методы (Methodology and methods). Целью исследования является анализ точек зрения *отечественных ученых* – авторов статей, монографий, учебников и учебных пособий, опубликованных в 2001-2017 гг., на объектно-предметную область, проблемы и задачи социально-проектной деятельности в рамках социолого-управленческой науки для оценки эвристического потенциала различных концепций социального проектирования и их критического осмысления.

Прикладной задачей работы выступает научное обоснование концепции социо-прогностического подхода как современной методологии прогнозного социального проектирования.

Выбор указанного временного периода обусловлен тем, что с 2001 г. происходит институализация прогнозного социального проектирования как науки: растет число разного рода публикаций отечественных исследователей (статей, монографий и т.д.); социальное прогнозирование и проектирование включается в систему высшего образования в виде обязательной дисциплины учебных планов вузов; выпускаются учебники и учебные пособия; зарождаются традиции проведения ежегодных межрегиональных и межотраслевых научно-практических семинаров и «круглых столов» в этой предметной области.

Вследствие ограниченного объема статьи мы не можем привести полные выходные данные десятков книг по данной проблематике, поэтому назовем их авторов: И. В. Бестужев-Лада, В. М. Бондаренко, Л. И. Берестова, Л. А. Будкова, С. Н. Войцеховский, Ю. Г. Волков, А. Г. Воржецов, И. С. Галченкова, П. С. Гейзлер, В. Л. Глазычев, Л. И. Гурье, В. В. Егоров, Т. Е. Зерчанинова, И. А. Колесникова, Н. М. Косова, Л. А. Кудринская, В. И. Курбатов, Н. И. Лапин, Р. В. Леньков, В. А. Луков, Г. А. Лукс, В. Г. Марача, А. В. Морозов, Н. М. Найбоденко, Г. А. Наместникова, Э. А. Орлова, В. И. Пантин, А. В. Пашкевич, С. В. Попов, Э. А. Самбулов, В. М. Сафронова, В. Н. Стегний, Ж. Т. Тощенко, О. А. Уржа, В. Н. Шевелев, О. В. Эрлих и др. Интерес в актуализации проблем развития методологии прогнозного социального проектирования и социологии управления представляют труды участников Дридзе-ских чтений, ежегодно проводимых Центром социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН: Е. М. Акимкина, А. М. Лолы, А. В. Тихо-

нова, Е. И. Рабиновича, В. А. Шиловой, В. В. Щербины, О. Н. Яницкого и др.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Классификация подходов к предметному полю и задачам социального проектирования. Обзор работ названных авторов в обозначенный временной период свидетельствует: идет многовекторный поиск задач и предмета социального проектирования, его роли и места в системе социологического знания, образования, теории и практики управления. Опыт классификации наработанных в социологической науке подходов к определению сущности социального проектирования представлен в учебнике Ж. Т. Тощенко. В нем констатируется наличие различных вариаций классификации и объяснения сути социального проектирования – *объектно-ориентированный подход* (В. Л. Глазычев, Н. И. Лапин, Ж. Т. Тощенко, О. А. Уржа и др.), *проблемно-ориентированный (прогнозный) подход* (Т. М. Дридзе, Э. А. Орлова, О. Н. Яницкий и др.), *субъектно-ориентированный (тезаурусный) подход* (В. А. Луков и др.). Каждый из этих подходов имеет свою специфику. Если в первом подходе предпочтение отдается разработке проектов объективной реальности с локализацией социально-проектной деятельности, четкой проработкой нормативных требований, то во втором – в центр ставится «выработка вариантных образцов решений текущих и перспективных социально-значимых проблем. Что касается третьего подхода, то здесь внимание акцентируется на необходимости учета субъектного восприятия объективного мира, в котором большая роль отводится учету установок, устремлений и ценностных ориентиров людей, вовлеченных в проектную деятельность, которые выступают и как ее созидатели, и как объект проектируемых социальных изменений (Тощенко, 2011).

Многообразие книг по социальному прогнозированию и проектированию позволяет обозначить и иные основания для

классификации. Так, одно из них – *степень широты трактовок предметного поля* социального проектирования, которая, в свою очередь, определяется задачами публикации и особенностями целевой аудитории. К широким трактовкам мы относим те, в которых охвачен значительный круг сфер, социальных институтов и процессов, где реализуется проектная деятельность. Так, Ю. Г. Волков актуализирует концептуализацию социологии будущего как самостоятельной отрасли социологического знания и социального проекта, направленного на выработку моделей эмпирической верификации процессов, ориентированных на созидание будущего (Волков, 2017). Г. Г. Фетисов и В. М. Бондаренко обосновывают методологию познания закономерностей развития общества в целом, согласно которой «прогнозировать будущее можно только из будущего» (Прогнозирование..., 2008). Узкими можно считать трактовки, в которых указаны конкретные сферы общественной жизни, в которых реализуется социальное проектирование – социальная работа, педагогика, воспитательные системы, культура, урбанистика, демография и т.п. В отдельных работах речь идет о частных практиках проектирования авторских технологий, например, педагогических (Пашкевич, 2015).

Еще одним основанием для классификации предметных полей социального проектирования является *разнообразие природы объектов проектирования*. В. И. Курбатов и О. В. Курбатова в качестве таковых определяют: 1) объекты, элементы и подсистемы материального и духовного производства, поддающиеся организованному воздействию (средства и предметы труда, социальные технологии, материальные орудия труда, средства жизни, духовная культура, социальная деятельность и т.п.); 2) человек как субъект конкретно-исторического процесса и социальных действий со своими потребностями и интересами, ценностными ориентациями и установками, ролями и статусами; 3) элементы и подсистемы социальной

структуры общества (трудовые коллективы, регионы, социальные группы и т.п.); 4) общественные отношения (политические, идеологические, управленческие, эстетические, нравственные, семейно-бытовые, межличностные и т.д.); 5) элементы и подсистемы образа жизни (жизненные позиции, способы жизнедеятельности, стиль и качество жизни и т.п.). Ученые полагают, что каждый объект социального проектирования должен восприниматься как организованная структура (система) социальных связей и отношений, включенных в проектно-созидательную деятельность, которая подвергается воздействиям субъектов проектирования и выступает основанием для данных воздействий (Курбатов, 2001).

Также в качестве оснований для классификации объектов социального проектирования выступают *проекты по совершенствованию определенных функций общественного развития* в экономической, социальной, политической и духовной жизни общества, или через создание проектов для эффективной жизнедеятельности человека в конкретной сфере общественного развития, например – в трудовой деятельности. При этом проектирование направлено на решение комплексных проблем, охватывающих все социальные аспекты жизнедеятельности, и различаемо лишь по уровням организации общественной жизни (Леньков, 2014).

Важным основанием для классификации предметного поля социального проектирования является предложенное и обоснованное В. Н. Стегнием *определение социального проектирования*. По его мнению, социальное проектирование – это научно-теоретическая и одновременно предметно-практическая деятельность по созданию проектов развития социальных систем, институтов и процессов, их свойств и отношений на основе прогнозирования социальных качеств и свойств как значимой социальной потребности. Это дает возможность управлять социальными объектами и быть выражением того соци-

ально нового, что характеризует тенденции социального развития. Социальное проектирование также учебная дисциплина, связанная с изучением теории, методологии и технологии проектирования, инструментальных средств и системных принципов, форм и методов проектирования (Стегний, 2017).

Эволюция теории и практики социального проектирования. Различные точки зрения отечественных исследователей на объект и предмет, проблемы и задачи социально-проектной деятельности в рамках социолого-управленческой науки делают необходимым рассмотрение ключевых исторических этапов развития этой отрасли социологического знания и характеристику современных концепций.

На начальном этапе социальное проектирование опиралось на два основных достаточно близких направления, развиваемых философами и социологами. Общим для них было понимание проектирования как *разновидности социальной инженерии* и средства решения актуальных социальных проблем и задач. Новые виды деятельности, для которых было характерно проектирование, сложились в 70-х гг. XX века. Они имели семиотический (знаковый) тип и создавались как абстрактные проекты. Речь идет о социальном прогнозировании, социальном планировании и социальном управлении. Вопрос об их реализации или не ставился вообще, или предполагал отнесение на более поздние периоды. Но уже тогда делались попытки синтеза социологии с проектной идеологией и инженерным подходом, происходили новое переосмысление и замысел нового направления исследований – *социального конструирования* (Ляхов, 1970), предполагающего возможность реализации идей устройства общественной жизни на основе результатов прогнозирования и знаний естественных законов социального объекта.

В это же время произошла смена в общественном сознании инженерной парадигмы и организации деятельности на

проектную. Возник новый термин – *социальное проектирование*. Он получает развернутые характеристики и увязывается с нормативным прогнозированием, с одной стороны, с планированием и программированием – с другой. Эти виды деятельности соотносились между собой и были объявлены *элементами социального управления*. Говорилось, что если план и программа раскрывают объект в развитии и поэтапном изменении в соответствии с заранее установленной целью, то проект рассматривает его в функционировании, конкретизируя тем самым планы и программы. Само проектирование противопоставлялось предшествовавшему прогнозированию, тем самым повышая степень его научной обоснованности и эффективности.

Обособление и институционализация социально-проектной деятельности как самостоятельного вида деятельности потребовала *соединения проектного и социологического подходов*. Это высветило необходимость широкого использования знаний философии и социальных наук, а также актуализировало потребность разработки критериев и принципов социальной оценки.

В 1980-е гг. социальное проектирование определялось особым видом плановой деятельности, разрабатывающей и обосновывающей «контуры будущего социального объекта». Отмечалось, что создание социальных объектов не должно осуществляться без научной проработки и оценки с реально существующими аналогами объектов, что необходимо обратить внимание на социальное развитие новых и реконструируемых объектов. Отсутствие такого проектирования, как правило, приводило к значительному ущербу для общества, затруднению дальнейшего развития экономики, решения задач по повышению благосостояния населения и всестороннего развития каждого человека. Особое внимание обращалось на необходимость тщательной проверки концепции социального проекта посредством теоретического анализа и экспериментирования.

Позднее развивается *объектно-ориентированный подход* в социальном проектировании, тесно связанный с управлением. Проект, согласно этому подходу, имеет целью создание нового или реконструкцию имеющегося социального объекта. Социально-проектная деятельность рассматривается как плановая, предполагающая научно обоснованное определение параметров формирования будущих проектов. Диапазон социальных проектов полностью совпадает с диапазоном социальных прогнозов и нововведений (Бестужев-Лада, 1993). Специфику объектно-ориентированного подхода составляет представление о закономерном характере проекта, его объективной научной обоснованности. С нашей точки зрения, в этом наблюдается слабость данной концепции. Проблема состоит в толковании объективности и научности в социальных науках. Детерминация социальных нововведений вариативна. Так, С. Н. Булгаков отмечал, что из одних и тех же научных данных могут вытекать различные, но в то же время с одинаковой степенью научности обоснованные направления социальной политики. И лишь благодаря неправильному пониманию природы науки и границ социального детерминизма получает силу широко распространенное представление о том, что возможна только одна научная социальная политика (Булгаков, 2009). В связи со сказанным, мы констатируем, что научная обоснованность проектируемого объекта в рамках объектно-ориентированного подхода доказуема лишь в самых общих положениях и спорна в отношении конкретного управленческого решения.

К середине 80-х гг. XX века в социальном проектировании был разработан *проблемно-ориентированный (прогнозный) подход*. Согласно этому подходу *прогнозное социальное проектирование* (Т. М. Дридзе, 1986) представляет собой специфическую социальную технологию, цель которой – предплановое научное обоснование управленческих решений. Для прогнозного подхода характерны:

а) признание «равноправности» объективных и субъективных факторов социального воспроизводства; б) рассмотрение проектирования как завершающего этапа в социально-диагностической работе; в) упор на обратную связь между диагностической и конструктивной стадиями процесса выработки решения. Именно эти характеристики позволяют определить специфику рассматриваемого подхода как проблемную (целевую) ориентацию. Мы видим некоторое противоречие в утверждении, что прогнозный подход предусматривает перенос центра тяжести с «фактов целедостижения» на механизмы (способы) достижения целей, как и вытекающее отсюда допущение, что прогнозное социальное проектирование – это «мягкая» технология. В этих положениях, по нашему мнению, очевидны и другие недостатки, например – слабая практическая применимость теоретических положений концепции, особенно ее эколого-гуманитарной ориентации. Избыток теоретизирования соответствует установке на фактический перевод проектной работы в научно-исследовательскую и экспертную. Для разработки конкретного проекта в описаниях прогнозного социального проектирования не хватает собственно технологии, которая, как бы, остается принадлежностью узкого круга лиц: научное знание превращается в эзотерическое (тайное) знание. Вместе с тем две черты концепции прогнозного социального проектирования представляются нам перспективными для последующих разработок в данной области. Речь идет, во-первых, о соединении теоретико-методических аспектов социального проектирования с теоретической социологией, во-вторых, о выделении уровней субъектности в гипотетической модели социокультурной динамики. Также мы полагаем, что это дает возможность перейти к концепциям, где субъектности может быть придан более существенный для социального проектирования смысл – как ценностно-нормативный, так и организационно-управленческий (Леньков, 2016).

Современные концепции социального проектирования исходят из того, что социолого-философским основанием социального проекта выступает человеческий фактор (детерминанта) нововведений. Социотехническое проектирование все больше оттесняет системотехническое. Актуальные концепции проектирования исходят из того, что основное внимание должно уделяться не техническим компонентам, а человеку и его деятельности в разрезе социальных, психологических, биологических и экологических аспектов. Гуманизация социотехнического проектирования ведет к формированию новой тенденции – проектирование само становится источником проектной тематики, проникая тем самым в сферу культурно-исторической деятельности. Как отмечает В. С. Степин, социотехническое проектирование – это проектирование без прототипов, ориентированное на реализацию идеалов, формирующихся в теоретической и методологической сферах или в культуре в целом (Степин, 2007). Эти положения отражают смещение ядра социально-проектной деятельности в ценностную сферу и составляют основу *субъектно-ориентированного (тезаурусного) подхода*.

Следствием тезаурусного подхода (В. А. Луков, 2003) является активность поведения субъекта в социокультурной среде. К современному социальному проектированию, по мнению И. Б. Бовиной, применимо следующее допущение: «если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях» (Бовина, 1999). Названное обстоятельство позволяет увидеть роль разработчика проекта не только в связи с его деятельностью по удовлетворению определенной общественной потребности, но и в связи с реализацией собственного интереса, соответствующего его тезаурусу. Основная идея субъектно-ориентированного подхода к социальному проектированию состоит в признании тезауруса, ценностной системы разработчика проекта

источником проектной идеи. Но этим не умаляется значение объективных факторов реализации проекта (заказ, принятие управленческого решения, наличие ресурсов и т.д.) и, в частности, то обстоятельство, что в результате реализации проекта возникает новый или реконструируется уже существующий объект. Тезаурусный подход устанавливает связь реальных импульсов и обстоятельств социального проектирования. В современных условиях субъектная ориентация проектирования отражает и новые, ранее менее свойственные общественному устройству черты. В данном подходе социальное проектирование выступает в качестве одного из ведущих способов современной организации общественной жизни и управления обществом. Социальное проектирование (независимо от того, какого рода объекты проектируются) несет на себе черты субъекта проектной деятельности, его мировоззрения. Иными словами, социальный проект субъектно ориентирован.

В. Н. Шевелев, определяя социальное проектирование как взгляд в ближайшее будущее, говорит о следующем *парадоксе* – при проектировании будущего люди всегда планируют и свое прошлое. Он объясняет это тем, что, создавая концепцию собственного развития, определяя цели, задачи и, соответственно – будущее, мы планируем получить в нем то, чего нам не хватало в прошлом и что хотелось бы иметь в настоящем. Осознание того, чего нам не хватает или того, что хочется иметь сегодня, это и есть концептуальное представление, которое было выработано и заложено в нашем сознании в некотором прошлом. Ведь осознание настоящего и того, что нам хотелось бы иметь в будущем, было заложено намного раньше, в пору нашего становления как личности. Поэтому любая проектная деятельность всегда определяется рамками прошлого знания (Шевелев, 2004).

Актуальна сегодня *концепция общественной инженерии*. С точки зрения С. В. Попова, проблема общественных измене-

ний не решаема в рамках научно-инженерного подхода, который развивает идею о встроенности естественных процессов в инженерную деятельность. Ученый связывает это с тем, что социальное действие и природа устроены по-разному. В процессе социального воздействия вынужденно меняется как «преобразователь» общества, так и объект («общественное образование»), на который оно направлено. К тому же объект социального воздействия активен, рефлексивен, способен формулировать и реализовать собственные цели, может даже ассимилировать «преобразователя». Им предлагается такой образ – деятельность «преобразователя» инициирует отдельные процессы, которые обуславливают или, что не менее важно, не обуславливают общественные трансформации. На практике это разворачивается принципиально в двух планах: в первом инициатива исходит от «преобразователя», осуществляющего целенаправленные осмысленные воздействия, во втором – задается логикой самой социальной действительности. Целедостижение обязательно включает встречную активность и взаимодействие (Попов, 2002).

С. В. Попов, в разработанной им концепции, формулирует два нововведения: 1) идею расхождения цели и результата; 2) отказ от главенства научного знания и связанных с ним представлений об естественных процессах. По его мнению, процессы общественных изменений организуются не на основе знаний, а на основе разного рода схем организации – мыслительности «преобразователя», плацдарма, проблемной ситуации, взаимодействия участников движения и т.п. В отличие от знаний эти схемы живут не в пространстве познания и инженерного действия, их содержание обусловлено характером социальных действий и общественных изменений. В таком контексте общественный инженер – методолог, создающий схемы взаимодействия участников; цель общественной инженерии – организовать взаимодействие и направлять движение в нужном

направлении. Мы разделяем убеждение ученого, что через такой механизм взаимодействия осуществляется продвижение к заданным целям. Оно «вписывается» в социальное и культурно-историческое пространство, за счет чего приобретает особый смысл и значение.

Заключение (Conclusions). Авторская позиция. При обсуждении вопроса о трансформации теории и методологии социального проектирования мы исходим из двух принципиальных для нас позиций, озвученных в блоге О.Н. Яницкого: *во-первых*, отечественной социологии пришло время вернуться к прогностике и проблемам социального прогнозирования; *во-вторых*, методы массовых опросов не универсальны, и социологам пора уже вспомнить о существовании таких качественных методов получения знаний, как социальное проектирование и эксперимент, изучение национальных проектов и результатов их реализации (Яницкий, 2018).

За сравнительно короткий исторический период человечество перешло в качественно новые условия жизнедеятельности, становление которых обусловлено ускоряющейся и усложняющейся динамикой современных сообществ и природных реалий, что требует отдельного осмысления. В силу этого востребованы инновационные взгляды на сущность будущего. Среди них, по мнению С. А. Кравченко – единство сложных социоприродных реалий, плюрализм времени и сетевое пространство, «эффект бабочки», «рефлексивная реальность», инсценирование будущего на основе виртуальной реальности, детерминированность будущего социоприродной реальностью, новый социальный тип счастливого человека (Кравченко, 2016). Все это нам хорошо известно, но для ответа на вопрос «Что делать?» необходимо, как это делают исследователи естественных процессов, и в социолого-управленческой отрасли научного познания придерживаться

определенных критериев объективности и научности. Сегодня на смену социологическому представлению об относительно простых, естественно возникающих и саморазвивающихся общностях (системах) приходит представление о сложных, естественно-искусственных социоприродных общностях, имеющих глоболокальную природу. Созданные человеком, они все более проявляют активность, и это становится важным свидетельством нелинейного развития, предполагающего нормативность рефлексивного детерминизма, бифуркации, ненамеренные последствия. Уже понятно, что сложные системы обладают саморефлексивностью, включают в себя многообразный виртуальный мир и транссоциальные сети.

Отражению высокой роли материальной и духовной культуры в механизмах регуляции общественной жизни в новом мире содействуют проектируемые механизмы управления, которые способны оказывать существенное влияние на трансформацию социальных и культурно-исторических процессов. Мы постулируем возможность их искусственного конструирования. Это важное уточнение, поскольку были намечены отход от традиционного представления об обществе как процессе только естественной трансформации и признание возможности его развития через разработку нетрадиционных ответов человечества на осуществление в общественной системе институциональных преобразований. По данной причине социальное управление рассматривается нами как сознательно конструируемый, встраиваемый в социальный процесс, персонифицированный социокультурный механизм целедостижения, способный оптимально сочетать организацию и самоорганизацию, формальные правила и неформальные нормы поведения полисубъектных участников совместной жизни и деятельности (Тихонов, 2009).

Новые возможности социологической интерпретации проблем прогнозного социального проектирования и социологии управления развиваются нами в соответствии с оригинальной *концепцией социопрогностического подхода* как особого направления научного познания, интегрирующего социолого-гуманитарное знание с научно обоснованной разработкой решений текущих и перспективных проблем на основе разработки проектных технологий. Мы предполагаем появление на авансцене социальных акторов с действиями, сопоставимыми с деятельностью институтов. Они не только интернализуют нормы и ценности общества, но и воздействуют на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при возрастании обеспеченности ресурсами как групповой, так и персонифицированной деятельности. В эмпирическую интерпретацию этого феномена нами вводится понятие *социальной субъектности* как свидетельства проявления нового качества в отношениях между субъектами социального действия при выработке нестандартных решений в заданных обстоятельствах (Тихонов, 2017). Для успешной работы в этом направлении необходима перестройка теории и методологии исследования проблем социологии управления на основе, как нам видится, прогностической парадигмы и содержания социокультурной диагностики, применяемой в прогножном социальном проектировании.

Социопрогностический подход с целью достижения синергетического эффекта интегрирует элементы ряда исследовательских концепций, среди которых – *социоантропоцентристская концепция социологии Н. И. Лапина* (идея о введении критерия оценки общественных изменений с позиций отношений управления); *алгоритмическая концепция стадий и этапов управления Ж. Т. Тощенко* (идея о цикличности процесса управления и его структуриза-

ции); *экоантропоцентрическая парадигма Т. М. Дридзе* (идея об интерференции интересов разных групп населения и способов организации их жизнедеятельности); *концепция социокультурной модели управления А. В. Тихонова* (идея о связи групп с их ролью в процессе управления и самоуправления, персонифицированном социокультурном «теле»); *концепция общественной инженерии С. В. Попова* (идея о «вписывании» механизма взаимодействия в социально-культурное пространство) и др. Анонсируемый нами подход предполагает использование социальных технологий прогнозирования и проектирования. Он необходим для изучения перспективных потребностей общественного развития, выявления факторов общественных изменений и конструирования новой социальной реальности.

Список литературы

- Бестужев-Лада И. В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М.: Наука, 1993. 233 с.
- Бовина И. Б. Представления об элементах процесса группового решения и выбор стратегии // Мир психологии. 1999. № 3. С. 30-40.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: ИРЦ, 2009. 464 с.
- Волков Ю. Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. М.: КНОРУС, 2017. 178 с.
- Дридзе Т. М. Прогнозное социальное проектирование в социальной среде как фактор ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса: теоретико-методологические и «технологические» аспекты // Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования. М., 1986. С. 37-52.
- Кравченко С. А. Проблема доверия к знанию о будущем // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 4(16). С. 127-141.
- Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование. Ростов-н/Д.: Феникс, 2001. 416 с.
- Леньков Р. В., Пацула А. В., Лоскутова И. М. Социальная прогностика в системе управления высшей школой России // Актуальные проблемы управления – 2016. М., 2016. Вып. 3. С. 224-228.
- Леньков Р. В. Социальное прогнозирование и проектирование. М.: ИНФРА-М, 2014. 192 с.
- Пашкевич А. В. Основы проектирования педагогической технологии. Взаимосвязь теории и практики. М.: ИНФРА-М, 2015. 76 с.
- Попов С. В. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений // Кентавр. 2000. Вып. 2. С. 2-7.
- Прогнозирование будущего: новая парадигма / Г. Г. Фетисов, В. М. Бондаренко, А. А. Дагаев, П. Н. Клюкин, И. В. Филатов, Б. А. Райзберг, Г. О. Куранов, О. М. Юнь, В. В. Симонов. М.: Издательство «Экономика», 2008. 283 с.
- Розин В. М. Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 315 с.
- Стегний В. Н. Социальное прогнозирование и проектирование. М.: Издательство Юрайт, 2017. 219 с.
- Степин В. С. Философия познания. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2007. 374 с.
- Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. М.: Канон+, 2009. 472 с.
- Тихонов А. В., Леньков Р. В. Роль института высшего образования в решении проблем социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 158-168.
- Тощенко Ж. Т. Социология управления. М.: ЦСПиМ, 2011. 300 с.
- Шевелев В. Н. Социология управления. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 352 с.
- Яницкий О. Н. О некоторых задачах РОС: к заседанию его Президиума 07/02/2018, 2018. URL: http://www.isras.ru/blog_yan_121.html (дата обращения 24.11.2018).
- Яницкий О. Н. Тринадцать тезисов об истории и перспективах развития социологии, 2018. URL: http://www.isras.ru/blog_yan_135.html (дата обращения 24.11.2018).

References

Bestuzhev-Lada, I. V. (1993), *Predictive justification of social innovations*, Moscow, Russia. (In Russian).

Bovina, I. B. (1999), "Ideas about the elements of the group decision process and the choice of strategies", *World of Psychology*, (3), 30-40. (In Russian).

Bulgakov, S. N. (2009), *Philosophy of the economy*, IDC, Moscow, Russia. (In Russian).

Volkov, Y. G. (2017), *Sociology of the future: sociological knowledge and social project*, KNORUS, Moscow, Russia. (In Russian).

Dridze, T. M. (1986), "Predictive social design in the social environment as a factor in accelerating socio-economic and scientific-technical progress: theoretical, methodological and "technological" aspects", *Theoretical and methodological problems of social forecasting*, Moscow, Russia, 37-52. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2016), "The issue of trust in knowledge about the future", *Sociological science and social practice*, (4), 127-141. (In Russian).

Kurbatov, V. I. and Kurbatova, O. V. (2001), *Social design*, Feniks, Rostov-on-Don, Russia. (In Russian).

Lenkov, R. V., Patsula, A. V. and Loskutova, I. M. (2016), "Social prediction in the management system of higher education in Russia", *Current problems of management – 2016*, Moscow, Russia, 3, 224-228. (In Russian).

Lenkov, R. V. (2014), *Social forecasting and design*, INFRA-M, Moscow, Russia. (In Russian).

Pashkevich, A. V. (2015), *Basics of designing educational technology. The relationship of theory and practice*, INFRA-M, Moscow, Russia. (In Russian).

Popov, S. V. (2000), "Methodologically organized expertise as a way to initiate social change", *Kentavr*, 2, 2-7. (In Russian).

Fetisov, G. G., Bondarenko, V. M., Dageyev, A. A., Klyukin, P. N., Filatov, I. V., Rayzberg, B. A., Kuranov, G. O., Yun, O. M. and Simonov, V. V. (2008), *Forecasting the future: a new paradigm*, Ekonomika, Moscow, Russia. (In Russian).

Rozin, V. M. (2002), *Studies on social engineering: from utopia to organization*, Editorial URSS, Moscow, Russia. (In Russian).

Stegniy, V. N. (2017), *Social forecasting and design*, YURAYT, Moscow, Russia. (In Russian).

Stepin, V. S. (2007), *Philosophy of knowledge. Common problems*, Gardariki, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2009), *Sociology of management. Theoretical basis*, Kanon+, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. and Lenkov, R. V. (2017), "The role of institute of higher education in solving the issues of socio-cultural modernization of regions", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10, 5, 158-168. (In Russian).

Toshchenko, Z. T. (2011), *Sociology of management*, SFaMC, Moscow, Russia. (In Russian).

Shevelev, V. N. (2004), *Sociology of management*, Feniks, Rostov-on-Don, Russia. (In Russian).

Yanitskiy, O. N. (2018), "About some tasks of ROS: for the meeting of its Presidium" 07/02/2018, website [Online], available at: http://www.isras.ru/blog_yan_121.html (Accessed 24 November 2018). (In Russian).

Yanitskiy, O. N. (2018), "Thirteen Theses on the History and Prospects for the Development of Sociology", website [Online], available at: http://www.isras.ru/blog_yan_135.html (Accessed 24 November 2018). (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Леньков Роман Викторович, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, член-корреспондент Академии военных наук РФ.

Roman V. Lenkov, Candidate of Sciences (Economic), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

УДК 316.334.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-10

Петросян А. А.

Проблемы реализации демократии в Армении в контексте социально-политического участия женщин и мужчин

Институт философии, социологии и права Национальная академия наук

Республики Армения

ул. Арама, 44, Ереван, 0010, Армения

astghik.petrosyan@gmail.com

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8838-3725>

Статья поступила 20 октября 2018 г.; Принята 10 декабря 2018 г.;

Опубликована 30 декабря 2018 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации демократических принципов организации общества по материалам проведенных комплексных социологических исследований. Результаты количественных и качественных социологических исследований, анализ стратегических и правовых документов свидетельствуют об отсутствии паритета в вопросах представленности мужчин и женщин в общественных организациях, партиях и на разных уровнях управления. Представляется сравнительный анализ факторов, препятствующих политической и гражданской активности мужчин и женщин. Обосновывается тезис о том, что увеличение числа женщин в органах политического управления приведет к повышению уровня внимания и заботы по отношению к социальным проблемам и вопросам здравоохранения, проблемам социально необеспеченных слоев, детей и женщин, гуманизации политики и процесса принятия решений. Подчеркивается важность закрепления законодательным образом минимальных и максимальных порогов пропорциональных избирательных списках политических партий. Рассматриваются конструктивные меры и возможности для улучшения использования потенциала женщин в развитии страны.

Ключевые слова: общественная организация; политическая партия; представленность женщин и мужчин; демократия; гражданское общество.

Информация для цитирования: Петросян А. А. Проблемы реализации демократии в Армении в контексте социально-политического участия женщин и мужчин // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 113-120. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-10

Astghik A. Petrosyan

Problems of implementing democracy in Armenia in the context of the socio-political participation of women and men

Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Science
of the Republic of Armenia

44 Aram St., Yerevan, 0010, Armenia

astghik.petrosyan@gmail.com

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8838-3725>

Received on October 20, 2018; Accepted on December 10, 2018;

Published December 30, 2018

Abstract. The author considers the problems of implementing democratic principles of organization of society based on the results of a complex sociological research, and notes the lack of parity in the representation of men and women in public organizations, parties and at different levels of government. The article provides a comparative analysis of the factors hindering the political and civic activity of men and women. The thesis is substantiated that an increase in the number of women in political administration bodies will lead to an increase in the level of attention and concern for social and health issues, the problems of socially disadvantaged groups, children and women, the humanization of politics and the decision-making process. The author emphasizes the importance of legislatively fixing the minimum and maximum thresholds for proportional electoral lists of political parties and discusses constructive positive measures and opportunities to improve the use of women's potential in the development of the country.

Keywords: non-governmental organizations; political party; representation of men and women; internal democracy, civil society

Information for citation: Petrosyan, A. A. (2018), "Problems of implementing democracy in Armenia in the context of the socio-political participation of women and men", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 113-120, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-10

“Никто не утверждает, что демократия совершенна или всеведуща. На самом деле можно сказать, что она худшая форма правления, если не считать всех остальных, к которым до сих пор прибегало человечество”.

Уинстон Черчилль

(Из выступления в Палате общин, 11 ноября 1947 г., Черчилль У. Афоризмы. – Харьков, 2012. С. 159).

Введение (Introduction). Круг реализованных интересов, потребностей, гарантированность прав и свобод граждан является показателем демократичности становления гражданского общества. В современных представлениях о демократии большое значение имеет участие социальных слоев во всех трех ветвях власти. В статье анализируется представленность женщин и мужчин в общественных организациях и политических партиях Армении, выявляется проблема их участия в процессах общественно-политической жизни, исследуется текущая ситуация и современные тенденции.

Проблема социального неравенства полов имеет глубокие корни. На разных этапах развития цивилизации по-своему подчеркивались вопросы участия женщин в общественных событиях и процессах политического управления. Так, в недалеком советском прошлом проблема дискриминации была в центре внимания правящей

партии и правительства и решалась путем установки квотного представительства всех социальных слоев на разных уровнях управления (районные и городские советы, Верховный Совет и т.д.), в том числе и по половому признаку. Например, существовала традиция одним из трех секретарей районных комитетов компартии назначать женщин. В последние десятилетия активно проводятся гендерные исследования. Термин «гендер», предложенный в 50-ых годах 20-ого века американским психологом и сексологом Джоном Уильямом Мани, продолжает оставаться «горячей» темой, что позволяет использовать ее как инструмент идеолого-политической борьбы.

Описание проблемы. Научные исследования ученых Армении показывают, что социальный потенциал женщин по сравнению с мужчинами недостаточно реализуется (Hovhannisyan, Zakaryan, Osipov, 2011: 2). Об этом же свидетельствуют и данные локальной статистики, в том числе

«National Statistical Service of the RA». Хотя женщины в Армении имеют мощный потенциал с профессиональной и образовательной точки зрения. Они составляют больше половины трудоспособного населения, а также имеющих высшее профессиональное образование (Women and Men in Armenia, 2016: 84-86). Доклад Межгосударственного Статистического Комитета СНГ «О положении женщин и мужчин в странах Содружества Независимых Государств» свидетельствует, что участие женщин в принятии политических решений, в звеньях местного самоуправления, регионального и центрального государственного управления, руководящих органах партий довольно низкое. Такое положение примерно одинаково во всех постсоветских странах¹ (Сакевич, 2017).

Методология и методы (Methodology and methods). Отмеченная выше ситуация явилась следствием противоречивости ценностных оснований современного общества. С одной стороны, явно обозначилась тенденция возврата патриархатной культуры с традиционным распределением социальных ролей мужчин и женщин (Силласте, 2016); (Василенко, Кашина, 2015); (Муравьева, 2014). С другой стороны, общие процессы цифровизации, формирования общей интернет-среды и модернизации производства объективно требуют распространения ценностей постмодернизма (Айвазова, 2017); (Рябова, Овчарова, 2016); (Середа, 2011) и др.). Особо отметим гендерный дискурс формирования и деятельности политических элит (Козлова, 2016), «поскольку политический уровень государственного управления в

демократических обществах формируется посредством выборных процедур, использование гендерного ресурса во многом будет определяться не столько действиями государства, сколько уровнем развития политической системы и гражданского общества, а также состоянием политической культуры граждан» (Василенко, Кашина, 2014: 60). Обозначенные выше вызовы современности требуют активизации поиска новых подходов в реализации гендерной политики органов власти республики Армения на основе методологии, более соответствующей условиям развития страны. Методологической основой может выступить культура демократического общественного устройства, в частности, партнерская модель развития гражданского общества, культура и механизмы социального партнерства государственных структур, органов местного самоуправления и НПО (Hovhannisyan, 2016).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Исследования центра социологических исследований «Кавказ» подтверждают правильность и оправданность общественным мнением введения и расширения квотного представительства женщин в нынешних условиях². 57,2% опрошенных положительно относятся к идее введения квот по поводу представленности женщин в разных звеньях политического управления (Hovhannisyan, Zakaryan, Osipov, 2011: 18). Респондентам было предложено назвать оптимальную меру представленности женщин в разных институтах политического и местного самоуправления. Полученные данные отражены по принципу среднестатистической величины в (рис. 1).

¹ О положении женщин и мужчин в странах Содружества Независимых Государств. Доклад. Межгосударственный Статистический Комитет СНГ. Европейская экономическая комиссия ООН. Конференция европейских статистиков. Рабочая сессия по гендерной статистике. Вильнюс, Литва 1-3 июня 2016 г. П. 2 предварительной повестки дня (Гендерное равенство: субрегиональные аспекты). 2016.

²Метод исследования: стандартизированное интервью, опрошено 1200 респондентов в Ереване и в четырех регионах (марзах) Армении (Hovhannisyan, Zakaryan, Osipov, 2011: 18-19).

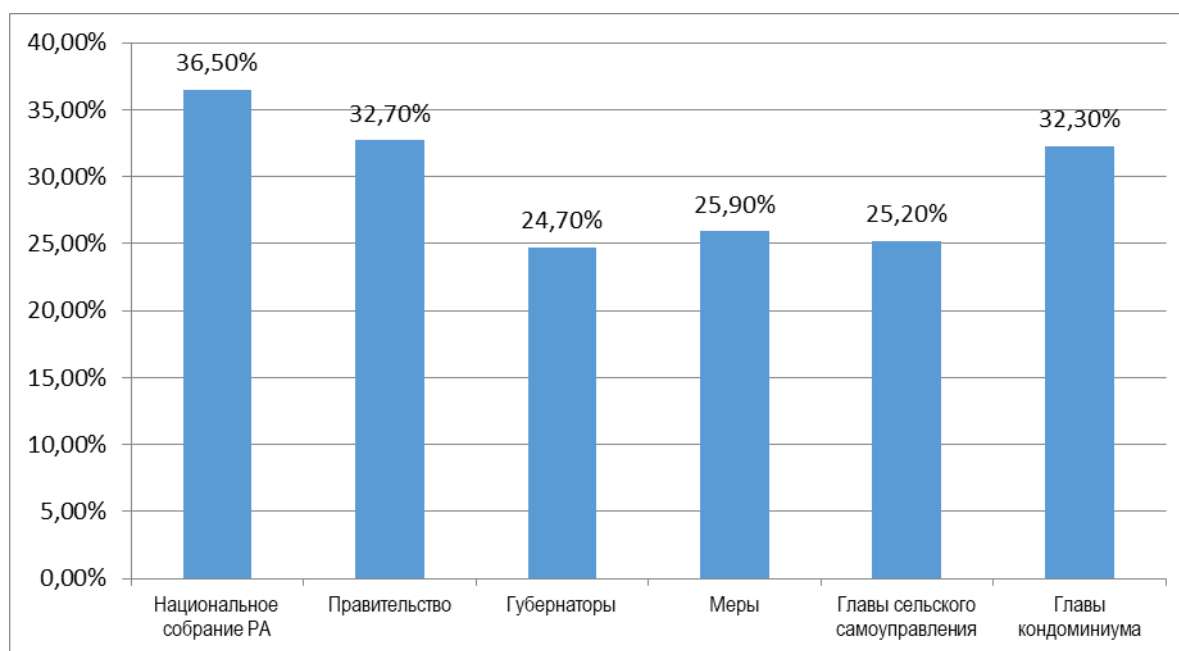

Рис. 1. Оптимальная квота представленности женщин в разных звеньях управления по мнению респондентов

Fig. 1. Optimal quota of representation of women in different parts of management according to respondents

Интересные тенденции выявляет анализ статистических материалов. По данным 2016 г. в государственном регистре юридических лиц Министерства юстиции Республики Армения было зарегистрировано 79 партий. Из них полтора десятка имеют своих представителей в четырех фракциях Национального собрания шестого созыва (2017 г.). В результате лоббирования и последовательных действий общественных организаций в партнерстве с соответствующими комиссиями Общественной палаты Избирательным кодексом Армении введена 25%-ная минимальная квота для полов в партийных списках (ст. 130 пункт 2, ст. 83 пункты 4 и 10)¹. Среди депутатов Национального собрания Республики Армения в 2017г. женщины составляют 17,1%. Несмотря на невысокий показатель представленности женщин, все же рост значительный по

сравнению с показателем парламента предыдущего созыва (10,7%), что свидетельствует о позитивной тенденции демократических процессов. Этому способствовал и тот факт, что Избирательным кодексом РА был закреплен принцип ротации на основе полов в избирательных партийных списках. На следующие выборы в законодательный орган РА избирательным кодексом определены минимальные (30%) и максимальные (70%) квоты для обоих полов.

Примечательно, что женщины больше представлены в общественных организациях, чем мужчины. В случае партий, наоборот, число мужчин превышает число партийных женщин (рис. 2).

Результаты исследований подтверждают, что в партиях женщины имеют в основном статус рядового. Они мало представлены в низших и средних руководящих звеньях и почти отсутствуют в высшем руководящем составе политических партий (табл. 1) (Участие во имя перемен, 2012: 58).

¹Избирательный кодекс Республики Армения (2016). URL: <http://www.arlis.am/Document-View.aspx?docid=108731> (дата обращения: 15.08.2017).

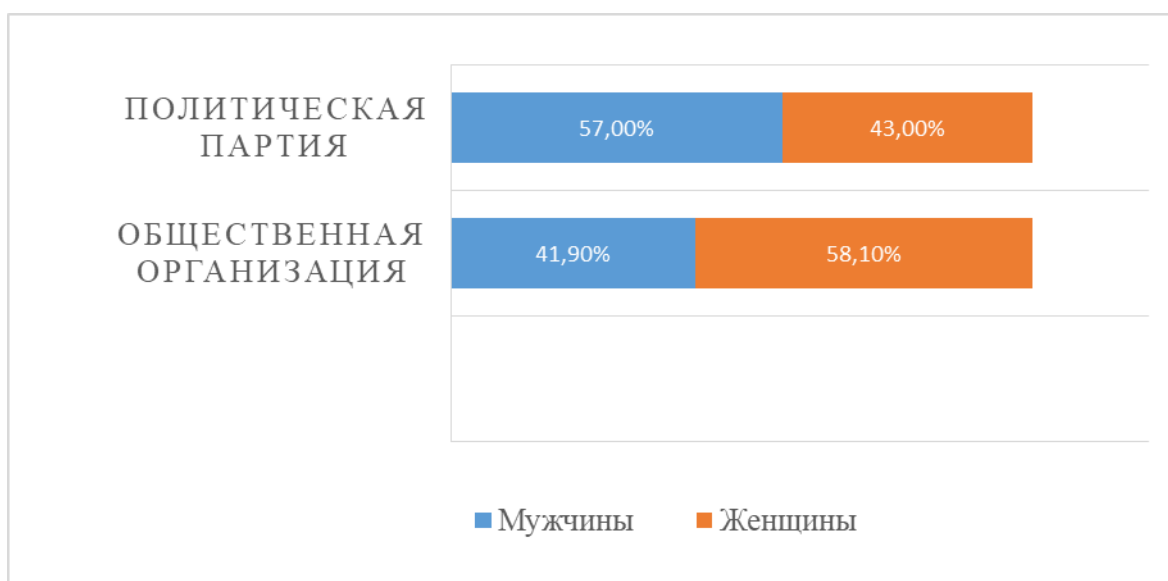

Рис. 2. Вовлеченность опрошенных мужчин (4,7%) и женщин (5,5%) в общественных организациях и политических партиях
Fig. 2. Involvement of interviewed men (4.7%) and women (5.5%) in public organizations and political parties

Статусные особенности женщин и мужчин в политических партиях

Таблица 1

Table 1

Status features of women and men in political parties

Статус	Мужчины	Женщины
Рядовой член	53,4%	46,6%
Член низшего и среднего руководящего состава	90,9%	9,1%
Член высшего руководящего состава	99,2%	0,8%

Интересно, что и в общественных организациях, где женщин больше, отмечается тенденция уменьшения числа женщин, продвигающихся по карьерной лестнице. Женщин-рядовых членов общественных организаций вдвое больше (69,7%), чем мужчин (30,3%) в таком же статусе. В низших и средних руководящих

звеньях их количество практически одинаково, в высших руководящих органах количество мужчин (75%) втрое превышает количество женщин (25%). В связи с этим примечательны комментарии женщин – деятелей, участников фокус-групп¹:

¹Исследование центра социологических исследований «Кавказ». Метод: фокус-группы, респонденты: политические деятели, включённые в партийные избирательные списки, лидеры политических и партийных организаций, представители СМИ (Участие во имя перемен, 2012: 36-43).

«Женщины выполняют 90% «черной работы» своих партий, но, когда нужно их включить в первую пятерку избирательных списков, забывается выполненная ими работа. И опять продвигаются мужчины».

Руководитель общественной организации, участница фокус-группы

Какие факторы мешают росту политической и гражданской активности женщин и мужчин? Среди выявленных факторов 34,7% женщин выделяют «занятость семейными проблемами», что на 14,2% выше, чем у мужчин, «занятость бытовыми проблемами» отмечают 24,7% женщин

и 14,4% мужчин. Интересно, что при высоком уровне образования женщин, они ощущают недостаток соответствующих политических знаний и опыта (11,1%), что на 2,2 % выше по сравнению с мужчинами (рис. 3).

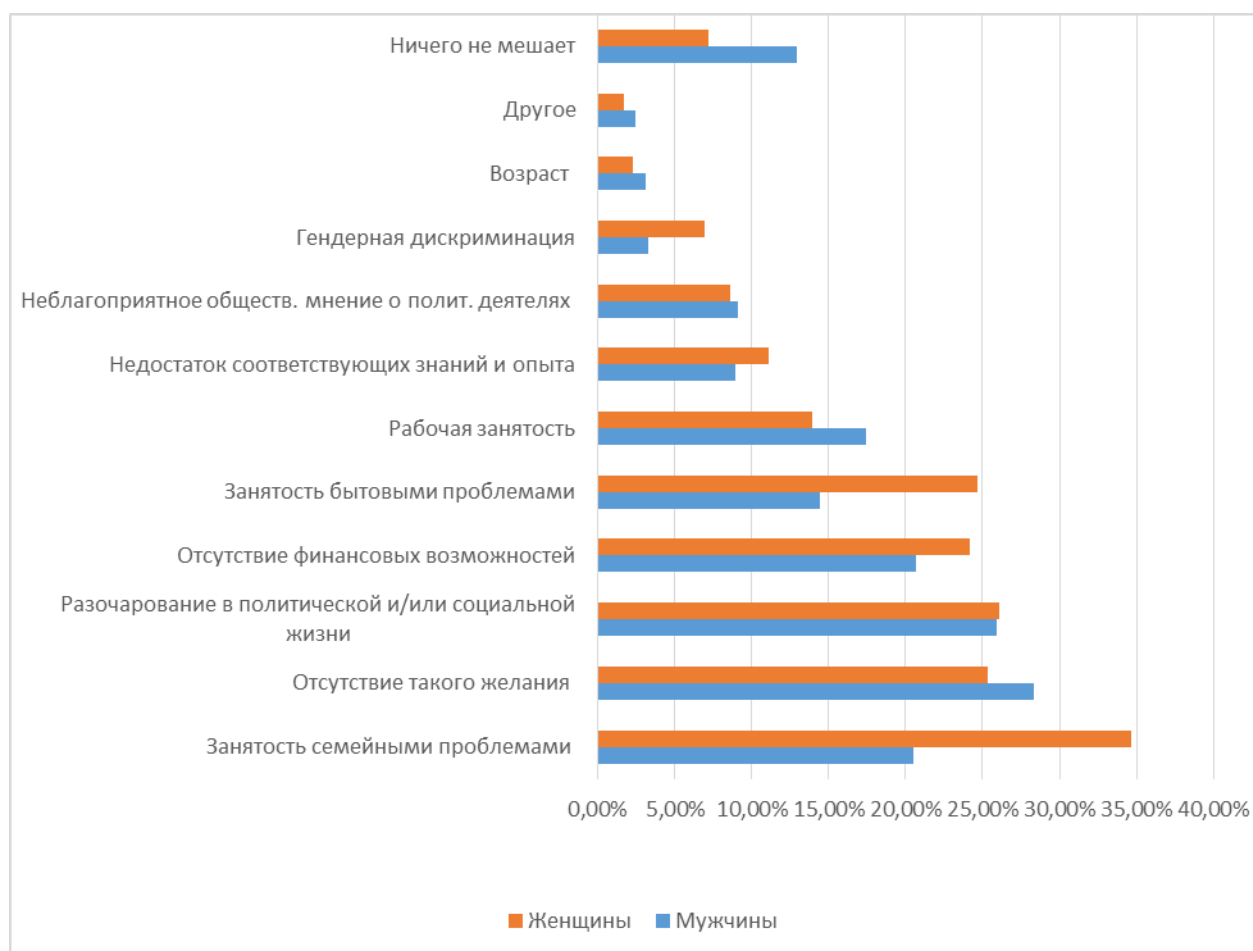

Рис. 3. Факторы, препятствующие политической и гражданской активности (по важности)
Fig. 3. Factors hindering political and civic activity (by importance)

Опыт демократических стран показывает, что при представленности женщин в парламентах 30% и более процентов увеличивается социальная направленность принимаемых законов, политика принима-

ет более гуманную окраску и сформировывается более цивилизованная культура принятия решений (Women in Parliament).

Этот тезис подтверждается данными социологических исследований, проведен-

ных в Армении. Политические деятели-женщины, включённые в партийные избирательные списки свою деятельность в парламенте представляют в основном в комиссиях, которые занимаются вопросами образования и молодежной политики, социального обеспечения, здравоохранения, детства и материнства, проблемами прав человека, этики и международных отношений. Они высказали намерения по поводу законодательных инициатив в области защиты прав женщин и детей, социально не обеспеченных слоёв, сокращение уровня бедности, утверждения принципа социальной справедливости (Ованесян, Петросян, 2012: 19).

Заключение (Conclusions). Анализ приведенных в статье результатов количественных и качественных социологических исследований, проведенных в Армении, подтверждает, что увеличение числа женщин в органах политического управления приведет к повышению уровня внимания и заботы по отношению к социальным проблемам и вопросам здравоохранения, проблемам социально необеспеченных слоев, детей и женщин, гуманизации политики и процесса принятия решений.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что и минимальный порог представленности полов – 30% и 70% в партийных избирательных списках вместо 25% и 75% приведет к положительному результату, тем более, что по данным социологических исследований общество готово принять квоту присутствия женщин в парламенте – более 36%, в Правительстве – более 32%, в роли губернаторов – 24,7 % (рис. 1). Реализация вышеупомянутых квот, а также соответствующих образовательных и пропагандистских программ может иметь положительное значение в улучшении показателей демократии политических партий и общественных организаций, а также развития культуры и механизмов социального партнерства на уровнях местного, территориального и политического управления.

Список литературы

Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3-13.

Василенко Л. А., Кашина М. А. Гендерный ресурс государственного управления: от советского прошлого – к постсоветскому будущему // Научные труды Северо-Западного института управления. 2014. Т. 5, № 5 (17). С. 33-41.

Василенко Л. А., Кашина М. А. Будущее гендерной политики в глобализирующемся обществе: российский кейс // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 112-119.

Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4 (81). С. 58-71.

Муравьева М. Г. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 4. С. 625-640.

Общество как социогендерная система и социальные риски ее развития: монография / под ред. Г. Г. Силласте. М., 2016. 269 с.

Ованесян О., Петросян А. и др. Участие во имя перемен. Результаты качественного исследования Центра социологических исследований «Кавказ», Oxfam GB. Ереван: «Асохик», 2012. 69 с. (на армянском языке).

Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 3-23.

Сакевич В. Индекс гендерного неравенства – 2016 // World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016>. (дата обращения: 15.08.2017)

Середа М. В. Женщины как субъект неотрадиционалистской гендерной политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 94-98.

Hovhannisyan H. Idea and models of civil society: development tendencies, arguments pro and con // Wisdom. 2016. V. 2, № 2 (7). С. 95-102.

Hovhannisyan H. O. The Factor of Human Rights Protection as Criteria for the Development in the Social System // Armenia: A Human Rights Perspective for Peace and Democracy. Materials of Symposium. Potsdam, 2005. С. 23-30.

Hovhannisyan H., Zakaryan L., Osipov V. Gender Dimension of Civic and Political Participation In Armenia. Report on Findings of the Sociological Study. UNFPA. «Kovkas» Social Stud-

ies Center. Yerevan, 2011. 71 p. URL: <http://www.osce.org/yerevan/81699?download=true>. (дата обращения: 15.08.2017).

Women and Men in Armenia, 2016. National Statistical Service of the RA. Yerevan, 2016. 160 p. URL: <http://www.armstat.am/am/?nid=82&id=1846>; http://www.armstat.am/file/article/gender_2016_7.pdf. (дата обращения 15.08.2017).

Women in Parliament: 20 years in review. Inter-Parliamentary Union. URL: <http://archive.ipu.org/pdf/publications/WIP20Y-en.pdf> (дата обращения 15.08.2017).

References

Aivazova, S. G. (2017), "Gender discourse in the field of conservative politics", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (4), 3-13. (In Russian).

Vasilenko, L. A. and Kashina, M. A. (2014), "Gender Resource of the Public Administration from the Soviet Past to the Post-Soviet Future", *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*, 5 (5), 33-41. (In Russian).

Vasilenko, L. A. and Kashina, M. A. (2015), "The Future of Gender Policies in the Globalized World: Russian Case", *Upravlencheskoe konsultirovanie*, (9), 119-126. (In Russian).

Kozlova, N. N. (2016), "Deputy corps of the Central Federal District: the gender dimension", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (4), 58-71. (In Russian).

Muravjyeva, M. G. (2014), "Traditional values and modern families: legal approaches to tradition and modernity in modern Russia", *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 12 (4), 625-640. (In Russian).

Sillaste, G. G. (2016), *Society as a socio-gender system and the social risks of its development*, in Sillaste, G. G. (ed.), Moscow, Russia. (In Russian).

Ovanisyan, O. and Petrosyan, A. (2012), *Participation in the name of change*, Results of qualitative research, Center for Sociological Research "Caucasus", Oxfam GB, Asotik, Yerevan, Armenia. (In Armenian).

The situation of women and men in the countries of the Commonwealth of Independent States, (2016), a Report. Interstate Statistical Committee of the CIS, United Nations Economic Commission for Europe Conference of European Statisticians, Working session on gender statistics Vilnius, Lithuania 1-3 June 2016 P. 2 of the provisional agenda (Gender equality: subregional aspects).

Ryabova, T. B. and Ovcharova, O. G. (2016), "Gender Studies in Russian Political Sciences: current status, problems and prospects", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1), 3-23.

Sakevich, V. (2016), *Gender Inequality Index*, World Economic Forum [Online], available at: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016> (Accessed 15 August 2017).

Sereda, M. V. (2011), "Women as a subject of non-traditionalist gender policy", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3), 94-98.

Hovhannisyan, H. (2016), "Idea and models of civil society: development tendencies, arguments pro and con", *Wisdom*, 2 (2), 95-102.

Hovhannisyan, H. O. (2005), "The Factor of Human Rights Protection as Criteria for the Development in the Social System", *Armenia: A Human Rights Perspective for Peace and Democracy. Materials of Symposium*, Potsdam, Germany, 23-30.

Hovhannisyan, H., Zakaryan, L. and Osipov, V. (2011), *Gender Dimension of Civic and Political Participation in Armenia*, Report on Findings of the Sociological Study, UNFPA, "Kovkas" Social Studies Center, Yerevan, Armenia [Online], available at: <http://www.osce.org/yerevan/81699?download=true>. (Accessed 15 August 2017).

Women and Men in Armenia (2016), National Statistical Service of the RA, Yerevan, Armenia [Online], available at: <http://www.armstat.am/am/?nid=82&id=1846>; http://www.armstat.am/file/article/gender_2016_7.pdf. (Accessed 15 August 2017).

Women in Parliament: 20 years in review, Inter-Parliamentary Union [Online], available at: <http://archive.ipu.org/pdf/publications/WIP20Y-en.pdf> (Accessed 15 August 2017).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Петросян Астхик Алексановна, соискатель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, эксперт Центра социологических исследований «Кавказ».

Astghik A. Petrosyan, PhD Applicant, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Institute of Philosophy, Sociology and Law, Expert, Center for Social Sciences "Caucasus".

УДК 316.462

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-11

Тихонов А. В.

Проблема реформирования работы властно-управленческой вертикали в регионах РФ с разным уровнем социокультурной модернизации

Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
alvast39@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4283-8333>

*Статья поступила 28 октября 2018 г.; Принята 10 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. Данная статья представляет собой предварительное обобщение результатов исследования проблем реформирования работы властно-управленческой вертикали в стране Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН, которая относится к магистральному направлению наших общественных наук – к получению нового знания относительно закономерностей выживания и устойчивого цивилизационного развития российского общества.

Теоретико-методологической основой такого исследования является представление о социологических закономерностях формирования, реализации и своевременного пересмотра «гражданского договора» между властью и обществом (в исторически складывающихся внутренних и внешних условиях, вызовах и угрозах). Ситуативно получилось так, что наши исследования пришлись на такой этап жизни российского общества, когда в нём преобладает состояние неопределенности цивилизационного выбора и значительного недопонимания властвующей элитой необходимости своевременной разработки нового «общественного договора», более адекватного решению задач цивилизованного развития, а порой и простого выживания. Свидетельством тому явился рост недоверия россиян к работе центральных и региональных органов власти и управления, что особенно проявилось в последнее время в связи с подготовкой и проведением пенсионной реформы. Социолого-управленческий подход к описанию и объяснению этих процессов предполагает их соотнесение с реальными действиями звеньев властно-управленческой вертикали по решению задач стратегического развития страны и регионов с разным уровнем социокультурной модернизации. Исследование связи работы системы управления с социокультурным и общим уровнем социально-экономического развития регионов позволяет не только объяснить существующие различия в темпах социокультурной модернизации, но и сделать выводы о путях реформирования властно-управленческой вертикали с учетом этих различий.

Ключевые слова: проблемная ситуация; вызовы и угрозы; властно-управленческая вертикаль; гражданский договор; социологическое сопровождение; управление модернизацией; эмпирическая проверка гипотез; натурный эксперимент.

Информация для цитирования: Тихонов А. В. Проблема реформирования работы властно-управленческой вертикали в регионах РФ с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 121-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-11

Alexandr V.
Tikhonov

The problem of reforming the work of the power-management vertical in the regions of the Russian Federation with different levels of socio-cultural modernization

Center for Sociology of Management and Social Technologies,
Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
alvast39@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4283-8333>

*Received on October 28, 2018; Accepted on December 10, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article represents preliminary generalization of results of the research of problems of reforming the work of the power-management vertical in the country by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of RAS which belongs to the main area of our social sciences – obtaining new knowledge regarding the laws of survival and sustainable civilizational development of Russian society.

The theoretical and methodological basis for such a study is the idea of the sociological patterns of formation, implementation and timely review of the “civil contract” between the government and society (in the historically evolving internal and external conditions, challenges and threats). Situationally it turned out that our research took place at a stage in the life of Russian society when it is dominated by a state of uncertainty of civilization choice and a significant misunderstanding by the ruling elite of the need to timely develop a new social contract that is more adequate to solve problems of civilized development, and sometimes simple survival. This has resulted in the growing mistrust of Russians towards the work of central and regional authorities and administration, which was particularly evident recently in connection with the preparation and conduct of pension reform. The sociological and managerial approach to the description and explanation of these processes presupposes their correlation with the real actions of the links of the power and administrative vertical to solve the tasks of the strategic development of the country and regions with different levels of sociocultural modernization. The study of the relationship of the management system with the socio-cultural and general level of socio-economic development of the regions allows not only to explain the existing differences in the pace of socio-cultural modernization, but also to draw conclusions about the ways of reforming the power-management vertical, taking into account these differences.

Keywords: problem situation; challenges and threats; power-management vertical; civil contract; sociological support; modernization management; empirical testing of hypotheses; full-scale experiment

Information for citation: Tikhonov, A. V. (2018), "The problem of reforming the work of the power-management vertical in the regions of the Russian Federation with different levels of socio-cultural modernization", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 121-136, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-11

Введение (Introduction). Теоретико-методологической основой нашего исследования является представление о социологических закономерностях формирования, реализации и своевременного пересмотра «гражданского договора» между властью и обществом (в исторически складывающихся внутренних и внешних условиях, вызовах и угрозах), в осуществлении которого фундаментальную роль играет властно-управленческая вертикаль. Здесь мы опираемся на фундаментальную разработку теоретико-методологических критериев уровня модернизации в федеральных округах и регионах – субъектах РФ, представленную в трудах ЦИСИ ИФ РАН (Атлас модернизации России и её регионов..., 2016). В статье публикуются предварительные выводы по поводу того, что причины неудавшихся административных реформ управления в РФ носят системный характер и для своего решения требуют, прежде всего, учета специфики работы социальных механизмов регулирования отношений между властью и обществом (т.е. разработки и принятия более современного «гражданского договора», на роль которого могут претендовать программы по выполнению майского 2018 года Указа Президента РФ). Наш вклад состоит в том, что мы остановились на мониторинговом характере исследований в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, на стандартизации элементов программы исследования и на наборе взаимосвязанных и контролирующих эмпирическую проверку гипотез и методов сбора первичной информации. Плюс к этому предусмотрен выход на нетривиальный научно-практический результат – на исследование в 2019-2021 гг. большего диапазона методов практического решения проблем реформирования властно-управленческой вертикали с применением

техники натурального эксперимента, а также работ на основе моделей 3Д-технологий «умного регулирования». Это означает, что используемый нами инструментарий претендует на постановку и решение задач совершенствования (модернизации, если хотите) самой системы управления на основе оценки тенденций и экспликации реальных проблем в жизни страны и регионов.

Методология и методы (Methodology and methods). Исследование строится на основе методологии субъект-полисубъектного исследования процессов функционирования властно-управленческой вертикали в анизотропной среде различных историко-культурных и социально-экономических пространств (Лепский, 2015). Помимо однозначно выделяемых субъектов органов власти и управления нами изучается уровень субъектности различных социальных групп, их гражданская позиция: по отношению к работе органов власти и управления всех уровней, к местному самоуправлению, к квалифицированным специалистам как неформальным представителям интеллектуальной элиты регионов, к содержанию СМИ и к сетевому общению. В этой связи нами были сформированы и основные элементы Программы: проблема, объект, предмет, гипотезы и методы их проверки.

Социальная проблема была сформулирована как раскол между обществом и государством, проявившийся в разрыве между оценками населением работы различных звеньев властно-управленческой вертикали и их способностью одновременно решать внешние и внутренние проблемы социально-экономического развития в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации.

Научная проблема рассматривалась как недостаток теоретико-

методологических и эмпирических данных в предметной области социологии управления относительно способности вертикали решать проблемы согласия в обществе в условиях раскола, успешно отвечать на внешние и внутренние вызовы и обеспечивать модернизацию регионов, находящихся на разных уровнях социокультурного развития.

Объектом выступил процесс исторически обусловленного социально-культурного и цивилизационного развития российских регионов в конкретной социально-экономической ситуации.

Предметом исследования стало выяснение социальных закономерностей в рамках теории «гражданского договора», отражающих степень социальной поддержки населением работы тех или иных звеньев властно-управленческой вертикали в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации и, в конечном итоге, степень управляемости самого процесса модернизации в них. При этом, по возможности, измерялись и проявления социальной субъектности различных групп населения, их прямой или оппозиционной роли в отношениях с органами власти и управления и в проявлении степени солидарности с малыми (в т.ч. протестными) группами в регионах (как со своей социальной общностью, так и с большим обществом).

Смысл разработки собственной информационно-карты для оценки развития регионов состоял в необходимости объяснения нестыковки похожих данных по регионам при сравнении ответов респондентов на наши вопросы. Дело в том, что типология регионов по ЦИСИ ИФ РАН предполагает их линейное движение по ступеням модернизации, в то время как исторически сложившиеся социокультурные различия между ними могут иметь нелинейные связи. Отсюда и появление нестандартных способов решения трудных проблем. Следует обратить особое внимание и на наличие показателей существенных различий между регионами. В частно-

сти, доноры – реципиенты, численность, в т.ч. занятых в экономике, среднедушевой доход, потребительские расходы и коэффициент миграции. Уже по этим показателям заметно, что они либо дополняют индексы уровня модернизации, либо противоречат им. Только при сопоставлении с более обширным набором исследовательских данных мы сможем определить, какие из них имеют объяснительное значение.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion. Исследование связи работы системы управления с социокультурным и общим уровнем социально-экономического развития регионов позволяет не только объяснить существующие различия в темпах социокультурной модернизации, но и сделать выводы о путях реформирования властно-управленческой вертикали с учетом этих различий. Наши предварительные выводы сводятся к тому, что причины неудавшихся административных реформ управления в РФ носят системный характер и для своего решения требуют, прежде всего, учета специфики работы социальных механизмов регулирования отношений между властью и обществом (т.е. разработки и принятия более современного «гражданского договора», на роль которого могут претендовать программы по выполнению майского 2018 года Указа Президента РФ). Вклад исследовательского коллектива состоит в том, что нами принято стратегическое решение о придании исследованию характера мониторинга в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, о стандартизации элементов программы исследования и о наборе взаимосвязанных и контролирующих эмпирическую проверку гипотез и методов сбора первичной информации. Плюс к этому был предусмотрен выход на нетривиальный научно-практический результат – на исследование в 2019-2021 гг. большого диапазона технологий практического решения проблемы реформирования властно-управленческой вертикали с применением техники натурального эксперимента. Это

означает, что используемый инструментарий претендует на постановку и решение задач совершенствования (модернизации, если хотите) самой системы управления на основе оценки тенденций и экспликации реальных проблем в жизни страны и регионов. В этой связи нами были сформулированы элементы Программы исследования: проблема, объект, предмет, гипотезы и методы их проверки.

Социальная проблема формулируется как раскол между обществом и государством, проявившийся в разрыве между оценками населением работы различных звеньев властно-управленческой вертикали и их способности одновременно решать внешние и внутренние проблемы социально-экономического развития в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации.

Однако эта постановка проблемы и формулирование гипотез первоначально не вполне учитывали новых обстоятельств, описанных в Атласе Н. И. Лапина (глава 10). Это, прежде всего, спонтанность модернизационных процессов в России (1992-1998 гг. – децентрализация, 1998-1999 гг. – начало стабилизации и восстановления экономики, а вместе с тем и обострения потребности в модернизации общества в целом как способа цивилизационной эволюции современной России. Это привело к необходимости отдельной интерпретации при обработке первичных данных.

Отдельные стратегические вопросы прорабатывались специально. К ним относятся 4 гипотезы, ориентирующие эмпирическую часть исследования. Первая: зависимость характера и стиля управления в стране от не менее фундаментального фактора, чем синкретизм власти, собственности и управления, зависимости от цивилизационного тренда развития. Подтверждение этого предположения означало бы, что кроме институциональных причин деформации системы управления (как следствия своекорыстия политического класса или недостаточного уровня компетентности)

есть еще и другие причины различий в развитии регионов. Это либо эффекты «исторической колеи», либо еще круче – влияние институциональных матриц (по теории С. Г. Кирдиной: о различении матриц X и Y), что сродни признанию нашей принадлежности не к европейскому, а к азиатскому способу производства по Марксу или, может быть, евразийскому гибриду, о котором мы еще мало что можем сказать, разве что еще раз упомянуть о «загадочной русской душе». Вторая касается экзистенциального раскола населения по отношению к деятельности органов власти и управления по всей вертикали и по всем уровням, вплоть до муниципального. Гипотетически мы выделяем противников, сторонников деятельности органов власти и управления и категорию «медиаторов», которых ошибочно в некоторых публикациях относят к неопределившимся, а в нашей работе и в работах Н. И. Лапина, А. П. Давыдова и других эта категория относится к феномену «срединной культуры». Её влияние на стабильность и реформируемость органов власти и управления изучено недостаточно. Есть предположение, что именно «медиаторы» могут оказать и оказывают решающее влияние на творческий синтез европейского и азиатского путей развития отдельных регионов и выступают неявным интенциональным двигателем социокультурной модернизации. Третья: зависимость типа модернизации от наличия в регионах продвинутых локальных социальных организаций, особенно в сфере производства. Это вопрос, которым занимается В. В. Щербина и целый ряд других исследователей. Решение его требует выявления в регионах «локомоторов модернизации, т.е. инновационных точек роста, как свидетельства развития суперновых технологий и изобретения новых форм организационного управления. Если есть такая возможность, то хотелось бы обнаружить и инновации в социальных организациях, которые можно было бы отнести к социальным феноменам типа «аспирационного управления». Чет-

вертая: социальная роль властно-управленческой вертикали зависит от ее взаимодействия с местным самоуправлением, влияние которого мы относим к качественной стороне проявлений гражданского общества, а отношения между гражданским обществом и государством («общественный договор») рассматриваем как важнейшее условие выполнения демократических устоев конституционного строя (ст. 130 и 132 Конституции РФ). При этом мы считаем, что принимаемые Госдумой федеральные законы об общих принципах самоуправления работают плохо или не работают вообще (имеются в виду ФЗ № 131 от 06.10.2003; ФЗ № 13 от 20.03.2011 и др.). Нами предполагается, что чем выше уровень социокультурной модернизации в регионах, тем выше должна становиться роль местного самоуправления в решении социальных проблем. Однако нельзя исключать и нелинейную зависимость между этими переменными, что требует более глубокой интерпретации отношений между обществом и государством на материале эмпирического исследования. В нашем случае началом такого исследования служит обоснование отбора регионов по критерию уровня социокультурной модернизации.

Смысл разработки собственной информационно-карты для оценки развития регионов состоял в необходимости объяснения нестыковки похожих данных по регионам при сравнении ответов респондентов на наши вопросы. Дело в том, что типология регионов по ЦИСИ ИФ РАН предполагает их линейное движение по ступеням модернизации, в то время как исторически сложившиеся социокультурные различия между ними могут иметь нелинейные связи. Отсюда и появление нестандартных способов решения трудных проблем. Следует обратить особое внимание и на наличие показателей существенных различий между регионами. В частности, доноры – реципиенты, численность, в т.ч. занятых в экономике, среднедушевой доход, потребительские расходы и коэф-

фициент миграции. Уже по этим показателям заметно, что они либо дополняют индексы уровня модернизации, либо противоречат им. Только при сопоставлении с более обширным набором исследовательских данных мы сможем определить, какие из них имеют объяснительное значение.

Научные результаты и дискуссии (Research Results and Discussion). Теперь перейдем к рассмотрению наиболее значительных результатов исследования. Показателей шесть, регионов двенадцать. Показатели: 1) социального благополучия и соблюдения условий «гражданского договора», 2) поддержки внешней политики, 3) поддержки внутренней политики, 4) отношения к необходимости реформирования работы органов власти и управления, 5) отношения к необходимости коренного улучшения работы органов власти и управления, 6) оценки необходимости значительного улучшения работы органов власти и управления в регионах.

В сказуемом у нас находится 12 регионов РФ, распределенных на четыре группы по уровню социокультурной модернизации, а в подлежащем – семь критериев условий жизни в этих регионах, каждый из которых включает в себя параметры: социально-экономические условия – возможность найти работу, улучшить жилищные условия, работа ЖКХ, обеспечение качественными товарами; производственная обстановка в регионе и состояние инфраструктуры – загруженность предприятий, своевременность выплат, работа общественного транспорта, состояние дорог; забота о людях (гуманистический критерий) – охрана жизни, здоровья, работа органов правопорядка, работа учреждений культуры; забота о будущем и природной среде – работа дошкольных и школьных учреждений, массовый отдых, охрана природной среды; уровень бизнес-отношений в регионе – поддержка малого и среднего бизнеса, коррупция в органах власти, возможность профессионального роста, отношение к трудовым мигрантам; социокультурная консолидация населения

региона – по национальному признаку, по вероисповеданию, по политическим взглядам, по отношению к истории; непосредственное соблюдение «гражданского договора» органами местной власти и управления – защищенность населения от произвола чиновников, качество государственных услуг («одно окно»), доступность информации о работе органов власти и управления, знакомство населения со стратегией работы органов власти и управления на ближайшие 10-15 лет.

Наиболее острыми для всех регионов являются проблемы улучшения жилищных условий и возможности найти работу (44 и 42% негативных оценок соответственно). При этом есть заметные различия между регионами с низким и высоким уровнем модернизации. При переходе на более высокий уровень модернизации примерно на 13-15 пунктов улучшаются жилищные условия и на 16-20 пунктов возможность найти работу. Одновременно отметим, что на 16 пунктов улучшается работа глава 7. условия жизни населения и отношение к работе властно-управленческой вертикали 78 сферы ЖКХ и на 10 пунктов торговля продовольственными и промышленными товарами. Характерно, что с переходом регионов на более высокий уровень модернизации ситуация с дорогами кардинально не улучшается. Состояние дорог отрицательно оценивают 54% респондентов из регионов с высоким уровнем модернизации. Примерно в два раза улучшается загруженность предприятий (критерий 2), растет своевременность выплаты зарплаты, пенсий и пособий и даже улучшается работа общественного транспорта, но состояние дорог остается на недопустимо низком уровне. Ясно, что сегодня это проблема больше федерального центра, чем местного уровня.

Наиболее принципиальным вопросом, касающимся исполнения «гражданского договора» между обществом и государством, является, конечно, отношение к политике государственного суверенитета. Эта тема была поставлена в 9-м вопросе

нашей базисной анкеты. Примером его реализации в современных геополитических условиях стала акция под названием «воссоединение Крыма с Россией». Следствием этой акции стало образование ЛНР и ДНР и новая политика в отношениях с Украиной. «Исламское государство» – это еще одно горячее направление нашей внешней политики. Как ко всему этому пакету проблем относятся граждане из регионов с разным уровнем модернизации? Политику суверенитета оценивают высоко 70%, средне – 24% и низко – 6%. Присоединение Крыма только усилило эту позицию: 77% респондентов дали высокую оценку, 17% среднюю и 6% низкую, т.е. отрицательную. Это и есть количественное выражение реальных отношений в системе «общественного договора» на самом вершине. Отношение населения к непризнанным республикам увеличило раскол в обществе (56% за, 13% против и 32% воздержалось), а по отношению к Украине в целом, как еще недавно братскому государству, этот раскол еще больше усугубился (38% за, 33% против и 29% не определились или воздержались). Все эти красноречивые цифры линейно не связаны с уровнем модернизации регионов, хотя можно предположить, что этот раскол косвенно сказывается на других видах социальных отношений. Это можно заметить на примере поддержки нашей политики в отношении ИГИЛ. Здесь 53% – за, 23% – против и 24% воздержавшихся. Причем если эта пропорция у низко и высоко стоящих регионов по уровню модернизации почти не отличается, то у регионов со средним и ниже среднего уровня развития, в которых живет значительная часть мусульманского населения, заметны различия по средней позиции (по числу воздержавшихся).

На вершине властно-управленческой вертикали существует своя иерархия. На первое место по вкладу в конечные результаты население ставит аппарат Президента (66% голосов), на второе Правительство (51%), на третье Совет Федерации (42%) и на четвертое (36%) Государствен-

ную Думу РФ, что соответствует реальному отношению между ветвями власти.

Момент истины наступает и для звеньев управления самого низкого уровня властно-управленческой вертикали. Здесь ведущими факторами положительной оценки выступают региональные СМИ (ТВ, радио, печать) – 46% и руководство предприятий и учреждений – 45%, причем при переходе регионов на более высокий уровень развития их влияние заметно возрастает (примерно на 20%). Администрация сел, поселков, городов и руководство органов местного самоуправления считаются населением менее эффективными в этом отношении (29 и 27% положительных оценок), но тем не менее положительная оценка их работы при этом также возрастает (у администрации с 15 до 32% и у органов МСУ с 16 до 31%). Эти данные должны воодушевить сторонников интенсификации работы по модернизации регионов.

Из материалов исследования видно, что население в целом высказывается за улучшение работы органов власти и управления на высшем уровне, но не склонно к коренным изменениям. Более того, это настроение не зависит от уровня модернизированности территорий. Наибольший консервативный уклон оценок в этом отношении в блоке Президента РФ (32% за изменения, против 34%). Превалирование установок на изменения охватывают прежде всего работу ГД РФ (43% против 21%) и СФ РФ (38% против 23%) и в несколько меньшей степени Правительство РФ (37% против 27%). Характерно, что во всех этих раскладах в чисто количественном отношении решающую роль играют средние или медиативные установки. Страна замерла в ожидании положительных перемен, но боится, как бы не вышло хуже.

На среднем уровне властно-управленческой вертикали ожидание решительных перемен превалирует над консервативными установками. Здесь лидируют повышенные ожидания перемен

прежде всего на уровне руководителей республик, краев и областей (46% за коренные изменения, 19% против и 35% воздержавшихся). Рядом находятся такие же ожидания в отношении всей судебной системы снизу доверху (43% за и 21% против при 36% воздержавшихся). Далее идут отраслевые министерства (38% выступают за, 22% против и 40% воздержались) и, наконец, работа центральных СМИ (ТВ, радио, печати). Здесь 34% за коренное улучшение работы, 38% воздержались от радикальных требований и 28% настроены консервативно. И, как ни странно на первый взгляд, эти оценки также фактически не зависят от степени модернизации регионов.

Наконец, об отношении к изменениям на самом низком уровне иерархии. Здесь, как и следовало ожидать, наиболее радикальные изменения ожидаются в работе администрации сел, городов и поселков (48% против 19%, воздерживаются 34%). Рядом с ними работа органов местного самоуправления (45% за радикальное улучшение работы, 19% против и 36% воздержались). В работе предприятий и организаций 37% за, 28% против и 35% воздержались от радикальных требований. При этом наблюдается не ярко выраженная, но неуклонная зависимость снижения ожидания радикальных изменений на 7-8% в связи с переходом регионов на более высокий уровень модернизации.

Выводы: главный состоит в том, что сложившийся в стране и в регионах тип управления, как и сама система управления, оказывают деструктивное влияние на выполнение условий «гражданского договора» между властью и обществом, что в итоге чревато вполне предвидимыми негативными социальными последствиями. Материалы массового опроса были дополнены нами исследованием на основе оценок специалистов – экспертов из регионов, анализом информации из местных печатных СМИ как лояльных руководству регионов, так и оппозиционных, и контент-анализом общения населения в социаль-

ных сетях. Это позволяет надеяться на плодотворную дискуссию по материалам исследования и в дальнейшем сделать более полные выводы относительно роли властно-управленческой вертикали в жизни страны. Как показало наше исследование, субъектность населения может формироваться как ответная реакция на определенные действия органов власти и управления. Общественная оценка действий властей складывается из множества аспектов, к которым можно отнести оценку проводимой ими внутренней политики.

Сравнительный анализ показал, что активисты менее озабочены проводимой властями внутренней политикой: в среднем уровень тревожности ниже на 3-5 пунктов. Единственным исключением являются регионы с низким уровнем модернизации – здесь активистами были поставлены более низкие оценки реализуемой политике в отношении безработицы, продолжающегося расслоения на богатых и бедных, а также проблем убыли населения. Относительно регионов с различным уровнем развития сложилась следующая ситуация: в целом налицо линейная зависимость – при переходе от низкого к более высокому уровню развития региона наблюдается снижение негативных оценок и повышение положительных. Общественная оценка может формироваться на основе группировки по отношению к отдельным уровням властной вертикали: федеральной, региональной, местной. Поэтому остановим свое внимание на общественной оценке работы властей на каждом из этих уровней.

Для того чтобы проверить достоверность наших предположений, каузально связанных с целью и задачами общего исследования, мы выдвинули две рабочие гипотезы и проверили их при помощи экспертных заключений силами квалифицированных специалистов из регионов. Первая дает возможность проверить: действительно ли в недостаточно развитых (уровень «ниже среднего», «низкий») регионах институционально-регулятивная сфера ха-

рактеризуется сильной властной вертикалью в связи с отсутствием необходимых финансовых средств и нужных организационно-управленческих компетенций для проведения независимой политики местными органами власти? Действительно ли в более развитых регионах (уровень «высокий», «средний») наблюдается развитие горизонтальных форм управления и более интенсивное развитие различных сфер самоорганизации? Н.И. Лапин, говоря об институционально-регулятивной сфере, подразумевает в первую очередь наличие постоянного контроля за процессом «дебюрократизации» через установление устойчивых горизонтальных форм управления. В последние вкладывается понимание этого процесса как глубокой демократизации «государственной и всей политической жизни общества, его судебно-правовых учреждений, обеспечение активности гражданского общества, противодействие избыточности бюрократических процедур контроля и числа чиновников, занятых созданием и внедрением этих процедур».

В итоге, по факту анализа институционально-регулятивной сферы жизнедеятельности 12 регионов, мы можем говорить о том, что наши данные частично совпадают с результатами исследовательской работы, отраженной в «Атласе модернизации России и ее регионов», а именно, в части фиксации недостаточной востребованности, использования человеческих ресурсов со стороны региональных органов власти и управления, а также низкой заинтересованности последних в модернизации своих территорий за счет имеющегося потенциала развития. Здесь мы приходим к выводу о необходимости разведения регионов не только по фактическому состоянию таких важнейших компонент социокультурной модернизации, как технико-технологическая, социально-экономическая, социокультурная, но и обязательно по степени развития институционально-регулятивной сферы. Это обусловлено в первую очередь тем, что развитые системы управления регионов не обя-

зательно характерны для высоко модернизированных регионов, а выявляются в разных группах с различным уровнем модернизации. Допустим, по всем показателям у нас лидирует регион из группы модернизации ниже среднего – Белгородская область, которая практически по всем показателям обошла даже самый перспективный из изучаемых регионов – Московскую область, из группы высокой модернизации.

В итоге, исходя из полученных и проанализированных данных, мы можем сделать следующие выводы. Проникновение средств компьютеризации и интернетизации в регионах состоялось, и в первую очередь на различных уровнях властно-управленческой вертикали, т.е. прослеживается гибридизация отношений управления с информационными технологиями. Однако, региональные системы управления в условиях усиления властно-управленческой вертикали, демонстрируют низкую готовность к инфо-социальной модернизации электронного управления на местах. Т.е. мы становимся скорее свидетелями технико-технологической модернизации инструментальных средств и отношений в части развития информационных и материальных услуг (покупка билетов, получение справок и документов через электронные госуслуги и т.п.), чем включения населения в реальное управление региональными процессами при помощи модернизации инструментальной (сервисной) стороны информатизации.

Далее, в исследовании было выявлено, что главными показателями положения дел в регионах, отражающими все аспекты, являются экспертные оценки технико-технологического развития и уровня индустриализации региона, а также оценки деятельности властей по улучшению ситуации с загруженностью предприятий. Они не только отражают главный показатель развития региона (ВРП), но и показатель модернизации Н.И. Лапина. Достаточно обратить внимание на то, что субъективное мнение экспертов широко отражает

объективную ситуацию. Это подкрепляет доверие к использованию субъективных оценок при выявлении уровня развития народного хозяйства регионов.

В ходе анализа состояния социальной инфраструктуры было выявлено, что каждый показатель, входящий в инструментальный экспертного опроса, тем или иным образом отражает ситуацию, представленную в объективизированном (статистическом) виде. Эти показатели могут стать основой оценки состояния развитости региона как территории для проживания населения. В ходе анализа было обнаружено, что во всех регионах ухудшилась ситуация с обеспеченностью рабочими местами. Материальные условия, правопорядок и горизонтальные отношения в целом остаются на прежнем уровне. Социальная инфраструктура ухудшилась в Дагестане, а улучшилась в Якутии. Транспортная ситуация ухудшилась в Омской области. Работа здравоохранения ухудшилась в Нижегородской области, Башкортостане, а также в Калмыкии и Дагестане. Социальное воспроизводство (школы, развлечения, отдых) ухудшилось в Якутии и Дагестане. Для осуществления модернизационных процессов необходимо наличие институциональных условий для воспроизводства регулятивных средств и механизмов. Они должны позволять региональным субъектам управления адекватно отвечать на внешние и внутренние вызовы, способствовать конструктивным преобразованиям на всех уровнях (вертикальных и горизонтальных) социального взаимодействия, регулировать организацию и обеспечение всей системы жизнедеятельности региона. При выявлении состояния и характера институционально-регулятивных сфер жизнедеятельности регионов мы пришли к таким выводам.

Заключение (Conclusions). Научная новизна и практическая польза исследования состоит в обосновании актуальности нового этапа институционального регулирования отношений между российским обществом и государством на основе учета

специфических трендов социокультурной модернизации регионов, находящихся на разных этапах цивилизационного развития. При этом делается особый акцент на роль в этом процессе властно-управленческой вертикали, выполняющей одновременно функции сохранения целостности страны и регуляции отношений между государством и обществом как сторонами «общественного договора». В соответствии с планом работы, мы сосредоточились на решении четырех типов научно-исследовательских задач.

1. Теоретико-методологических. В этой части мы взяли на себя труд обосновать необходимость своего рода «импорто-замещение» западной модели т.н. «эффективного менеджмента», который усиливает отчужденность в отношениях между органами власти и населением. Тем самым мы обязались содействовать разработке отечественной модели управления, более адекватной реальному состоянию и перспективам трансформации систем управления в регионах с разным уровнем модернизации. В ходе нашего исследования подтвердилось предположение о том, что в каждом из российских регионов реализуются собственные модели социальной организации и управления, о которых мы еще мало что знаем. Мы можем предварительно считать, что они более полно отражают региональную специфику социальных отношений и в этом качестве должны находить признание в работе всех звеньев властно-управленческой вертикали.

2. Аналитических. Мы обязались получить и получили относительно более полные, чем ранее в социологии управления, эмпирические данные для моделирования проблем реформирования властно-управленческой вертикали на основе оценок населением своего уровня жизни и роли этой вертикали в решении общих и частных задач социокультурной модернизации регионов.

3. Методических. Разработаны, опробованы и сделаны выводы относительно возможностей предложенных нами мето-

дов социальной диагностики, гражданской экспертизы в полевых и дистанционных исследованиях проблем управления. Они способны работать в режиме мониторинга и прогнозного проектирования с использованием информационно-компьютерных технологий (ИКТ). Нами обобщены возможности сочетания в одном исследовании четырех видов методик: массового опроса, квалифицированной «элитной» экспертизы, контент-анализа печатных СМИ и спонтанного общения жителей регионов в социальных сетях.

4. Практических. В итоге подготовлены модельные предложения для проведения управленческих экспериментов в регионах на основе современных информационно-компьютерных технологий и систем сбора, обработки и анализа социологических данных. Несмотря на то, что результаты исследовательского Проекта считаются предварительными, они представляют собой достаточный материал для начала разработки в перспективе общероссийской Программы реформирования властно-управленческой вертикали с учетом стратегий развития регионов с разным уровнем социокультурной модернизации. В основу нашего исследования было положено то идейно-политическое соображение, что либерально-демократическая революция 90-х годов и последующие реформы сверху, проведенные в определенном смысле в интересах криминально-олигархического слоя, создали недоверие к действиям федеральной, региональной и местной властей и породили феномен отчуждения. Он проявился и проявляется в недоверии значительной части населения ко всем звеньям властно-управленческой вертикали. На этой платформе и с учетом имеющегося у авторского коллектива опыта исследований в области социологии управления, были разработаны такие элементы исследовательской Программы, как социальная и научная проблемы, объект и предмет исследования, выдвинуто шесть проверяемых гипотез, разработана блок-схема эмпирических показателей по четы-

рем инструментальным направлениям: репрезентативный массовый опрос, оценки положения дел на местах со стороны специалистов-экспертов, контент-анализ аудитории СМИ и массивов данных сетевого общения в отобранных регионах.

В итоге социальная проблема стала трактоваться как раскол между обществом и властью по критериям субстанционального отношения к внешним и внутренним вызовам, что эмпирически должно проявляться в весьма заметном разрыве между высоким уровнем поддержки населением внешней политики и его значительным беспокойством относительно способности властно-управленческой вертикали в целом и на уровне местных органов власти успешно решать внутренние проблемы социально-экономического характера, и прежде всего – повышения уровня и условий жизни в регионах, исторически находящихся на различных уровнях цивилизационного и, конкретно, социокультурного развития. Сомнения в способности властно-управленческой вертикали одновременно успешно решать внешнеполитические и внутренние проблемы страны (Россия, реформирование..., 2017) подтвердилась еще на этапе пилотного исследования Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН в 2012-2014 гг. Уже тогда голоса респондентов из различных регионов страны разошлись в вопросе необходимости коренного реформирования отечественной системы власти и управления. Третью выступили за такое реформирование, треть – против и несколько больше трети воздержались или, вернее, не приняли определенного решения ни в ту, ни в другую сторону. С этим социологическим фактом не могут не считаться ни политологи, ни политики.

Научную проблему мы сформулировали как необходимость выяснения способности властно-управленческой вертикали регулировать уровень напряженности в обществе, которая возникает в отношениях между государством и гражданами одновременно с решением проблем внеш-

ней и внутренней политики в конкретной исторической ситуации, и влиять на процессы модернизации в стране и в регионах. Особое значение в этих условиях мы стали придавать разработке научно-методических возможностей прогнозирования развития ситуации в регионах и разработке способов упреждения роста социальной напряженности в отношениях между органами власти и населением. Объектом исследования стал противоречивый процесс взаимодействия органов власти с гражданским обществом в регионах с различным уровнем социально-экономического, социокультурного и цивилизационного развития и участия в его регулировании местного самоуправления. Предметом исследования выступили закономерности реализации «гражданского договора» в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, призванные отражать реальные тенденции во взаимодействии органов власти и общества, знание которых дает основания для прогнозов и стратегий, направленных как на реформирование властно-управленческой вертикали, так и на решение задач перехода на более высокий уровень модернизации в каждом из регионов, исходя из его роли в стратегии страны и историко-культурных особенностей.

Эти данные позволяют нам сделать некоторые общие выводы для дальнейшей научно-исследовательской работы.

Вывод первый. В целом оправдала себя теория «общественного договора» на основе оценки деятельности всей иерархии звеньев властно-управленческой вертикали с позиции гражданского общества. Наши опасения, что естественная загруженность респондентов повседневными заботами и известная электоральная отчужденность, которая проявляется в выборных кампаниях, приведут к большому проценту не отвечающих на вопросы о различных сторонах общественной жизни, не оправдались. Вопреки этому оказалось, что население, особенно в качестве предложенной ему роли «социального эксперта», одинаково

сильно заинтересовано и разбирается в проблемах макро-, мезо- и микроуровней. Тем самым мы получили возможность в дальнейшем работать с полноценными измерительными шкалами.

Вывод второй. Предложенные нами измерители отношения населения к работе органов власти и управления различных уровней позволяют не просто описать реальное положение дел, но и проверить довольно большой круг эмпирических гипотез относительно отношения населения к результатам работы органов власти в регионах и отношения органов власти и управления в регионах к проблемам населения. Материал исследования фактически позволяет включить необходимое и достаточное число факторов для полноценного описания существующих здесь причинно-следственных связей в соответствии с проблемой взаимодействия сторон в системе «власть – общество».

Вывод третий. На основе предварительного анализа данных по двенадцати регионам мы убедились в том, что проблема реформирования властно-управленческой вертикали действительно тесно связана с уровнем социокультурного, цивилизационного развития того или иного региона. Эта проблема решается не столько в Кремле и в аппаратах губернаторов, а в отношении населения и к тому, и к другому полюсу властно-управленческих действий и взаимодействий. Это означает, что есть возможность положительно ответить на центральный вопрос проблемы: при каких условиях выполнения «гражданского договора» регионы могут начать или продолжить свой путь к успешной модернизации?

Вывод четвертый. В исследовании предусмотрена возможность уточнения типов регионов по социокультурным показателям. Она заложена путем введения дополнительного набора объективных и оценочных показателей в досье на каждый регион, что представляет особый предмет специальной теоретико-методологической, эмпирической разработки и может быть

использовано при построении более детальной и практически применимой для целей стратегического планирования и управления группировки регионов.

Вывод пятый. В качестве отдельной методики в тему исследования была заложена возможность операционализации проблем субъектности населения как сторонников, противников и медиаторов в отношениях с органами власти и управления. Это позволяет прогнозировать состояния социальной стабилизации или дестабилизации в регионах и своевременно выстраивать диалогические формы принятия перспективных решений. Прикладной аспект исследования позволяет выходить на долгосрочные проекты технологий систем управления в целях выявления точек роста и условий поддержки населением стратегий социокультурной модернизации в своих регионах и практически решать упоминавшуюся выше проблему «импортозамещения» в работе звеньев отечественной властно-управленческой вертикали. В этой связи в процессе работы над Проектом были обсуждены и включены в разработку инструментов новые идеи. В частности, в исследовательском коллективе согласились: а) делать акцент не на глобальной, а на среднесрочной стратегии в рамках концепции интегрирующей модернизации; б) что нельзя недооценивать прослойку «медиаторов» в тактике и в стратегическом развитии регионов, иначе это приведет появлению социальных барьеров, к непродуктивной борьбе «левых и правых»; в) нужно отказываться от решения проблем одним махом, по всей стране, через приказы, указы и постановления, а делать эксперименты в отдельных регионах и обобщать передовой опыт; г) нужно учитывать историко-культурные условия и тренды цивилизационного развития каждого региона и переходить к локализации региональной политики и де-юре и де-факто; д) нужно всемерно содействовать проведению в регионах мини-максной социальной политики, направленной одновременно на обеспечение «стандарта благополучия» для всех по критерию комфортных

условий жизни, и строить перспективу социального развития с прицелом на более высокую ступень модернизации в стратегическом отношении; е) рассматривать принципы правового социального государства как основание для оценки типа социокультурной модернизации, а также оценки властно-управленческих отношений в регионах, между регионами и в отношениях с Центром.

Опросы показывают, что население готово поддержать такую региональную политику. В частности, в ее реализацию должны входить: 1) контроль справедливого распределения финансовых ресурсов между центром и регионами, между муниципальными и региональными бюджетами в интересах развития населения; 2) реализация Федерального закона № 683 от 31.12.2015 г. «О Стратегии национальной безопасности» (в том числе включающего вопросы качества жизни граждан, защищенность прав и свобод).

В итоге была выработана общая позиция исследовательского коллектива: российская модернизация является острой социально-политической проблемой и для общества, и для государства, которую необходимо осознано и конструктивно решать в ближайшее десятилетие: 1) в политическом отношении путем пересмотра концепции «гражданского договора» начала 90-х годов прошлого века и соответствующих разделов Конституции РФ, 2) в социально-организационном отношении путем реформирования работы властно-управленческой вертикали и организации поддержки нового договора со стороны большинства граждан и 3) в научном – путем организации инфо-коммуникативной обратной связи на основе социологического мониторинга мероприятий по модернизации социокультурного развития регионов и повышения стандарта социального благополучия населения.

Список литературы

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные

тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М.: Новый хронограф, 2008. 938 с.

Гонтмахер Е. Ш. Российская исполнительная власть: реальная и необходимая. В сб. статей: Государство. Общество. Управление / под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 275-288.

Давыдов А. П. Проблема медиации в европейской культуре: Запад и Россия // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 82-93.

Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: «Когито-Центр», 2015. 107 с.

Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития // Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзе-вских чтений (21-22 ноября 2013 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Институт социологии РАН, 2014. 548 с.

Проблемы управления и управляемости социальных процессов: методология, методы и процедуры социологического исследования // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии» и VII Дридзе-вских чтений (25-26 октября 2007 года) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2008. 514 с.

Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов. ИНАБ № 1 / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Институт социологии РАН, 2016. 348 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2016_1.pdf (дата обращения: 22.04.2018).

Проблемы социокультурной модернизации регионов России; под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2013. 415 с.

Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации // Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 12-13 октября 2017 г. / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регио-

нов [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований // Материалы IX Дридзеvских чтений / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2010. 520 с.

Тихонов А. В. Реформирование работы органов власти и управления как неотложная национальная проблема // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 4. С. 70-106.

Management of Human Resource // Journal of European Industrial Training. 1989. Vol. 13, № 1.

Geddes P. Cities in Evolution. London, 1949. 745 p.

Inglehart R. Cultural shift in advanced industrial society. Princeton University Press, 1990.

Lasswell H. D. Psychopathology and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1930. 339 p.

Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilization. Boston, 1945.

Simon H. A. The New science of Management Decision. NY: Harper and Row, 1960.

Wren D. A. The Evolution on Management thought. NY, 1987.

References

Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy: kollektivny nauchny trud [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: a collective scientific work] (2016), in Lapin, N. I. (ed.), Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Ahiezer, A. S. (2008), *Russia: criticism of historical experience*, Novy khronograf, Moscow, Russia. (In Russian).

Gontmaher, E. Sh. (2013), "Russian Executive power: real and necessary", in Nikol'skiy, S. and Hodorkovskiy, M. (ed.), *V sb. statey: Gosudarstvo. Obshchestvo. Upravlenie* [In collection of papers: State. Society. Management], Al'pina Publisher, Moscow, Russia, 275-288. (In Russian).

Davydov, A. P. (2000), "The problem of mediation in European culture: the West and Russia", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (6), 82-93. (In Russian).

Lepskiy, V. E. (2015), *Evolution of management concepts (methodological and philosoph-*

ical analysis), Kogito-Centr, Moscow, Russia. (In Russian).

Materials of the all-Russian scientific-practical conference and XII-XIII Dridze readings (2014), in Tikhonov, A. V. (ed.), IS RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Proceedings of the Second all-Russian scientific conference "Social management, communication and socio-design technology" and VII Dridze readings (2008), in Tikhonov, A. V. (ed.), IS RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Problems of reforming the power-management vertical in the context of the processes of socio-cultural modernization of the regions. INAB 1. (2016), in Tikhonov, A. V. (ed.), IS RAS, Moscow, Russia [Online], available at: http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2016_1.pdf (Accessed 22 April 2018).

Problems of socio-cultural modernization of Russian regions (2013), in Lapin, N. I. and Belyaeva, L. A. (ed.), Academia, Moscow, Russia. (In Russian).

Russia and the world: global challenges and strategies of socio-cultural modernization. Materials of the International scientific-practical conference (2013), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017) in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Social substantiation of strategies of urban, regional and corporate development: problems and methods of research. Proceedings of IX Dridze readings (2010), in Tikhonov, A. V. (ed.), IS RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2017), "The reform of the authorities and management as an urgent national problem", *Research result. Sociology and management*, 3(4), 70-106. (In Russian).

"Management of Human Resource" (1989), *Journal of European Industrial Training*, 13 (1).

Geddes, P. (1949), *Cities in Evolution*, London, UK.

Inglehart, R. (1990), *Cultural shift in advanced industrial society*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Lasswell, H. D. (1930), *Psychopathology and Politics*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Mayo, E. (1945), *The Social Problems of an Industrial Civilization*, Boston, USA.

Simon, H. A. (1960) *The New science of Management Decision*, Harper and Row, New-York, USA.

Wren, D. A. (1987), *The Evolution on Management thought*, New-York, USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Alexandr V. Tikhonov, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Sociology of Management and Social Technologies, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.45; 331.1

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-12

Федотова М. А.

**Системное управление командной работой:
эволюция представлений и перспективы развития**

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
ул. Волоколамское шоссе, д. 4, к. 5, Москва, 125993, Россия
fedotova-ma@yandex.ru

*Статья поступила 1 ноября 2018 г.; Принята 8 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией системных представлений об управлении командной работой и разработкой нового подхода в этой сфере деятельности. Приводятся основные положения этого подхода. Рассматриваются объект, предмет и основная гипотеза исследования. Разработан системный конфигуратор эволюции представлений о командной работе, включающей в себя философский, методологический, теоретический и методический уровни представления. Рассматривается эволюция команд в соответствии с типами научной рациональности – классической, неклассической, постнеклассической и постпостнеклассической (метамодерн, альтермодерн, трансмодерн) с точки зрения нелинейного вектора развития общества. Дается краткая характеристика концепции соционавигации и ее связи с управлением командной работой. Приводится расширенная авторская классификация команд, включающая новый тип команд (ТФ-команд), их краткое описание и технологии работы, модерации/фасилитации. Предлагается сеть иерархических моделей, обеспечивающая эффективное управление всем жизненным циклом команд. Рассматривается понятие единого креативного поля как основной характеристики эффективной работы команд.

Ключевые слова: соционавигация; эволюция научных подходов к правлению командами; нелинейный вектор развития общества; метамодерн; ТФ-команды; сети иерархических моделей; единое креативное поле команды.

Информация для цитирования: Федотова М. А. Системное управление командной работой: эволюция представлений и перспективы развития // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 137-151. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-12

Marina A. Fedotova

**System management of teamwork: evolution of representations
and prospects of development**

Moscow Aviation Institute (National Research University)
bld. 5, 4 Volokolamskoe Rd., Moscow, 125993, Russia

*Received on November 1, 2018; Accepted on December 8, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article deals with the issues related to the evolution of the system of concepts in the management of teamwork and the development of a new approach in this field. The author discusses the main provisions of this approach and considers the object, subject and main hypothesis of the research. The system Configurator of

evolution of ideas about teamwork, including philosophical, methodological, theoretical and methodical levels of representation, has been developed. The evolution of teams in accordance with the types of scientific rationality – classical, non-classical, post-non-classical and post-post-non-classical (metamodern, altermodern, transmodern) – is considered from the point of view of the nonlinear vector of development of society. The author provides a brief description of the concept of socio-navigation and its relationship with the management teamwork. Besides, the author provides her extended classification of commands, including a new type of commands (TF-commands), their brief description and technology of moderation/facilitation. A network of hierarchical models providing effective management of the whole life cycle of commands is proposed. The concept of a single creative field as the main characteristic of effective work of teams is considered.

Keywords: socio-navigation; evolution of scientific approaches to team management; nonlinear vector of development of society; metamodern; TF-team; network of hierarchical models; a single creative team field

Information for citation: Fedotova, M. A. (2018), "System management of team work: evolution of representations and prospects of development", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 137-151, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-12

Введение (Introduction). Вступление общества в постиндустриальную» или «информационную» стадию своего развития диктует необходимость перехода к новому, творческому подходу к управлению организацией, основанному не на стандартизации и разработанных правилах, а на нестандартном управлении. Реализация нового подхода к управлению командами, как ключевого фактора повышения эффективности организации, не может быть осуществлена на основе традиционно используемых сегодня бюрократических систем управления. Новый подход основан на следующих положениях:

1. Развитие цифровых технологий и телекоммуникационных систем меняет способы, которыми конструируется, фиксируется и передается знание и формируются компетенции (процессы виртуализации и геймофикации, использование экзокортекса и др.). Внедрение цифровых технологий принципиально меняет нашу социальную реальность, успех придет к тем, кто сможет внедрить новые изменения, быстрее адаптироваться и принять новые правила игры, связанные с динамичностью развития карьеры¹.

2. Период полураспада профессиональных навыков быстро сокращается,

предъявляя новые критичные требования к обучению в цифровую эпоху. При этом экспоненциальный рост качественного контента и технологий его восприятия и использования, совмещенный с моделями цифровой деятельности открывает новые возможности к непрерывному обучению. Ключевыми факторами, влияющими на проектную командную работу и развитие человеческого капитала являются: экстенсивное развитие интернета, цифровая среда как субъект – система искусственного интеллекта (семантический интеллект), виртуализация и дополненная реальность – оцифровка окружающей реальности, когнитивная революция (БОС-системы), био и нано технологии («Intel Insight») – интерфейс для взаимодействия с цифровой средой, искусственные компоненты психики (экзокортекс), HTTP-2 – протоколы (нейроинтерфейс) передачи смыслов и понятий, эмоций и т.п., а также Нейронет – Интернет на основе нейроинтерфейсов².

3. Вместо отдельных задач повышения уровня развития культуры и вовлеченности сотрудников приходит системный подход к созданию иерархических систем моделей эффективного мышления и поведения на

¹ Новые правила игры в цифровую эпоху. Международные тенденции в HR за 2017, Делойт.

² Международный проект «Глобальное будущее образования» (Global education futures). Сколково, 2014.

протяжении всего жизненного цикла (ЖЦ) команд (Тихонов, Федотова, 2018)

4. HR-аналитика, применяя современные информационно-аналитические инструменты и платформы, становится ключевой бизнес-функцией по использованию данных, в том числе Big Data, для понимания принципов и эффективных паттернов командной работы, получения и применения данных в режиме реального времени (Big Live Data) и их внедрения в операционные процессы организации¹.

5. Сегодня организации нужен принципиально иной тип команд – «цифровых» ТФ-команд, обеспечивающих постоянное взаимодействие и вовлеченность сотрудников в среде единого креативного поля (ЕКП) команд, работающих в рамках атрибутного, а не целевого подхода. В настоящее время существует активный заказ именно на команды (спрос на кооперативность (co-creation)): найм «покомандно», особенно для R&D и управленческих команд в логике движения к гибридно-сетевому управлению/стратегированию (Тихонов, Федотова, 2018).

6. Для технологии прорыва России необходимы сплочённые креативные команды, желательно, сформированные уже на университетской скамье. На XI съезде ректоров (Санкт-Петербург, 26 апреля 2018 г.) Президент России Путин В. В. сказал, что одна из команд-разработчиков современных технологий вооружений, о которых было заявлено в ежегодном обращении президента, была сформирована еще во время обучения в университете, и за семь лет смогла разработать уникальную технологическую систему². На самом деле, готовить проектные команды нужно еще в школе на основе интрафункциональных и кроссфункциональных команд,

в т.ч. из разных школ и стран на базе международных образовательных бизнес-проектов (Зотова, Федотова и др., 2014; Михеев, Федотова и др., 2016).

Методология и методы (Methodology and methods). Достижение максимального синергетического эффекта обеспечивает внедрение командной работы, которая позволяет наиболее полно реализовать способности и творческие возможности каждого сотрудника организации, снизить потребности в формальном контроле, повысить качество работы и мотивацию труда. Несмотря на возросший интерес к командной работе, до сих пор потенциальные возможности командной деятельности практически не используются. Еще больше данную ситуацию осложняет наличие метатеоретических проблем, связанных, прежде всего, с неопозитивистским подходом при выборе общей социологической теории (метатеории), на базе которых должен строиться весь процесс резонансного социального управления /регулирования. Такая социальная метатеория может быть только коммуникативной, связанной с сетевым подходом/сетевой тематикой в социологии (не культурная – П. Сорокин, не производственная – К. Маркс, не конфликтная – Л. Козер, Р. Дарендорф, не организационно-структуралистская – Э. Гидденс или какая-нибудь другая) (Локтионов, 2014), поскольку именно сетевая коммуникация является инвариантным составляющим/условием любого устойчивого социального взаимодействия и лежит в основе социальности жизненного мира. Имеющиеся технологии конструирования социальных решений, основанные на концепциях классического/линейного/несетевого социального знания и неопозитивистских теориях познания (Э. Дюркгейм, П. Бурдьё, Г. Зиммель, Т. Парсонс и др.) (Ритцер, 2002), явно не отражают существующую сложность социальных явлений и процессов, и не предназначены для эффективного управления/регулирования такими процессами. В настоящее время предлагаются несколько постмодернист-

¹ Новые правила игры в цифровую эпоху. Международные тенденции в HR за 2017, Делойт.

² Выступление Президента РФ Путина В. В. на XI съезде ректоров России (Санкт-Петербург, 26 апреля 2018г.) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gFjjCClidko> (дата обращения: 10.08.2018).

ских концепций эффективного управления социальными системами различного уровня общности, пытающихся справиться с теоретическими/методологическими трудностями, связанными с нелинейностью систем и сред. Эти теории основаны на принципах синергетики/нелинейной динамики, сложности (Э. Морен, К. Майнцер, Дж. Гараедаги и др.), «антихрупкости» (Н. Талеб), мягкого и критического системного подходов (П. Чекланд, Р. Черчман, Р. Аккоф) а также более консервативных частных теориях управления: теория ограничений (ТОС – Э. Голдратт), BSC, LP (У. Деминг), TQM (включая статистическое управление процессами, системный менеджмент качества и методологию «шесть сигм»), и другие. Но все эти стратегии, в отличие от предлагаемой, предназначены отдельно (линейное представление) либо для минимизации ущерба/потерь, в т.ч. психологических, например, связанных с манипуляцией сотрудниками со стороны руководства (эмансипационный системный подход – У. Ульрих, М. Джексон, Дж. Олига – однако, мало раскрепостить/освободить от бюрократического давления сотрудников, необходимо целенаправленно раскрыть их креативный потенциал), либо для максимизации выгод, но не обе цели вместе (нелинейное представление «срединного пути»), оптимизируя социальное действие.

Проблема заключается в том, как создать технологию, позволяющую эффективно получать «дополнительные» проекции/редукции реальности. Очевидно, что переориентация, как новый взгляд на реальность, невозможна без креативности как творческого конструирования (проектно-конструктивной деятельности познания и сознания) (Шевырев, 2007). Предлагается вариант возможной общей стратегии/метатеории? социотехнического, технологизируемого знания и ее технологическо-инструментального обеспечения. Такая парадигма/стратегия начинает складываться в результате перманентной/рекурсивной системной пересборки аналитического

знания и умения при выработке и реализации социальных и социотехнических решений. Данная стратегия была названа соционавигацией (в отличие от пассивного коэволюционного дрейфа природных экосистем У. Матураны и Ф. Варелы и «социодрейфа» социальных систем в доклассической форме рациональности), поскольку она предполагает активное (отрефлексированное научнуправление движением/становлением по жизненному миру (Шевырев и др., 2016). Соционавигацию можно определить, как практику и выработанные на ее основе технологии ориентации, самоопределения и резонансного управления поведением человека, группы, команды в социальном мире, организующиеся на базе мировоззрений в среде единого креативного поля (ЕКП). Соционавигация есть, в отличие, например, от форсайта (который ориентирован на активное проектирование будущего), кибернетики-2 Г. Бейтсона или цикла Дж. Бойда (OODA), социальной практикой, предназначенной для управления поведением в текущей ситуации в среде ЕКП. Она максимально ориентирована на жизнеспособность решений, их практичность, бриколаж к неожиданно возникшим новым возможностям/угрозам, максимально следуя при этом принципу «via negativa» (путь отрицания /принцип хрупкости хорошего: о том, что неверно, мы можем судить с большей уверенностью, чем о том, что верно).

Рациональный смысл соционавигации сводится к тому, чтобы не попадать в зоны глубокого равновесия (гомеостаза) и хаоса, придерживаясь практики «челнока» внутри границ региона сложности, а попав, сконструировать решение, максимально использующее энергию разрушения предшествующей системы (палингенез А. Тойнби). Теоретической базой соционавигации является синтез теорий коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теории коммуникации Н. Лумана по нелинейному критерию «эффективность» (внешняя содержательность, консенсус) – «оптималь-

ность» (внутренняя функциональность, операциональная замкнутость)», «веса» составляющих такого критерия зависят от уровня неравновесности среды (Шевырев и др., 2016), технологический уровень соционавигации составляет понимающая социология (герменевтика Х-Г. Гадамера, концепции М. Вебера, Дж. Г. Мид, З. Бумана и др.), инструментальный уровень – специальные коммуникативные техники в интерпретации теории аутопоэза У. Матураны, Ф. Варелы и Н. Лумана.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Системное моделирование в управлении проектными командами заключается в использовании пятиуровневой системы иерархических моделей (Тихонов, Федотова и др., 2018). Рассматриваемая система моделей обеспечивает управление на пяти (теоретически возможно большее количество, что не меняет концепцию) уровнях:

1. Управление социальным объектом – разработка/моделирование корпоративной, бизнес (по отдельным видам деятельности), функциональных (продуктовой, маркетинговой, в т.ч. брендинговой, финансовой и т.д.) и операциональных стратегий в режиме стратегирования (см. п. 3 ниже).

2. Управление знанием (*knowledge management*), прежде всего, содержанием обучающих программ, тренинг-семинаров и семинаров-проектов: выбор тем/модулей, последовательность модулей, длительность каждого модуля и т.д.

3. Управление разработкой и реализацией конкретных содержательных командных проектов – предусматривается использование широкого спектра аналитических инструментов/технологий: экспертное моделирование (прогноз, оценка, адаптивное планирование – стратегирование и т.д., см. рисунок 3), регрессионное моделирование (линейное и нелинейное), оптимизационное и статистическое моделирование, технологии искусственного интеллекта и т.д.

4. Управление командной работой, прежде всего, параметрами ЕКП, при разработке конкретных проектов.

5. Управление образовательно-карьерной траекторией команд, в т.ч. внешней (аутсорсинг команд).

Реализуют предложенную систему моделей специальные ТФ-команды со специфической структурой, функциями и командными ролями. ТФ-команда, как локальная социально-когнитивная сеть, включенная в общее сетевое взаимодействие в организации, реализует изменение роли социального управления – переход от выявления паттернов внутри экспериментальных данных к собственно конструированию экспериментов, к организации и резонансному управлению поиском решений. ТФ-команда воспринимает любой проект как НИР-проект (Михеев, Федотова и др., 2013; Михеев, Шевырёв, 2014).

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные со становлением постнеклассического этапа ее развития (Степин, 2000) и перехода к максимально жизнеспособным, «антихрупким» (Талеб, 2014) системам управления. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это – классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональности (автор вводит дополнительное понятие постпостнеклассической/метамодернистской рациональности, связанной, прежде всего, с развитием рекурсивно-рекуррентного креативного типа рациональности, предполагающего постоянное, в режиме реального времени, переопределение/пересборку-конструирование и переориентацию субъекта/системы-среды в социальной реальности, используя стратегию соционавигации. При постановке проблемы исследования эволюции представлений об управлении командной работой мы сталкиваемся с богатым разнообразием такого рода представлений.

Таблица
Table

Системный конфигуратор эволюции представлений об управлении командной работой
System configurator of the evolution of ideas about teamwork management

№ п/ п	Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень		Методический уровень	
	Тип научной рациональности	Виды реальности и объекты управления	Деятельностные подходы	Модели знания и мышления	Базовые виды управления	Модели управления и командной работы	Технологии управления/ модерации командами
1	Доклассический уровень (досистемное представление) – «социодрейф»: донаучное неотрефлексированное управление, бессубъектность. Фокус (...) – отдельный объект/объекты. Древние цивилизации до Фалеса	Униреальность, отд. объекты – группы, коллективы, отряды, Др. цивилизации (Месопотамия, Египет, Китай, Индия)	Эмпирический, адаптивный подход (реальность непредсказуема и непластична)	Мифологическое мышление, магия, суеверия, обычаи (донаучные знания)	Жесткая сила власти – вождя, жреца, героя, Бога	Дофлексивные модели, директивное управление количеством. Ситуативные и оперативные группы, коллективы (совместная коллективная работа)	Магико- ритуальные технологии (шаманство, жречество)
2	Классическая (премодернизм) – донаучное отрефлексированное управление (Античность от Фалеса до пер. пол. XIX в.). «Государство» (Платон), «Никомахова этика» (Аристотель), «Государь» (Н.Макиавелли), «Новый Органон» (Ф. Бэкон).	Квазиравновесная локальная реальность, закрытые системы (цеха, артели, аджеты и др.) – коллективная и командная работа	Классический, деятельностный, монодисциплинарный, объектный подход (реальность предсказуема, но не пластична/конструктивна)	Натурфилософия и традиционные способы решения задач, «здоровый смысл», профанное мышление обыденных социальных практик	Жесткая сила власти. Директивное, донаучное управление количеством. Административное подчинение	Простые флексивные модели – единственный фокус внимания и поток управления одного порядка. Логико-математические модели. Жесткие команды	Эмпирические технологии – комплексы аналитических приемов

№ п/ п	Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень		Методический уровень	
	Тип научной рациональности	Виды реальности и объекты управления	Деятельностные подходы	Модели знания и мышления	Базовые виды управления	Модели управления и командной работы	Технологии управления/ модерации командами
	Фокус – система объектов						
3	Неклассическая (модернизм) – оторефлексированное научное управление (Промышленная революция, сер. XIX – сер. XX вв.). Фокус - (метод - объект)	Неравновесная транслокальная реальность, адаптирующиеся административно-бюрократические системы	Субъектно-деятельностный, междисциплинарный, киберконструктивистский подход (реальность непредсказуема, но пластична)	Нелинейная динамика – пресинергетика (А. Пуанкаре), кибернетика (Н. Винер, У. Эшби - «морфостазис» М. Маруяма). Нелинейное мышление	Канонический менеджмент – тейлоризм, рефлексивное/манипулятивное управление качеством (TQM). Прогрессорство (А. и Б. Стругацкие). Административное соподчинение	Сложные флексивные модели – несколько фокусов внимания и один фокус управления одного порядка. Имитационно-аналитические, организационно-деятельностные модели. Жесткие К-команды с ТФ-лидерством (Дж. Бернс) для снижения брака	HST (Ч. Бэббидж, Дж. Роу), SD (Дж. Форрестер, П. Сенге), VSM (С. Бир)
3.1	Классический модернизм, в т.ч. «археомодерн», псевдоморфоз (О. Шпенглер, А. Смит, Э. Уитни, Дж. Уатт, Р. Оуэн, Дж. Милл)	Неравновесная реальность, открытые системы: административно-бюрократические организации	Процессный, субъектно-деятельностный, монодисциплинарный подход	Нелинейная динамика – пресинергетика (А. Пуанкаре), мат. статистика	Канонический менеджмент – тейлоризм, административная школа (А. Файоль, Л. Урвик и др.)	Кроссфункциональные, процессные команды	HST (Ч. Бэббидж, Дж. Роу), SD (Дж. Форрестер, П. Сенге), VSM (С. Бир)

№ п/ п	Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень		Методический уровень	
	Тип научной рациональности	Виды реальности и объекты управления	Деятельностные подходы	Модели знания и мышления	Базовые виды управления	Модели управления и командной работы	Технологии управления/ модерации командами
3.2	Критический модернизм – неклассическая рефлексивность + человек («Соционавигация»)	Неравновесная реальность, открытые системы	Системно-информационный, субъектно-ориентированный, междисциплинарный подход	Кибернетика, нелинейная динамика, теория сложности, синергетика	Критический/эмансипационный менеджмент: школа человеческих отношений (Э. Мейо, М. П. Фоллет и др.); школа поведенческих наук (К. Арджирис, Р. Лайкерг, Ф. Херсберг, Д. Мак-Грегор, А. Маслоу и др.)	Самоуправляемые (СУ) проектные команды	SAST (Ч. Чёрчмен), IPL (Р. Акофф), SSM (П. Чекленд), CSH (В. Ульрих), TS (С. Бир)
4	Постнеклассический уровень (постмодернизм) – бегство от тотальности. Середина XX в. до н.в. (Л. Фидлер, Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар, Р. Барт, А. Тойнби, Ж. Делез). Фокус – (субъект – метод – объект)	Локальная, гетерогенная, сильно-неравновесная реальность, саморазвивающиеся сложные, эволюционирующие, человекомерные, самореферентные мягкие системы-среды и процессы	Комплементаристский (как комбинирование системных методов при анализе проблемной ситуации), сетевой, субъектно-ориентированный, междисциплинарный, конструктивистско-синергетический подход (реальность ча-	Аутопоэз, синергетика -2 (метаязык диалога, синергетика процессов наблюдения), кибернетика-2 (Г. Бейтсон, Х. фон Ферстер, «морфогенезис»). «Клипо-	Посттейлоризм, реинжиниринг бизнес процессов (BPR), регулируемые отношения. Уникальность личности	Кофлексивные модели – несколько фокусов внимания и потоков управления одного порядка, экспертно-аналитические (комбинированные) модели/стратегии. Сетевые самоуправляемые (СУ) и само-	PMST (А. Такет, Л. Уайт), TC (Э. Лоренц, Г. Хакен, И. Пригожин, К. Майнцер), ER (Э. Морен), ANT (Б. Латур и др.). Технологии самоуправления и самоорганизации

№ п/ п	Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень		Методический уровень	
	Тип научной рациональности	Виды реальности и объекты управления	Деятельностные подходы	Модели знания и мышления	Базовые виды управления	Модели управления и командной работы	Технологии управления/ модерации командами
			стично предсказуема - в «руслах» и пластична)	вое» мышление		направляемые (СН) команды – гибкие структуры для переноса затрат. Интернет вещей/организаций	в blockchain – распределенном реестре
4.1	Системный постмодернизм (экстенсивное развитие – глобализация постмодернистской среды) (Ю. Хабермас, У. Эко, Н. Луман, У. Бек – «общество риска» – рефлексивная модернизация)	Саморазвивающиеся мягкие системы-среды. Интертекстуальность («текстообразы» и «текстознаки»)	Ситуационно-релятивистский, субъектно-ориентированный, междисциплинарный подход	Аутопозз, синергетика 2, кибернетика - 2	Управление по отклонениям (МВЕ), управление по результатам (МВО/MERA) Т. Санталайнен, Х.Х. Мейер, Э. Кей и др., BSC, LP, проектное средовое управление	Автокаталитическая динамика, волновые процессы. Кружки качества (П. Деминг), связующие звенья (Р. Лайкер), команды результативно-сти/производительности (Д. Синк), ТФ-команды («Джокер» – человек: ирония, деконструкция, стилизация, релятивизм, нигилизм)	PMST (А. Такет, Л. Уайт)

№ п/ п	Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень		Методический уровень	
	Тип научной рациональности	Виды реальности и объекты управления	Деятельностные подходы	Модели знания и мышления	Базовые виды управления	Модели управления и командной работы	Технологии управления/ модерации командами
4.2	Критический постмодернизм - эпистемологический релятивизм/complexity (М. Хайдеггер, Э. Морен, К. Майнцер, Дж. Гараедаги, А. Пятигорский, М. Мамардашвили)	Виртуальная реальность, сети открытых мягких систем-сред, «кромка хаоса»	Социокультурный (гуманистическая трактовка конструктивизма), трансдисциплинарный подход	Аутопоэз, синергетика 2, кибернетика – 2, управленческое проектирование – 2/SMC (проектирование компетенций в проекте). Системно-креативное мышление (СКМ)	Модернезированный тейлоризм, институционализм	Система «Импрошейр» (М. Файн), система Скэнлона (Б.Е. Мур, Т.Л. Росс, К.О Делл), управляющая сетка (Р.Р. Блэйк, С. Муцтон). ТФ-команды («Джокер» – гибридная интеллектуальная система), «hirama» (Олескин А.В.)	Авто-эко-организация (Э. Морен), сложносистемное мышление (К. Майнцер, Дж. Гараедаги). Активные фасилитативные технологии: НЛП-техники (Р. Дилтс, Э. де Бонно, У. Гордон и др.), SMC-технологии
4.3	Спекулятивный релятивизм/реализм-онторелятивизм (Б. Латур, Дж. Ло, К. Мейясу, Р. Брассье, К. Кнорр – Цетина, Б.Бартс и др.)	Виртуальная и дополненная реальности. «Ассамбляжи» - множественные единства, вбирающие в себя самые разнородные элементы (Ф. Гваттари)	Инкременталистский подход – «подслеповатый муравей» (Б. Латур), онтологический релятивизм (OR), социальный конструкционизм (П. Бергер, Т. Лукман)	Аутопоэз, синергетика 2, кибернетика - 2	Оптимизация (как компромисс) vs. ТОС-управление (Э. Голдратт, Э. Шрагенхайм и др.)	ТФ-команды («Джокер» – гибридная интеллектуальная система с искусственным интеллектом)	АНТ-сборка сетей «ассамбляжей» (Б. Латур, Дж. Ло), SCOT-технологии (В. Байкер, Т. Пинч), технологии управления динамическими иерархиями
5	Постпостнеклассический (постпостмодер-	Глокальная виртуальная и допол-	Комплементаристский (как объединение не-	«Антихрупкое» управление,	«Мягкое» влияние/сила. Супер-	Суперфлексивные модели – несколько	Технологии сетевого управле-

№ п/ п	Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень		Методический уровень	
	Тип научной рациональности	Виды реальности и объекты управления	Деятельностные подходы	Модели знания и мышления	Базовые виды управления	Модели управления и командной работы	Технологии управления/ модерации командами
	низм) – конец XX – начало XXI (М. Готтингер, Дж. Уарт, О. Апель – after-модерн). Фокус – ((субъект – метод - объект) – среда/сфера)	ненная реальности, «кромка хаоса», «регион сложности», мягкие системы-среды/сферы	скольких подходов), визионистско-креативный, атрибутивно-целевой, метакомпетентностный подход (реальность предсказуема и пластична/конструктивна)	комбинированные стратегии с СКМ-бриколажем.	позиция состояний (модернизированный тейлоризм, институционализм, сетевой «пульсирующий» менеджмент)	фокусов управления разных порядков. Гибридные, «нелинейные» экспертно-аналитические модели/стратегии с искусственным интеллектом. Уникальность социумов в рамках глобального социального пространства – создание условий/атрибутивных свойств. Интернет команд	ния с искусственным интеллектом (botchain), СКМ-технологии, «антихрупкие» технологии (Н. Талеб)
5.1	Классический метамодернизм (Т. Вермюлен, Р. ван ден Аккер, Д. Ритцер, Ф. Мофра, М. Лифшиц, М. Эпштейн, Д. Пригов и др.) – исследование бесконечно отступающих горизонтов	Саморазвивающиеся сети мягких систем-сред, виртуальные «технообразы» - аттракторы социальных взаимодействий (А. Коклен)	Атрибутивно-целевой, метадисциплинарный, метакомпетентностный подход	Социальная синергетика 2	«Мерцающее»/пульсирующее управление (Никитин Л.Ф., Пимашков П.И. и др.)	Сети ТФ-команд с искусственным интеллектом (botchain) – колебания между: иронией и искренностью, конструкцией – деконструкцией, ностальгия - транссентиментализм	СКМ-технологии, «антихрупкие» технологии «штанги» (Н. Талеб)

№ п/ п	Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень		Методический уровень	
	Тип научной рациональности	Виды реальности и объекты управления	Деятельностные подходы	Модели знания и мышления	Базовые виды управления	Модели управления и командной работы	Технологии управления/ модерации командами
5.2	Интегральная полно-спектральная философия – Теория «всего» (К. Уилбер), «гипотеза мультиверса» (Д. Дойч), объектно-ориентированная философия (Г. Харман)	Дополненная реальность, интегральные сферные сети	Полноспектральный интегральный подход	Интегральное видение и мышление	Интегральное визионистское управление, социальная комбинаторика	Управленческий колебательный контур, проектное абстрактно-смысловое навешивание. Интернет команд как «ядро» интернета вещей/организаций	Тетралеммные SySt-технологии (М. фон Кибед), комбинированные логики (FL4-логика, ПДГ-мышление, SWOTd-технологии/ «многоходовки» и др.)
5.3	Онтоконструктивизм (С. Дацюк, С. Переслегин, В. Никитин, С. Брызгалин, О. Бахтияров, Е. Чурилов и др.) – радикальный онторелятивизм. Фокус - ((субъект – метод - объект) – сфера)	Виртуальные и дополненные реальности, конструируемые сферные сети, объекты за «кромкой хаоса» – «Иной Органон»	Атрибутивно-визионистский подход (как реакция на недостаточный радикализм онторелятивизма – конструирование разума исходя из его собственных оснований)	Телеономическая кибернетика (ТК), теория виртуальности (ТВ), антология и инженерия мышления	Визионистское управление, самоорганизация мягких систем-сред/сфер, рекреMATика, институционально-виртуальный менеджмент и др. Проспектуализм и переход к семиозису	Теория категорий, квантовые вычисления, вихревые модели («твистеры»), метаабдуктивные технологии. Интернет-команд. Малые сетевые группы с новым типом лидерства (ТФ-лидер? – С. Дацюк) вне botchain	Оперативная и перспективная визионистика, телеономические технологии, ТВ/ТК- инженерия, нелинейная футурология, психонетика

Необходимо синтезировать в единой модели эволюции представлений наиболее существенные, но, тем не менее, односторонние теоретические и практические «срезы» анализируемого процесса. Базовые позиции такого конфигуратора с учетом Никулин Л. Ф., Магомедов А. В., 2002, Уилбер К., 2002, Алексеевский В. С., 2005, Карякин А. М., Пыжиков В. В., 2008, Ур-Рахман, 2011, Лепский В. Е., 2015, Дойч Д., 2015, Дацюк С., 2016, Олескин А. В., 2016 и Шевырев А. В. и др., 2016 представлены в Таблице 1. Краткое описание системных технологий управления (графа 7 таблицы 1 можно найти Ур-Рахман, 2011 и Шевырев и др., 2016).

Заключение (Conclusions). Многообразие и сложность проблематики развития социального управления, необходимость интеграции практически всех областей гуманитарного знания, как между собой, так и с естественнонаучным знанием может служить обоснованием актуальности трансдисциплинарного подхода к совершенствованию механизмов управления социальными системами, в нашем случае, проектными и процессными командами. Преодоление кризиса в проблематике управления социальными системами невозможно без решения проблемы поиска общих для всех областей знания концептуальных основ управления, создания коммуникативного пространства для представителей различных областей знания, связанных с проблематикой социального управления и организации модерирования их совместной деятельности. Эти задачи находят свое отражение в различных вариантах трансдисциплинарного и мультипарадигмального подходов (Данакин, Гайворонская, 2011: 55-57). Следуя логике этих подходов и эволюции представлений, предложенный в Таблице 1, можно сделать вывод о том, что модели и технологии управления командами через несколько лет будут основываться на гибридных (совместно с технологиями искусственного интеллекта) человеко-машинных системах, включающих в себя «Intel insight» и искусственные компоненты психики, экзотекс на основе нейроинтерфейсов с активным использованием биологических обратных связей (БОС) – сетевых ТФ-командах, активно генерирующих ЕКП в среде Интернета команд, который будет когнитивным ядром интернета вещей и организаций. В этом случае, модели командной работы, следуя классическим представлениям (Карякин, 2008), можно представить в виде Big Data – фрейма, состоящего более чем из двухсот параметров/слотов (только по организационному, когнитивному и психофизиологическому уровням ЕКП таких параметров более пятидесяти). Лишь такой подход позволит осуществлять эффективное управление командами в реальном времени, одновременно давая возможность проводить прогностическую аналитику команд, используя технологии искусственного интеллекта (Тихонов, Федотова, 2018).

Список литературы

- Алексеевский В. И. История теории менеджмента (социокультурная концепция). Калуга: КФ МГЭИ, 2005.
- Данакин Н. С., Гайворонская Н. И. Проблемный анализ в системе социального управления. Белгород: ИП Остащенко А. А., 2011.
- Дацюк С. В. Общая теория работы с будущим. URL: www.hvlyya.net/analytics/society (дата обращения: 10.08.2018).
- Дойч Д. Структура реальности. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Зотова Н. Н., Федотова М. А., Шевырев А. В. Технологии проектной работы в учебном процессе на основе профессионального самоопределения школьников // VI Всероссийские Шамовские педагогические чтения научной школы управления образовательными системами. Современная российская школа: социально-ориентированная модель управления. Сборник статей. М., 2014. С. 97-100.
- Карякин А. М., Пыжиков В. В. Командная работа: основы теории и практики. Иваново, 2008.
- Лепский В. И. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-центр, 2015.
- Локтионов М. В. Критика применения критической теории и критический системный подход в современных концепциях развития

общества // *Философская мысль*. 2014. № 11. С. 86-106.

Михеев В. А., Федотова М. А., Шевырëв А. В., Рабочая команда как сетевая структура, индуцирующая единое креативное поле // *Экономические стратегии*. 2013. № 5 (113). С. 64-67.

Михеев В. А., Шевырëв А. В. Единое креативное поле как метаусловие командной креативности // *Проблемы управления в реальном секторе экономики: вызовы модернизации: материалы международной научно-практической конференции*, Выпуск 3. М.: ГУУ, 2014. С. 191-195.

Михеев В. А., Федотова М. А., Шевырëв А. В., Шевырëв В. А., Соционавигация как общий подход и конкретные технологии ориентации и самоопределения человека применительно к школьному образовательному пространству // *VIII Всероссийские Шамовские педагогические чтения научной школы управления образовательными системами. Перспективы развития отечественного образования: приоритеты и решения. Сборник статей*. М., 2016. С. 84-94.

Никулин Л. С., Магомедов А. В. Курс менеджмента как свободная проблема (в лекциях и тезисах). М.: Репро, 2002.

Олескин А. В. Децентрализованные сетевые структуры в экономической и политической сферах. Сетевой социализм и сетевая меритократия. *Экономические стратегии*. URL: http://www.inesnet.ru/es_magazine/ (дата обращения: 10.08.2018)

Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. СПб.: Питер, 2002.

Стëпин В. С. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Талëб Н. *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. М.: Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014.

Тихонов А. И., Федотова М. А., Инь Бинь «Экспертно-аналитические методы в метасценарии международных образовательных проектов» // *Аналитический журнал «Риск»*. 2018. № 1. С. 228-231.

Уилбер К. *Око духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира*. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

Ур-Рахман *Теория управления социальными системами. Роль обратной связи в различных системных методологиях*, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-obratnoy-svyazi-v-razlichnyh-sistemnyh-metodologiyah> (дата обращения: 10.08.2018)

Федотова М. А., Михеев В. А., Шевырëв А. В. ТФ-команды в управленческом проектировании как один из ключевых факторов влияния на рост интеллектуального капитала организации // *Производство интеллектуального капитала в системе высшего профессионального образования: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, г. Белгород 18-22 ноября 2013 г. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 104-110.

Шевырëв А. В. *Креативный менеджмент: синергетический подход*. Белгород: «ЛитКараВан», 2007.

Шевырëв А. В., Михеев В. А., Шаламова Н. Г., Федотова М. А., *Системная аналитика в управлении: Введение в научно-исследовательскую программу / под общей ред. А. В. Шевырева*. Белгород: ЛитКараВан, 2016.

References

Alekseevskiy, V. I. (2005), *History of Management Theory (Socio-Cultural Concept)*, KF MGEHI, Kaluga, Russia. (In Russian).

Danakin, N. S. and Gaivoronskaya, N. I. (2011), *Problem analysis in the social management system*, IP Ostashchenko A. A., Belgorod, Russia. (In Russian).

Datsyuk, S. V. *General theory of working with the future* [Online], available at: www.hvylya.net/analytics/society (Accessed 10 August 2018). (In Russian).

Dojch, D. (2015), *Structure of reality, Al'pina non-fikshn*, Moscow, Russia. (In Russian).

Zotova, N. N., Fedotova, M. A. and Shevyrev, A. V. (2014), "Technologies of project work in the educational process based on the professional self-determination of schoolchildren", VI *Vserossiyskie Shamovskie pedagogicheskie chteniya nauchnoy shkoly upravleniya obrazovatel'nyimi sistemami. Sovremennaya Rossiyskaya shkola: sotsial'no-orientirovannaya model' upravleniya*, *Sbornik statey* [VI all-Russian Shamov pedagogical readings of scientific school of management of educational systems. Modern Russian school: a socially-oriented model of management. Collection of articles], Moscow, Russia, 97-100. (In Russian).

Karyakin, A. M. and Pyzhikov, V. V. (2008), *Teamwork: The Basics of Theory and Practice*, Ivanovo, Russia. (In Russian).

Lepskiy, V. I. (2015), *The evolution of ideas about management (methodological and philo-*

sophical analysis), Kogito-tsentr, Moscow, Russia. (In Russian).

Loktionov, M. V. (2014), "Criticism of the application of critical theory and a critical systems approach in modern concepts of social development", *Filosofskaya mysl'*, (11), 86-106. (In Russian).

Mikheev, V. A., Fedotova, M. A. and Shevyryov, A. V. (2013), "The working team as a network structure that induces a single creative field", *Ekonomicheskie strategii*, (5), 64-67. (In Russian).

Mikheev, V. A. and Shevyryov, A. V. (2014), "Single creative field as a meta-condition of command creativity", *Problemy upravleniya v real'nom sektore ekonomiki: vyzovy modernizatsii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of management in the sector of real economy: challenges of modernization: proceedings of the international scientific and practical conference], 3, GUU, Moscow, Russia, 191-195. (In Russian).

Mikheev, V. A., Fedotova, M. A., Shevyrev, A. V. and Shevyrev, V. A. (2016), "Socio-navigation as a common approach and specific technologies of orientation and self-determination of a person in relation to the school educational space", *VIII Vserossiyskie Shamovskie pedagogicheskie chteniya nauchnoy shkoly upravleniya obrazovatel'nyimi sistemami. Perspektivy razvitiya otechestvennogo obrazovaniya: priority i resheniya, Sbornik statey* [VIII all-Russian Shamov pedagogical readings of scientific school of management of educational systems. Prospects of development of domestic education: priorities and solutions. Collection of articles], Moscow, Russia, 84-94. (In Russian).

Nikulin, L. S. and Magomedov, A. V. (2002), *Management course as a free problem (in lectures and theses)*, Repro, Moscow, Russia. (In Russian).

Oleskin, A. V. *Decentrated network structures in the economic and political spheres. Network socialism and network meritocracy. Economic strategies* [Online], available at: http://www.inesnet.ru/es_magazine/ (Accessed 10 August 2018). (In Russian).

Ritcer, Dzh. (2002), *Modern sociological theories*, Piter, Sankt-Peterburg, Russia. (In Russian).

Styopin, V. S. (2000), *Theoretical knowledge*, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia. (In Russian).

Taleb, N. (2014), *Anti-fragility. How to benefit from chaos*, Izdatel'skaya Gruppa «Azбука-Attikus», Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. I., Fedotova, M. A. and In', Bin' (2018), "Expert-analytical methods in the meta-evaluation of international educational projects" *Analiticheskiy zhurnal «Risk»*, (1), 228-231. (In Russian).

Uilber, K. (2002), *Eye of the spirit. Integral vision for a slightly kooky world*, ООО «Izdatel'stvo AST», Moscow, Russia. (In Russian).

Ur-Rahman (2011), *Theory of social management systems. The role of feedback in various system methodologies* [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-obratnoy-svyazi-v-razlichnyh-sistemnyh-metodologiyah> (Accessed 10 August 2018) (In Russian).

Fedotova, M. A., Mikheev, V. A. and Shevyryov, A. V. (2013), "TF-teams in management design as one of the key factors influencing the growth of the intellectual capital of an organization", *Proizvodstvo intellektual'nogo kapitala v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Production of intellectual capital in the system of higher professional education: Proceedings of the all-Russian scientific-practical conference with international participation], ID «Belgorod» NIU «BelGU», Belgorod, Russia, 104-110. (In Russian).

Shevyryov, A. V. (2007), *Creative Management: a synergistic approach*, «LitKaraVan», Belgorod, Russia. (In Russian).

Shevyrev, A. V., Mikheev, V. A., Shalamova, N. G. and Fedotova, M. A. (2016), *Systems Analytics in Management: Introduction to the Research Program*, in Shevyreva, A. V. (ed.), Lit-Karavan, Belgorod, Russia, 146-182. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Федотова Марина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом» Московского авиационного института.

Marina A. Fedotova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Human Resources Management, Moscow Aviation Institute (National Research University).

УДК 327.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-13

Шилова В. А.¹
Быков К. В.²

Проблема управления сохранением историко-культурного наследия в региональном разрезе

<sup>1Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
vshilova@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8899-2707></sup>

<sup>2Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
1096232@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-2076-9816></sup>

*Статья поступила 5 ноября 2018 г.; Принята 15 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические и методологические подходы к исследованию управления сохранением историко-культурного наследия в России. Под историко-культурным наследием авторы подразумевают объекты и явления материальной и духовной культуры народов, имеющие особую историческую, художественную, эстетическую и научную ценность для обеспечения социальной преемственности поколений. Управление сохранением историко-культурного наследия трактуется, как социокультурный механизм и деятельность по сохранению историко-культурного наследия. В статье приводятся результаты комплексного исследования оценки работы властно-управленческой вертикали в 12 регионах с разным уровнем социокультурной модернизации (по Н. И. Лапину), проведенного Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН (2015-2017 гг.). При описании полученных результатов авторы делают акцент на анализе оценок населением состояния дел в области сохранения историко-культурного наследия и оценок деятельности органов власти по сохранению историко-культурного наследия в каждом отдельном регионе. Авторы поднимают ряд важных проблем, которые необходимо решать в процессе управления сохранением историко-культурного наследия в России в настоящее время, и предлагают свои варианты решений, связанные с организацией социального участия (включенности) населения в развитие территорий, задействование технологий социокультурного проектирования и ресурсов органов местного самоуправления.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; управление; сохранение историко-культурного наследия; регионы; местное самоуправление; социокультурное проектирование; технология прогнозного социального проектирования; социально-культурный ресурс; мониторинг запроса населения.

Благодарности: Исследовательская работа ведется в рамках плановой темы ФНИСЦ РАН 2018 года «Адекватность структурно-функциональных и интен-

циональных трансформаций отечественной системы управления внутренним и внешним вызовам цивилизационного развития страны», рук. Тихонов А. В.

Информация для цитирования: Шилова В. А., Быков К. В. Проблема управления сохранением историко-культурного наследия в региональном разрезе // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 152-163. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-13

Valentina A. Shilova¹
Kirill V. Bykov²

The problem of managing the preservation of historical and cultural heritage in the regional context

¹) Center for Sociology of Management and Social Technologies
Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
vshilova@yandex.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8899-2707>

²) Center for Sociology of Management and Social Technologies
Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
1096232@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-2076-9816>

*Received on November 5, 2018; Accepted on December 15, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article considers the main theoretical and methodological approaches to the study of management of historical and cultural heritage in Russia. Historical and cultural heritage is seen by the authors as the objects and phenomena of the material and spiritual culture of the peoples that have a special historical, artistic, aesthetic and scientific value for ensuring the social continuity of generations. Management of preservation of historical and cultural heritage is interpreted as a socio-cultural mechanism for preservation of historical and cultural heritage.

The article presents the results of a comprehensive study of the evaluation of the power-management vertical in 12 regions with different levels of socio-cultural modernization (according to N. I. Lapin), conducted by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of FCTAS RAS (2015-2017). Describing the obtained results, the authors focus on the analysis of estimates by the population of the state of affairs in the field of preservation of historical and cultural heritage and estimates of activities of the authorities for preservation of historical and cultural heritage in each certain region.

The authors raise a number of important problems that need to be solved in the process of managing the preservation of historical and cultural heritage in Russia at the present time, and offer their solutions related to the organization of social participation (involvement) of the population in the development of territories, the use of technologies of socio-cultural design, and resources of local governments.

Keywords: historical and cultural heritage; management; preservation of historical and cultural heritage; regions; local self-government; socio-cultural design; technology of predictive social design; social and cultural resource; monitoring of inquiry of the population

Information for citation: Shilova, V. A. and Bykov, K. V. (2018), "The problem of managing the preservation of historical and cultural heritage in the regional context", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 152-163, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-13

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* Не смотря на предпринимаемые меры по сохранению историко-культурного наследия положение в регионах России далеко от удовлетворительного. Изменения в архитектурной и градостроительной сферах деятельности, произошедшие в последнее десятилетие в Российской Федерации, существенным образом затрудняют получение необходимой информации о ситуации в исторических городах отдельных регионов для разработки мер методологического характера в сфере регулирования сохранения историко-культурного наследия (далее по тексту ИКН). Современный город до сих пор зачастую живет и трансформируется по законам и принципам структурного подхода к градостроительству. Планируя городскую среду, ответственные органы оперируют среднестатистическими, а порой предполагаемыми данными и показателями, что не может не наложить отпечаток на результаты их деятельности (Социология управления 2010, Социология управления 2015).

Андре Моруа отмечал: «как важно сохранять в настоящем довольно большую долю прошлого. Нация не может начать с нуля, отказавшись от всего, что построили предыдущие поколения. Долговечные символы преемственности – архитектурные памятники.... Долговечность установления – залог его силы... старайтесь по возможности уважать традиции. Если Вы их отмените, Вам придется создавать другие, а будут ли они лучше?» (Моруа, 1983: 345).

Японский мыслитель Нисид Китаро, разработавший теорию места, говорил о корневом месте, где творится человеческое сознание и формируется само ощущение места, чувство привязанности человека к своему «месту на земле» (цит. по Феномен культурного пространства, 2005: 137).

Г. Йонас отмечает, что, прогресс существует во многих сферах «да вот только... за это приходится платить. С каждым преобразованием оказывается утраченным что-то ценное, ... цена цивилизации в человеческой и животной сферах высока и с дальнейшим прогрессом она только возрастает» (Йонас 2004: 276).

Сохранение культурных ценностей свидетельствует о высокой значимости, которая придается в общественном сознании культурному наследию, как достоянию, обеспечивающему сохранение общества, как базе и важнейшему принципу решений многих острейших проблем современной духовной жизни с учетом отбора и интерпретации классических ценностей, отвечающих запросам современности. Только опираясь на наследие, приумножая его, общество способно культурно обогатить и себя, и мировую цивилизацию (Alexander, 1977, Castells, 1989).

Историко-культурное наследие играет огромную роль в формировании культурного пространства. Человек, который вырос во царских палатах или аббатском замке, будет иметь иные ценностные представления, чем человек, который вырос в хижине. На протяжении многих веков ореол места прочно вплетается в процесс формирования культуры и неразрывно связывается с психологическими особенностями личности. Каждая личность с рождения и до смерти существует в определенном историко-архитектурном окружении, и оно является значимым фактором, которое дает объяснение многим социальным, историческим, психологическим, культурным и прочим моментам.

Прошлая политика России по сохранению культурного наследия, несмотря на создание государственных и общественных органов охраны памятников, оказалась мало эффективной. В государственных документах осуждается пассивное

пренебрежительное отношение к культурно-историческим ценностям, а реальная потребность в реставрационных работах обеспечивается недостаточно (Арнольдova, 2003: 14-19). В то же время многие ученые и философы духовный расцвет общества связывают с историко-культурным наследием, и не только с его защитой и сохранением, но главное, с его творческим восприятием и использованием во имя идеалов, необходимых для движения к будущему.

«Историко-культурное наследие – неотъемлемое составляющее общества – выступает из фундаментальных культурных явлений, представляющих не застывшие архивные ценности и склад древностей, а живое культурное пространство, питающее и вдохновляющее живущие поколения, дарящее удивительное богатство духовных ценностей, столь необходимых человеку» (Арнольдova, 2003: 25).

Научной проблемой для нас является сложившееся противоречие, с одной стороны существующих высоких оценок значимости сохранения историко-культурного наследия и использование его, как потенциала для развития региона, со стороны научного сообщества (архитекторов, градостроителей, урбанистов, социологов и пр.), большой интерес среднего и малого бизнеса к этому вопросу, а с другой, отсутствие механизма реализации эффективного управления сохранением ИКН на региональном уровне (Тихонов, 2007).

Цель нашей работы показать значимость разработки и использования отдельных технологий управления сохранением ИКН с учетом социокультурных особенностей региона и уровня его модернизации.

Методология и методы (Methodology and methods). Исследование, на материалы которого мы будем опираться в дальнейшем, проводилось Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН методом анкетирования в 2015-2016 году в 12 регионах, было собрано всего 5452 полевых документа (анкета).

Выборка квотная, пропорциональная весу групп на пересечении признаков «пол» * «возраст» * «образование» в генеральной совокупности этих групп по переписи населения страны (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали 2017).

При анализе оценок населения состояния историко-культурного наследия и деятельности власти в области управления сохранением ИКН в разрезе регионов в нашем исследовании использовалась их группировка по четырём уровням: первая группа – низкий уровень развития (Дагестан, Калмыкия, Смоленская область), вторая – ниже среднего уровня развития (Башкортостан, Омская область, Саха-Якутия), третья – средний уровень развития (Амурская, Белгородская, Вологодская области), четвёртая – высокий уровень развития (Московская, Нижегородская, Свердловская области).

При отборе регионов научная группа пользовалась методикой определения уровней модернизации в её адаптированном Н.И. Лапиным и его коллегами для России виде, в котором определяются шесть уровней модернизированности российских регионов (в порядке возрастания): 1) отстающий, 2) предварительно развитый, 3) ниже среднего, 4) средний, 5) выше среднего, 6) высокий (Атлас модернизации, 2016).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Как уже было отмечено ранее, состояние историко-культурного наследия является значимым аспектом, характеризующим качество управления на региональном уровне. ИКН является социально-культурным ресурсом, грамотное использование которого позволяет не только привлекать финансовые потоки в регион за счет туристической деятельности, но и формировать коммуникативные смыслы, объединяющие население.

Наше исследование показало, что в целом (независимо от региона) женщины склонны оценивать состояние охраны памятников культуры, истории лучше, чем мужчины, в их ответах чаще фигурируют

оценки отлично и хорошо, удовлетворительно, мужчины чаще ставят оценки довольно плохо и очень плохо. Чаще оценку очень плохо ставят респонденты с неполным средним, средним общим и общим специальным образованием, чем респонденты с неполным высшим и высшим. Уровень достатка респондента также имеет значение при оценках состояния сохранения памятников культуры и истории, прослеживается взаимосвязь, материально обеспеченные жители лучше оценивают состояние дел в данной области, материально необеспеченные значительно хуже. Респонденты, демонстрирующие низкий уровень включенности в информационные каналы (реже читающие газеты, просматривающие ТВ, пользующиеся интернетом), чаще ставят оценки довольно плохо и очень плохо состоянию дел с сохранением историко-культурного наследия, чем респонденты, демонстрирующие средний и высокий уровни включенности в информационную среду.

В ходе исследования мы получили два показателя непосредственно характеризующих ситуацию с историко-культурным наследием в регионах. Первый показатель – это оценка состояния дел в области сохранения историко-культурного наследия в регионе, второй показатель – это оценка того, насколько органы власти эффективно руководят решением проблемы сохранения историко-культурного наследия. Чтобы упростить сравнительный анализ, мы объединили ответы респондентов, давших ответ отлично и хорошо и ответы респондентов, оценивших состояние проблемы довольно плохо и плохо (таблица 1 и таблица 2).

Данные показатели существенно отличаются в зависимости от региона. Сначала рассмотрим, как оценивают граждане состояние дел в области сохранения историко-культурного наследия в регионах с высоким уровнем модернизации.

По мнению большинства граждан Свердловской области, ситуация с сохранением историко-культурного наследия в регионе хорошая, так считают 63,6%, удо-

влетворительно ситуацию оценивает 25,7% и плохо 10,7%.

55,0% участников опроса считают, что органы власти руководят решением проблем в области сохранения историко-культурного наследия хорошо, 32,0% оценивают их действия удовлетворительно, а 13,0% плохо.

В Московской области граждан, оценивающих состояние проблемы хорошо 56,6%, удовлетворительно – 30,9%, а плохо – 12,6%. Деятельность органов власти жители московской области оценили чуть хуже, чем положение дел с проблемой, хорошо поставили – 54,6%, удовлетворительно – 30,4%, плохо – 15,0%.

В Нижегородской области состояние дел в области сохранения историко-культурного наследия оценили хорошо 59,3%, удовлетворительно – 30,9%, плохо – 9,2%. Деятельность органов власти была оценена чуть хуже, как и в других регионах с высоким уровнем модернизации, оценку хорошо поставили 52,7%, удовлетворительно – 37,3%, плохо – 10,0%.

В целом все регионы, который мы условно отнесли к высокому уровню модернизации имеют средние показатели по параметру оценки проблемы сохранения историко-культурного наследия и деятельности органов управления в решении данной проблемы.

В регионах, которые мы условно отнесли к среднему уровню модернизации проблема сохранения историко-культурного наследия обстоит следующим образом.

В Республике Башкортостан большее число граждан дало высокие оценки состоянию историко-культурного наследия (73,9%) среди всех изученных регионов, 21,1% населения поставило оценку удовлетворительно и 5% плохо. Оценки деятельности органов власти также оценивались значительно выше, чем в других регионах, хорошо – 66,7%, удовлетворительно – 21,1%, плохо – 5,0%. Таким образом, республика Башкортостан лидирует по данному показателю, разделяя первенство с Белгородской областью.

А вот в двух других регионах со средним уровнем модернизации ситуация с историко-культурным наследием обстоит намного хуже. Омская область имеет худшие показатели по данному параметру среди всех изученных регионов, 46,6% населения считают, что ситуация хорошая, 34,9% – удовлетворительная, а 18,5% дают оценку плохо. Еще ниже оценки дают участники опроса в Омской области деятельности органов власти по сохранению памятников культуры и истории. Хорошо поставили 37,1, удовлетворительно – 39,1%, а плохо 18,5%.

Примерно такая же ситуация и в республике Саха (Якутия). Оценка хорошо состоянию проблемы поставили – 48,8%, удовлетворительно – 39,2, плохо – 12%. Органам власти за деятельность в данной области поставили хорошо – 48,9%, удовлетворительно – 39,1, плохо – 14,0%.

Оценки проблемы сохранения памятников культуры и истории в регионах с средним уровнем модернизации получили сильный разброс. Один регион оказался лидером по данному параметру, а два других региона оказались аутсайдерами.

В регионах, которые мы отнесли к уровню модернизации ниже среднего ситуация с сохранением историко-культурного наследия оценивается достаточно высоко. В Белгородской и Вологодской областях жители высоко оценили, как состояние данной проблемы, так и работу органов власти в данной области (таблица 1 и таблица 2). В Амурской области показатели средние.

Среди регионов, которые мы условно отнесли к низкому уровню модернизации ситуация обстоит лучше в Смоленской области и хуже в республиках Дагестан и Калмыкия (таблица 1 и таблица 2). На наш взгляд, нехватка ресурсов сказалась и на дефиците вложений в сферу историко-культурного наследия.

Подводя итог, мы можем выделить три региона, занявшие лидирующие пози-

ции по сохранению памятников культуры и истории – республику Башкортостан, Белгородскую и Вологодскую область. За ним следуют пять регионов, занявшие средние позиции – Свердловская, Амурская, Нижегородская, Московская и Смоленская области и замыкают рейтинг четыре региона – республики Дагестан, Калмыкия, Саха (Якутия) и Омская область.

Проанализировав ситуацию с состоянием историко-культурного наследия в регионах, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, оценка населением ситуации с сохранением историко-культурного наследия в регионе не зависит от уровня модернизации региона. Так, более высокие оценки по данному показателю дали жители регионов с средним и ниже среднего уровнем модернизации. Во-вторых, безусловно, регионы с богатым наследием Вологодская и Белгородская области имеют преимущества перед Омской и Амурской областями. Но, например, если смотреть показатели Нижегородской, Смоленской областей, республики Калмыкия, также богатых с культурной и исторической точки зрения, то мы видим серьезные упущения в данном вопросе у руководства этих регионов. Поэтому мы не можем настаивать на прямой связи между богатым историческим наследием региона и высокими оценками респондентами его состояния и управления им органами власти. В-третьих, во всех регионах просматривается тенденция, понижения оценок, когда в вопросе, после оценки состояния историко-культурного наследия предлагается оценить качество управления историко-культурным наследием, респонденты склонны давать оценки ниже (см. таблица 1 и таблица 2). Получается, что даже в тех регионах, где дела с данной проблемой обходятся отлично и хорошо, жители склонны занижать оценки, когда речь идет о проблемах управления (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали 2017).

Таблица 1

Оценка населением дел с сохранением историко-культурного наследия в регионе
(в % от общего числа опрошенных)

Table 1

Public perceptions of the situation with preservation of historical and cultural heritage in the region
(in % of the total number of respondents)

Уровень модерни- зации региона*	Регионы	Оценки		
		хорошо	удовлетворительно	плохо
Высокий	Свердловская об- ласть	63,6	25,7	10,7
	Московская область	56,6	30,9	12,6
	Нижегородская об- ласть	59,3	31,5	9,2
Средний	Республика Башкор- тостан	73,9	21,1	5,0
	Республика Саха (Якутия)	48,8	39,2	12,0
	Омская область	46,6	34,9	18,5
Ниже среднего	Белгородская об- ласть	73,6	17,8	8,6
	Вологодская область	70,2	26,6	3,2
	Амурская область	62,5	27,9	9,6
Низкий	Смоленская область	55,4	34,8	9,8
	Республика Дагестан	51,2	39,0	9,8
	Республика Калмы- кия	51,1	34,7	14,3
Итого		60,3	29,5	10,2

Таблица 2

Оценка населением деятельности органов власти по сохранению историко-культурного наследия в регионе (в % от общего числа опрошенных)

Table 2

Public perceptions of the regional administration activities aimed at preservation of historical and cultural heritage in the region (in % of the total number of respondents)

Уровень модерни- зации региона	Регионы	Оценки		
		хорошо	удовлетворительно	плохо
Высокий	Свердловская об- ласть	55,0	32,1	13,0
	Московская область	54,6	30,4	15,0
	Нижегородская об- ласть	52,7	37,3	10,0
Средний	Республика Башкор- тостан	66,7	25,9	7,5
	Республика Саха (Якутия)	48,9	37,1	14,0
	Омская область	37,1	39,1	23,8
Ниже среднего	Белгородская об- ласть	67,2	20,1	12,7
	Вологодская область	66,7	27,0	6,3

Уровень модернизации региона	Регионы	Оценки		
		хорошо	удовлетворительно	плохо
Низкий	Амурская область	58,0	27,9	14,1
	Смоленская область	50,1	36,6	13,2
	Республика Дагестан	48,8	34,1	17,1
	Республика Калмыкия	48,7	35,5	15,8
Итого		55,2	31,6	13,2

Принцип социального участия. Еще в начале XX века в среде архитекторов-градостроителей в ряде западных стран соблюдался принцип социального участия, в основе которого лежит право населения на участие в формировании городской среды. Эта концепция получила развитие в 60-е годы на Западе, в связи с преодолением порочной, как считали многие, практики планирования городского развития, когда интересы потребителя не учитывались, а архитектурно-градостроительные проекты создавались, исходя из «утопического представления о рациональном городе, обитатели которого не живут естественной жизнью, а «реализуют четко разведенные функции»» (Дридзе, 1994: 131). В России же долгое время основной концепцией была (альтернативная принципу социального участия) концепция «соцрасселения», предполагающая существование города «при промышленности», а последующая этому урбанизация привела к растрате практически всех жизненных ресурсов человека.

Главная роль в разработке так называемой «доктрины социального участия» отводится социальным наукам. В ее основе лежит право населения участвовать в формировании городской среды на основе реализации принципа двухстороннего информирования. Специалисты знакомят горожан с разрабатываемыми ими проектами, а горожане, в свою очередь, ставят перед специалистами проблемы, вытекающие из их запросов и условий жизни. Фактически это означает переход от функционального подхода к развитию территории к так называемому «средовому подходу» (Дридзе, 1994: 137).

При таком подходе меняется статус рядового гражданина, он перестает быть объектом решения, вырабатываемого чиновниками и специалистами, и становится субъектом, который имеет свои интересы и права, обоснованные требования к характеру перемен.

Цели социального участия делятся на два класса:

- участие в обсуждении программ обновления и составляющих ее проектов на протяжении их реализации. Это способствует становлению конструктивного диалога между локальными властями и жителями, позволяет им лучше понять позиции и трудности друг друга;
- прямое участие жителей в социокультурных изменениях, образовании собственных локальных общностей (Дридзе, 1994).

Чтобы реализовать принцип социального участия в управлении сохранением ИКН в современных условиях необходима технология, в основание которой могут быть положены принципы технологии прогнозного социального проектирования (разработанные научным коллективом под рук. Т. М. Дридзе), адаптированные для данной предметной области.

Технология прогнозного социального проектирования (основы социокультурного проектирования). Люди как живой организм постоянно поддерживают обмен со средой, поэтому любой противоестественный план сохранения историко-культурного наследия и использование его в развитии города должен предваряться глубокими экологическими и социально-диагностическими исследованиями. Проблема выживания и воспроизводства фи-

зически, психически и нравственно здорового человека в городской среде стоит по-прежнему очень остро.

Социальная диагностика, которая применяется в прогнозном социокультурном проектировании обладает своей спецификой. Она носит комплексный междисциплинарный характер и базируется на приоритетах общественного развития, которые лежат в основе гражданского общества.

«Соответственно, в центре внимания специалистов по прогнозному социокультурному проектированию оказываются, с одной стороны, психологические состояния и жизненные стратегии людей, разрешающих проблемные ситуации с помощью собственных жизненных ресурсов, а с другой «встречные потоки сознания» и институционально подкрепляемые стратегии лиц, принимающих управленческие решения (профессионалов, должностных лиц, инвесторов, других социальных субъектов), являющихся держателями общественных (государственных, территориальных и т.п.) или частных ресурсов» (Дридзе, 1994: 138).

Проективная (или проектная) деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, она предполагает преобразование социокультурной реальности и строится на базе соответствующей технологии, которую возможно унифицировать, освоить и усовершенствовать.

Социальное проектирование требует соблюдения определенных условий, а именно, необходимо учитывать, что наряду с наиболее вероятной тенденцией развития социально-культурных процессов существует наименее вероятная, но возможная тенденция развития; в социально-культурных объектах обычно имеется запас внутренних ресурсов, которые могут быть мобилизованы для решения данной задачи; социально-культурным структурам присуще испытывать значительные деформации, что может быть использовано для реализации предпочитаемого варианта будущего развития; перспективные цели

родственные по содержанию могут быть заменены одна другой; одна и та же цель может быть реализована различными средствами; изменение в одном компоненте социокультурной системы может привести к изменению других; вторичные изменения по средствам обратной связи могут воздействовать на исходный компонент, изменяя его, поэтому необходимо учитывать характер направленности прямых и обратных связей.

При проектировании социально-культурных объектов очень важно учитывать субъективные факторы, которые предполагают специфику проектирования. К ним относятся:

- противоречивость социокультурного объекта;
- многовекторность развития социокультурного объекта;
- невозможность описания социокультурного объекта конечным числом терминов;
- многофакторность функционирования социокультурного объекта;
- наличие множества субъективных составляющих, определяющих соотношение предполагаемого и реального в развитии социокультурного объекта;
- факторы, определяющие разные критерии оценки зрелости развития социокультурного объекта (Долженкова, 2005: 15).

Важнейшим структурным элементом технологии проектирования является исследовательская деятельность, поскольку проектировщик должен, во-первых, знать, видеть реальные проблемы функционирования той или иной объектной области; во-вторых, иметь представление о идеальном состоянии целого и способах его поддержки. Доминирующим методологическим принципом здесь является системный сбор информации о проблемном поле проектирования и создание комплекса информационно-ресурсного обеспечения проекта.

Для этого необходимо последовательно осуществить следующие действия:

- точно определить области проектной деятельности (или приоритетные

направления социально-культурного проектирования) и четко определить аудиторию проекта (социальную категорию или общность людей – носителей проблемы);

- квалифицированно разработать содержательную часть программы, т.е. сформулировать цели и задачи, определить виды социально-культурной деятельности, которые в рамках проекта рассматриваются в качестве средства решения проблем;

- определить социальные силы, заинтересованные в реализации проекта (силы поддержки, потенциальных и реальных партнеров, источники финансирования) (Дридзе, 1994; Долженкова, 2005).

Заключение (Conclusions). Управление историко-культурным наследием – это непрерывный процесс. Пятнадцатилетний опыт изучения данного процесса Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН позволяет сказать, что система управления, к сожалению, до сих пор не выверена и не настроена, как с точки зрения законодательства, так и в процессуальном аспекте на положительный результат. Нет четких границ ответственности заинтересованных сторон. Участие населения, как непосредственно заинтересованного субъекта в развитии города, региона, государства сознательно и планомерно ограничивается или даже блокируется.

Практически единственная возможность применять мировой опыт в восстановлении, эффективном управлении, а также успешном использовании объектов культурного наследия не только на благо самого памятника, но и для территориальной единицы, в которой этот объект расположен – это, прежде всего, приватизация памятника бизнес-энтузиастами, финансово состоявшимися и не имеющими цели получить от данного объекта серьезной коммерческой выгоды (Hillier, Vaughan 2006; Jeffres, Bracken, Jian, Casey 2009). Связано это, в первую очередь, со сложнейшим и неповоротливым регламентом проведения любых работ по сохранению или реставрации объектов, а также огромной административной надстройкой в лице

контролирующих деятельность профильных ведомств и организаций.

В итоге основная деятельность системы управления ИКН сводится к карательно-контролирующим мероприятиям, вместо создания максимально прозрачных и привлекательных условий для малого и среднего бизнеса. По оценкам ряда экспертов государство в состоянии финансировать реставрацию объектов ИКН не более чем на 15% от совокупного необходимого объема на основании зарубежного опыта. Между тем, памятники культуры объективно выступают конкурентным преимуществом в разрезе социокультурной модернизации регионов и, по логике вещей, регионам не имеющим сильной промышленности следовало бы сосредоточиться на создании системы защищающей интересы инвесторов и увязывающей их с интересами местных жителей. Сделать это возможно используя комплекс мер, с одной стороны, организуя постоянный мониторинг запросов населения на те или иные виды коммерческой/ социокультурной и иной деятельности в конкретной точке города/населенного пункта, предоставляя эти данные в открытых источниках, с другой стороны, реализуя технологию социального участия всех заинтересованных сторон в управлении сохранением ИКТ.

Список литературы

- Арнольдов А. И. Культурное наследие: открытие миру. Лекция. М., 2003.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016.
- Долженкова М. И. Социально-культурное проектирование. Тамбов: Першина, 2005.
- Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131-138.
- Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. Пер. с нем., предисловие, примечания И. И. Маханькова. М.: Айрис-Пресс, 2004.

Моруа А. Надежды и воспоминания. Пер. с фр. В.А. Мильчиной. М.: Прогресс, 1983.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.

Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015.

Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / [К. В. Быков и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014.

Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007.

Феномен культурного пространства / О. В. Гуткин, Е. В. Листвина, Г. Н. Петрова, О. А. Семенищева. Саратов: Научная книга, 2005.

Alexander C. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. Oxford University Press, 1977.

Castells M. The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process. Blackwell, 1989.

Hillier B., Vaughan L. The city as one thing // Progress in Planning. 2007. 67 (3). Pp. 205-230.

Jeffres L.W., Bracken C.C., Jian G., Casey M.F. The Impact of Third Places on Community Quality of Life // Applied Research in Quality of Life. 2009. № 4. Pp. 333-345.

References

Arnol'dov, A. I. (2003), *Cultural heritage: opening to the world*, Lectons, Moscow, Russia. (In Russian).

Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: a collective scientific work (2016), in Lapin, N. I. (ed.), Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Dolzhenkova, M. I. (2005), *Social and cultural design*, Pershina, Tambov, Russia. (In Russian).

Dridze, T. M. (1994), "Man and the urban environment in the forecast social design", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (1), 131-138. (In Russian).

Jonas, G. (2004), *A principle of responsibility. Ethics experience for technological civilization*, Translated by Makhan'kova, I. I., Airis-press, Moscow, Russia. (In Russian).

Morua, A. (1983), *Hopes and memories*, Translated by Mil'china V. A., Progress, Moscow, Russia. (In Russian).

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Sociology of management: strategies, procedures and research results (2010), in Tikhonov, A. V. (ed.), "Kanon+", ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia. (In Russian).

Sociology of management: Theoretical and applied dictionary, (2015), in Tikhonov, A. V. (ed.), Krasand, Moscow, Russia. (In Russian).

Sociology of management: fundamental and applied knowledge (2014), in Tikhonov, A. V. (ed.), "Kanon+", ROOI "Reabilitatsia", Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2007), *Sociology of management*, "Kanon+", ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia. (In Russian).

The phenomenon of cultural space (2005), Nauchnaya kniga, Saratov, Russia. (In Russian).

Alexander, C. (1977), *A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction*, Oxford University Press.

Castells, M. (1989), *The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process*, Blackwell.

Hillier, B. and Vaughan, L. (2007), "The city as one thing", *Progress in Planning*, 67 (3), 205-230.

Jeffres, L. W., Bracken, C. C., Jian, G. and Casey, M. F. (2009), "The Impact of Third Places on Community Quality of Life" *Applied Research in Quality of Life*, (4), 333-345.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шилова Валентина Александровна, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Центра социологии управления и социальных технологий Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Быков Кирилл Владимирович, научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Valentina A., Shilova, Leading Researcher, Scientific Secretary, Center for Sociology of

Management and Social Technologies, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Kirill V. Bykov, Researcher, Center for Sociology of Management and Social Technologies, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-14

Щербина В. В.

Теоретико-методологические основания рационализации управленческой деятельности: к разработке программы реформирования отечественной системы управления

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
sherbina.vyacheslav@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4700-6560>

*Статья поступила 8 ноября 2018 г.; Принята 15 декабря 2018 г.;
Опубликована 30 декабря 2018 г.*

Аннотация. Статья состоит из двух частей. Здесь публикуется первая, которая посвящена анализу классических концепций рационализации управленческой деятельности. Вторая часть рассматривает проблему формирования современной модели рациональности социального управления и будет опубликована в следующем номере. В первой части сделана попытка прояснить смыслы терминов «рациональность» и «рационализация» в их привязке к проблематике современного управления и «рационализирующим управленческим технологиям» в связи с историческим опытом теоретизирования и исследований в этой сфере науки и практики. При этом мы исходим из представления, что уточнение термина «рационализирующие управленческие технологии» возможно только через его соотнесение с терминами «рациональность» и «рационализация», на основе теоретико-методологических подходов, содержащихся в работах классиков социологической мысли. Эта позиция имеет большое теоретико-методологическое и практическое значение в связи с исследованиями проблемы реформирования отечественной системы управления в условиях современных вызовов Центром социологии и управления ИС РАН. Говоря о взаимосвязанности указанных терминов, мы рассматриваем термин «рациональность» как базовое понятие по отношению к позже возникнувшему термину «рационализация». К тому же этот термин на сегодняшний день в гораздо большей степени проработан, прояснен и более однозначен, чем термин «рационализация». Он происходит от латинских терминов *ratio* – разум и *rationalis* – разумный. В широком смысле термин «рациональный» рассматривается в европейской традиции применительно к человеческому поведению как близкий по смыслу к таким понятиям, как «логически обоснованный» или «научно обоснованный». Особый интерес к проблеме рационализации управленческой деятельности проявляется в современной России.

Ключевые слова: разумное, традиционное и аффективное социальное действие; узкая трактовка рационализации; два типа рационализации у Ю. Хабермаса: а) деятельности и б) рационализации системы взаимодействий, «рациональность коммуникативного действия»; логика перестройки системы управления у Тейлора; принципы рационализации управленческой деятельности в современной России.

Информация для цитирования: Щербина В. В. Теоретико-методологические основания рационализации управленческой деятельности: к разработке про-

граммы реформирования отечественной системы управления // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 165-174. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-14

Vyacheslav V.
Shcherbina

Theoretical and methodological foundations of rationalization of administrative activities: developing a program of reforming the national management system

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskiy St., Moscow, 117218, Russia
sherbina.vyacheslav@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4700-6560>

*Received on November 8, 2018; Accepted on December 15, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. The article consists of two parts. Here is published the first one, which is devoted to the analysis of classical concepts of management rationalization. The second part considers the problem of forming a modern model of rationality of social management and will be published in the next issue. The first part attempts to clarify the meaning of the terms "rationality" and "rationalization" in their relation to the problems of modern management and "rationalizing management technologies" in connection with the historical experience of theorizing and research in this field of science and practice. At the same time, we proceed from the idea that clarification of the term "rationalizing management technologies" is possible only through its correlation with the terms "rationality" and "rationalization", on the basis of theoretical and methodological approaches contained in the works of the classics of sociological thought. This position is of great theoretical, methodological and practical importance in connection with the research of the problem of reforming the domestic management system in the context of modern challenges by the Center for Sociology and Management of IS RAS. Speaking about the coherence of the specified terms, we consider the term "rationality" as a basic concept in relation to the later emerged term "rationalization". In addition, the term is now much more developed, clarified and unambiguous than the term "rationalization". It comes from the Latin terms *ratio* – *reason* and *rationalis* – *reasonable*. In a broad sense, the term "rational" is considered in the European tradition in relation to human behavior as close in meaning to such concepts as "logically reasonable" or "scientifically justified". Particular interest in the problem of rationalization of management activity is manifested in modern Russia.

Keywords: reasonable; traditional and affective social action; narrow interpretation of rationalization, two types of rationalization have of Jürgen Habermas: a) activities and b) rationalization of the system of interactions; "rationality of communicative action"; logic of reorganization of a control system at Taylor; the principles of rationalization of administrative activity in modern Russia

Information for citation: Shcherbina, V. V. (2018), "Theoretical and methodological foundations of rationalization of administrative activities: developing a program of reforming the national management system", Research Result.

Sociology and management, 4 (4), 165-174, DOI: ...10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-14

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* В статье сделана попытка прояснить смыслы терминов «рациональность» и «рационализация» в их привязке к проблематике управления и к «рационализирующим управленческим технологиям» в связи с историческим опытом теоретизирования и исследований в этой сфере науки и практики. При этом мы исходим из представления, что уточнение термина «рационализирующие управленческие технологии» возможно только через его соотнесение с терминами «рациональность» и «рационализация», на основе теоретико-методологических подходов, содержащихся в работах классиков социологической мысли. Эта позиция имеет большое теоретико-методологическое и практическое значение в связи с исследованиями Центра социологии и управления ИС РАН и разработкой в экспериментальном порядке Программы реформирования отечественной системы управления в связи с новыми историческими условиями модернизации развития страны и регионов.

Методология и методы (Methodology and methods). В основу работы был, во-первых, был положен анализ теоретических представлений о сущности рациональности и рационализации, восходящих к XVII-XVIII вв., во-вторых, представления об этих феноменах, прослеживающихся в работах М. Вебера и Ю. Хабермас; в-третьих в теоретические разработки управленцев практиков занятых проблемами рационализации управленческой деятельности (Ф. Тейлор, А. Файоль, Л. Орвик, Л. Гюлик и др.) в-четвертых, в положения «теории рационального выбора»; в-пятых, в разработки ученых, фиксирующих границы рациональности (Г. Саймон, Дж. Марч, Ч. Линдблом, Дж. Куинн, Ч. Линдблом), в-шестых, пытаюсь определить характеристики теории рационального выбора, я опирался опираясь на работы Дж. Цебелиса.

Говоря о взаимосвязанности указанных терминах, мы рассматриваем термин «рациональность» как базовое понятие по отношению к позже возникнувшему термину «рационализация». К тому же этот термин на сегодняшний день в гораздо большей степени проработан, прояснен и более однозначен, чем термин «рационализация». Он происходит от латинских терминов ratio – разум и rationalis – разумный. В широком смысле термин «рациональный» рассматривается в европейской традиции применительно к человеческому поведению как близкий по смыслу к таким понятиям, как «логически обоснованный» или «научно обоснованный». Термин «рациональность» вошел в научный оборот и стал популярным в XVII-XVIII вв. в философской и научной традиции рационализма, которая связана с именами Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница и др. В рамках этого направления рациональность рассматривалась как ключевой фактор, определяющий человеческое поведение, а иногда и мироустройство. Сам же рационализм противопоставлялся либо религиозному догматизму, либо иррационализму и сенсуализму (Рационализм, 1990: 1117). С этого периода, сохраняя свое смысловое ядро, термин «рациональность» в том или ином контексте употреблялся в различных философских, научных концепциях и схемах, а также в практических (инженерных, экономических, социально-политических и управленческих) разработках.

В классических концепциях рациональности авторами выделяются разные типы рационального поведения. Так, М. Вебер выделяет «целерациональное» и «ценностно-рациональное» поведение, а Ю. Хабермас (значительно позже) предлагает свой тип рациональности, который именует «коммуникативной рациональностью». Если же говорить о термине «рационализация», то следует отметить, что сегодня существует достаточно большое количество его трактовок. Характерно то, что

все они говорят о рационализации как о процессе трансформации «традиционного» (в социологическом смысле) поведения или традиционных способов деятельности людей в поведение или деятельность, построенные на рациональной (разумной) основе. Сразу же отметим два факта.

Первый, что смысл этого термина в гораздо меньшей степени проработан и очевиден, чем смысл термина «рациональность». Второй, что, несмотря на определенное сходство в понимании этого процесса, на сегодняшний день можно выделить как минимум две явно различающиеся (хотя определенным образом и связанные между собой) трактовки содержания этого термина – «широкую» и «узкую». Хотя обе эти трактовки термина «рационализация» генетически взаимосвязаны, я считаю необходимым рассмотреть их отдельно.

Формирование *широкой трактовки термина «рационализация»* связано с работами М. Вебера и произошло на рубеже XIX-XX вв., и обычно используется для обозначения специфического поэтапного, масштабного, достаточно длительного и многофакторного исторического процесса, протекавшего (а в некоторых трактовках термина – и сейчас протекающего) на протяжении нескольких столетий в ряде стран Западной Европы (Вебер, 1990 а). Иногда этот термин использовался и для описания исторических процессов, протекающих (или протекавших) в странах, лежащих за пределами Европы. Тогда этот процесс связывают с масштабной социокультурной и социально-экономической модернизацией тех или иных обществ (Тихонова, Аникин и др., 2007).

Характерно, что в качестве главного итога этого процесса обычно одни рассматривают формирование особого типа общества – общества западного капитализма», другие – «индустриального общества».

Если же говорить о специфике «широкого взгляда» на процесс рационализации, то можно выделить следующие черты его понимания: это не спланированные за-

ранее, а во многом спонтанно протекающие процессы, наблюдаемые в определенных частях мира и процессы, протекающие не в одной, а сразу в нескольких сферах жизнедеятельности.

Если говорить о современном содержании терминов «рациональность» и «рационализация», то особую роль во введении этого термина в научный оборот, безусловно, сыграл Вебер. Его представления о сущности и смысле рационализации существенно повлияли на все современные представления об этом феномене (см. (Вебер, 1990 а), к комментариям других авторов по поводу его работ на эту тему, а также к иным трактовкам понятий «рациональность» и «рационализация» (Гайденко, Давыдов, 1991; Рационализм, 1990; Рослякова, 2003; Соколова, 2003)).

Поскольку интерес к смыслу термина «рационализация» продиктован задачей уточнения специфики термина «рационализирующие социальные технологии», считаем важным воссоздать основные положения концепции рационализации, опираясь в первую очередь на представления о рационализации Вебера. При этом нами используются материалы, содержащиеся в работах самого Вебера («Протестантская этика и дух капитализма», «Три типа господства», «Основные понятия социологии», «О некоторых категориях понимающей социологии» и др. (Вебер, 1990 а, 1990 б)), а также работы ряда отечественных специалистов, занимавшихся в том или ином контексте изучением наследия Вебера (Гайденко, Давыдов, 1991; Кравченко, 1997; Масловский, 1997; Рослякова, 2003; Соколова, 2003; Тихонова, Аникин и др., 2007).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Веберовская трактовка рациональности стала отправной точкой для развития современных представлений о рациональности и заложила фундамент для разработки *узкой трактовки рационализации*. Однако взгляд Вебера на феномен рационализации существенно отличается от более поздних трак-

товок рациональности в узком смысле. Отметим наиболее значимые отличия.

В рамках многих современных теоретических схем, трактующих рационализацию как процесс, направленный на повышение рациональности, последняя часто рассматривается как механизм работы с решениями, обеспечивающий «максимизацию эффекта полезности» в качестве итога предпринятого действия. Что же касается самого Вебера, то он не только не связывал рациональное поведение с этим эффектом, но и рассматривал полностью рациональное поведение человека как невозможное в реальности. Представление о рациональности он использовал как некий ориентир, как идеальный тип, с которым можно было соотносить реальное поведение людей, что позволяло рассматривать степень приближения к этому ориентиру реально действующих акторов.

Саму возможность движения в сторону рационализации поведения (или рационального действия индивида) Вебер связывал со степенью обоснованности (научной или логической) принимаемых людьми решений, которую часто соотносил с информированностью действующего лица.

Рациональные действия (и соответственно рациональное поведение) Вебер рассматривал в контексте и в границах своих представлений о человеческом поведении и человеческих решениях, которые входили в базовое понятие его концепции – «социальное действие».

В его понимании любые социальные действия (в число которых входили и рациональные) рассматривались Вебером как действия, в той или иной мере осмысленные и ориентированные на социального «другого». При этом признавая, что предлагаемая им типология условна, Вебер выделил четыре мысленно возможных «чистых» типа действий. В качестве таковых он называл: традиционное, аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное.

Считая два последних из названных типов социальных действий разумными,

или рациональными, он противопоставлял их первым двум – «традиционному социальному действию», трактуя его как слабоосмысленное (бездумное, по привычке), поскольку оно воспроизводило сложившиеся ранее формы принятого в социуме поведения, и «аффективному социальному действию», отправной точкой для совершения которого служили эмоциональные переживания индивида, что, по Веберу, делало такое действие недостаточно осмысленным и разумным.

Хотя к рациональным социальным действиям Вебер относил два названных выше существенно различающихся между собой типа социальных действий, лишь одно из них – «целерациональное действие» – он рассматривал как реально претендующее на звание полноценно рационального.

Важнейший признак «целерационального действия» у Вебера состоит в том, что только в нем четко определялись и разводились процессы, связанные с определением «целей» и с выбором «средств», обеспечивающих их достижение. При этом рассмотрение «целерациональности» как типа социального действия объяснялось тем, что и люди, и их действия здесь выступали и средством, и главным ресурсом, необходимым для достижения поставленных целей. Ориентация же при достижении поставленной цели на привлечение, использование и понимание других людей, а также на использование их умений и навыков для достижения цели в этом типе действия рассматривалась как условие целедостижения.

Важно отметить, что именно этот тип рационального действия оказал сильное влияние на современные представления о проблеме рационализации деятельности в бизнес-организациях, особенно менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами.

«Ценностно-рациональный» тип социальных действий рассматривался им в качестве рационального с большими оговорками. Характерно, что сегодня этот тип действия обычно не рассматривают как

рациональный. Дело в том, что и сам Вебер трактовал его как базирующийся не на расчете, а на вере, основанием которой являются религиозные, идеологические, этические, эстетические или другие ценности.

Специфика такого действия, по Веберу, состоит в том, что цели и средства здесь не разведены, а поступки, совершаемые в рамках этой схемы действия, рассматриваются как самоценные. Социальные действия такого типа изначально не ориентированы на выгоду или успех. Само же действие (поведение), предпринимаемое в такой логике, во многом ритуально и связано с представлением об исполнении долга.

Именно представление Вебера о целерациональности позволило классикам сформулировать тезис о том, что в реальной социальной практике рациональное поведение находит свое наиболее полное воплощение в «формальной рациональности». Последнюю он не случайно связывал с признаком «калькулируемости», понимаемой как фактическая возможность применения расчетов в хозяйстве.

Хотя попытки развития и корректировки представлений Вебера о рационализации делались многими специалистами, наиболее значимы и интересны на сегодняшний день коррективы, внесенные в эти представления Ю. Хабермасом. При разработке концептуальной части работы были использованы работы Дж. Ритцера, Ю. Хабермаса и К. Маркса (Хабермас, 2005; Habermas, 1971; Энгельс, 1949; Ритцер, 2002).

Говоря о проблемах «рационализации» и типах рациональности, необходимо выделить и рассмотреть позицию Хабермаса (вторая половина XX в.). Несмотря на то, что осуществление его научной деятельности отделяет от Вебера (начало XX в.) значительный отрезок времени, Хабермас также сделал проблему рационализации предметом своего особого рассмотрения и создал собственную версию понимания сути и типов рационализации в ее широком понимании, т.е. как фактора, лежащего в основе многолетних историче-

ских процессов. Схему же рационализации, предложенную Вебером, Хабермас сделал объектом своей критики.

Как и Вебер, Хабермас считал рационализацию фактором, предопределившим векторы и логику протекания известных исторических процессов в Европе. Обращаясь к этой проблеме, будучи представителем особой версии неомарксизма (Франкфуртской школы), он, как Маркс и Вебер, рассматривал исторические процессы, протекающие в Европе, как поэтапные и обусловленные действием некоего единого мощного фактора.

Однако, конструируя свои представления о процессе рационализации и ставя перед собой задачу, реанимировать то, что принято называть историческим материализмом, Хабермас в основу своих рассуждений положил критику одного из важных и сходных теоретических положений социально-исторической концепции Маркса. Маркс, по его мнению, ошибался, когда, объясняя логику исторических процессов в Европе, сводил ее к развитию производительных сил общества и поэтапному освобождению труда. Апеллируя к положениям марксовской теории социально-экономических формаций, он утверждает, что Маркс, рассматривая изменения в сфере трудовых отношений в социуме как базовые для объяснения протекающих в обществе глобальных социальных процессов, сосредоточивает основное внимание на том же типе рационального действия, что и Вебер – т.е. на «целерациональном действии» (Ритцер, 2002, Habermas, 1971).

Именно с этим типом социального действия и Маркс, и Вебер, по Хабермасу, связывают, с одной стороны, процесс развития производительных сил, а с другой – то, что сегодня часто именуют «фростом технологического контроля над жизнью» (Ритцер, 2002).

В противовес позиции Маркса и Вебера Хабермас принципиально выделяет два возможных типа рационализации: а) *рационализацию деятельности* (то, что Вебер связывал с «целерациональностью»); б) *рационализацию системы взаи-*

модействий, социальных отношений (или «рациональность коммуникативного действия»). И социальное, и экономическое развитие общества Хабермас связывает не столько с целерациональным, сколько с коммуникативно-рациональным действием (Habermas, 1971).

Содержание коммуникативно-рационального действия, по Хабермасу, состоит не в обеспечении выгоды и целедостижения, а в обеспечении достижения понимания между людьми и социальными группами (согласование планов и действий, стратегий). Соответственно, основную функцию рационализации этого типа он видит в преодолении искажений в сфере социальных коммуникаций.

Основная задача этого типа рационализации сводится в его представлении к поэтапному освобождению процессов социальных коммуникаций от существующих социальных ограничений – к снятию ограничений на общение. При этом именно с развитием коммуникативной рациональности (в первую очередь в сфере политических изменений) он отождествляет и решение проблем развития самой «целерациональности» (Хабермас, 2005; Ритцер, 2002).

Говоря о существовании двух принципиально различающихся типов рациональности, он выделяет в каждом из них два подтипа. В рамках целерационального действия: инструментальное – единичное целеориентированное действие и стратегическое – предусматривающее согласование позиций, действующих акторов. В рамках коммуникативной рациональности: предварительно обсужденную коммуникативную деятельность и дискурс – идеальную форму построения коммуникации (Ритцер, 2002).

Таким образом, начиная с определенного момента, термин «рационализация» утрачивает единый смысл. А применительно к рационализирующим социальным технологиям можно говорить о двух версиях рационализации: целерациональности, идущей от Вебера, и коммуника-

тивной рациональности, идущей от Хабермаса.

Каждая из этих версий включала серию различающихся трактовок этого феномена, а также схем и методологий подготовки рациональных решений и действий, применяемых в сфере управления. Первая версия понимания рациональности в управлении получила в теории решений название «нормативной теории управленческих решений». Вторая ассоциируется с моделью решений, известной как «концепция ограниченной рациональности администратора». При этом сторонники каждой из них по-разному определили для себя сущность рационализации, а также возможности, перспективы, границы и зоны ее применения в управлении.

Если говорить о первых систематических, осмысленных и достаточно успешных попытках практической активизации процессов, стоящих за таким пониманием термина «рационализация», то следует отметить следующее. Практически все эти попытки были связаны либо с инженерной, либо с управленческой практикой. Первоначально они наблюдались в странах западноевропейской культуры и были связаны с деятельностью, осуществляемой в рамках крупных промышленных, коммерческих и промышленно-коммерческих предприятий. Становление этих процессов приходится на период с 1870-х по 1940-е гг.

Интерес к проблемам рационализации труда в локальном масштабе (особенно к тому, что позже будет именоваться рационализацией самой управленческой деятельности) дал импульс к созданию нового направления управленческой деятельности – менеджмента (Тейлор, 1991, 1992). Вектор и логика развития этого направления были заданы группой теоретизирующих управленцев-практиков, обслуживавших промышленные предприятия с начала XX в. в США, в развитых странах Западной Европы, позже – в некоторых странах Восточной Европы, включая Польшу и Советскую Россию (затем СССР).

Говоря о теоретизирующих управленцах-практиках, озабоченных проблемой рационализации управления на крупных предприятиях, нельзя не отметить, что на этапе формирования этого направления деятельности фактически всех их, как правило, причисляли к представителям классической школы в теории организации и управления. Причем чаще всего речь шла о том ответвлении этой школы, которое в нашей стране известно, как «движение за научную организацию труда» на предприятиях (или НОТ). Именно эти специалисты заложили основы тех направлений деятельности, которые сегодня относят к менеджменту и управленческому консультированию, создали первые принципы и модели, рационализирующие систему управления в крупных деловых организациях, первые управленческие технологии и инновационные проекты, ориентированные на решение задач рационализации управления.

В связи с этим представляется особенно важным выделить и обозначить методологическую позицию родоначальника этого движения и, по сути, первого менеджера – Ф.У. Тейлора. Последний сформулировал серию тезисов, отражающих суть того, что сегодня понимается под рационализацией как базовой, так и собственно управленческой деятельности.

Формируя ориентиры и логику рационализации управления, он рассматривал людей одновременно и как единственно возможный объект управления на предприятии, и как особо ценный ресурс управления, при этом не идеализируя их. Исходя из сказанного, формируемая им система управления должна была выстраиваться (и выстраивалась им) под реального работника, с которым на данном уровне управления ему приходилось фактически иметь дело.

Положив в основу логики перестройки системы управления принцип рационализации управленческой деятельности, Тейлор выдвинул в качестве ориентира планируемых изменений задачу формирования таких условий для работы рядового

исполнителя, при которых наличный потенциал реального рядового рабочего (в его случае – чаще всего низкоквалифицированного, не идентифицирующего себя с предприятием и изначально слабомотивированного на деятельность и т.д.) мог бы быть использован как можно полнее.

Организуя труд рабочих и рационализируя их деятельность, Тейлор одновременно решал задачу рационализации труда самих управленцев. Последние теперь должны были взять на себя все функции по организации, программированию, нормированию, технологическому обеспечению и контролю за деятельностью рабочих. Теперь система управления перестраивалась так, чтобы многочисленные недостатки, типичные для реальных людей, занятых низкоквалифицированной работой на низовых уровнях организации, в максимальной степени были компенсированы перестроенной им сложной и многофункциональной системой управления, берущей на себя все функции по организации и рационализации деятельности рабочих.

Под эту задачу Тейлором выстраивалась и вся его работа, связанная с рационализацией самой управленческой деятельности. Именно тогда и была выделена принципиально новая группа инновационных управленцев, занятая рационализацией деятельности самих управленцев, получившая название менеджеров (Тейлор, 1991, 1992).

К числу других ярких западных специалистов, занимавшихся в тот период рационализацией управленческой деятельности отдельных предприятий, могут быть отнесены такие, как Х. Эмерсон, Г. Форд, Дж. Муни, А. Рейли, А. Файоль, Л. Гюлик, Л. Орвик, В. Котторбинский (Гвишиани, 2007; Тейлор, 1991, 1992; Управление – это наука..., 1992; Файоль, 1992; Форд, 1992). Из числа же отечественных специалистов, работавших в этом направлении, особо можно выделить таких, как И. М. Бурдянский, Н. А. Витке, А. К. Гастев, Ф. Р. Дунаевский, О. А. Ерманский, П. М. Керженцев, Е. Ф. Розмирович и др.

(Кравченко, 2010; У истоков НОТ..., 1990).

Заключение (Conclusion). Подведём итоги обзора проблемы рационализации управленческой деятельности с позиций исследования проблем реформирования отечественной системы управления в свете майского Указа Президента РФ¹ ((Указ Президента РФ, 2012). В разработке Программы реформирования нам следует учесть следующее:

1. Сама задача рационализации, осуществляемая в логике целерациональности, применительно как к масштабным социальным процессам (например, социально-экономической модернизации общества), так и к локальным (например, рационализации системы управления и управленческой деятельности на предприятии) является не менее актуальной сегодня, чем была несколько десятков лет назад, особенно для современного этапа развития страны.

2. Несмотря на критику радикального рационализма, модель целерационального действия остается очень востребованной именно в практике российской модели управления и может быть осуществлена в разных версиях.

3. Трактовка содержания, логики и условий протекания процесса подготовки рациональных решений в сфере управления и политики существенно трансформировалась более чем за сто лет, прошедших с момента введения в научный оборот термина «рационализация» на Западе и требует уточнения и адаптации с учётом российского опыта.

4. Самым существенным изменением, произошедшим в трактовке рационализации со времен Вебера и представителей классической школы управления, следует признать, наряду с рационализацией деятельности (целерациональностью), выделение рациональности «коммуникативного

действия».

5. Понимание рационализации в широком (историко-стратегическом) – ориентированном на задачи модернизации – и в узком (локальном) смысле тесно связаны между собой. Рационализация в этих сферах всегда предполагает рационализацию деятельности управления и особенно на современном этапе модернизации в российских регионах.

6. Локальная рационализация управления по версии целерационального действия, смысл которого состоит в том, чтобы повысить адекватность используемых средств поставленной цели, реально находит особенно широкое применение в экономике и в той версии управления деловыми организациями, которая именуется менеджментом.

7. Локальная рационализация управления по версии коммуникативного социального действия находит наиболее полное воплощение и применение в сфере социальной политики. Требуется найти их сочетание, исходя из специфики социокультурной модернизации регионов.

8. Активная и целенаправленная работа по рационализации деятельности в сфере управления в сочетании с социальной ориентированностью изначально предполагает создание специфических управленческих технологий, прямо направленных на рационализацию управления. Речь идет о рационализирующих социальных технологиях, применяемых в управлении и об экспериментальной работе по их разработке и внедрению.

9. Именно под задачи практики управления деловыми организациями реально возникли два типа рационализирующих социальных технологий: *инструментальные* – направленные на решение конкретной управленческой задачи при управлении человеческими ресурсами (в веберовской логике целерационального социального действия); и *стратегические* – предполагающие соотнесение и взаимoadaptацию разноориентированных программ различных акторов, участвующих в действии, а также формирование на этой

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: <http://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения: 13.12.2018).

основе программы действия, разделяемой в той или иной мере всеми участниками взаимодействия (в хабермасовской логике коммуникативной рациональности).

10. Разработка социальных технологий как в первой, так и во второй логике является сегодня в мире и особенно для нас одной из нерешенных и самых острых проблем в управлении не только в отношении деловых организаций, но и в отношении постановки и решения задачи реформирования всей системы отечественного управления исходя из нового исторического этапа развития страны.

Список литературы

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990 а.

Вебер М. Три типа господства // Двадцать два. М.: Иерусалим, 1990 б. № 72. С. 181-194.

Гайденок П. П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.

Гвишиани Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. М.: Канон, 2007.

Кравченко А. И. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. М.: На Воробьевых горах, 1997.

Кравченко А. И. История социально-экономической мысли в России. М.: Академический проект, 2010.

Маркс К. Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1, 2. М.: Политиздат, 1949.

Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Нижний Новгород: НГУ, 1997.

Рационализм // Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 1117.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

Рослякова Е. Е. Рационализация // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 315-316.

Соколова Г. Н. Рационализация // Социология. Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003. С. 836-837.

Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991.

Тейлор Ф. Менеджмент. М.: Контроллинг, 1992.

Тихонова Н. Е., Аникин В. А., Горюнова С. В., Лежнина Ю. П. Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX – начала XX в. // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2007. № 24/25. С. 102-129.

У истоков НОТ. Забытые дискуссии и нереализованные идеи. Л.: ЛГУ, 1990.

Управление – это наука и искусство: сборник / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тэйлор, Г. Форд. М.: Республика, 1992.

Файоль А. Общее промышленное управление. М.: Контроллинг, 1992.

Форд Г. Сегодня и завтра. М.: Контроллинг, 1992.

Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис. 2005.

Habermas J. Towards Rational Society. L., 1971.

References

Veber, M. (1990), *Selected works*, Progress, Moscow, Russia. (In Russian).

Veber, M. (1990), *Three types of domination*, Jerusalem, Moscow, Russia. (In Russian).

Gaidenko, P. P. and Davydov, Yu. N. (1991), *History and rationality. The sociology of Max Weber and Weber's Renaissance*, Politizdat, Moscow, Russia. (In Russian).

Gvishiani, D. M. (2007), *Selected works on philosophy, sociology and system analysis*, Kanon, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, A. I. (1997), *The Sociology of Max Weber. Labor and Economics*, Na Vorobevykh Gorakh, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, A. I. (2010), *History of socio-economic thought in Russia*, Akademicheskii projekt, Moscow, Russia. (In Russian).

Marx, K. and Engels, F. (1949), *Selected works*, 1-2, Politizdat, Moscow, Russia. (In Russian).

Maslovsky, M. V. (1997), *Max Weber's theory of bureaucracy and modern political sociology*, NGU, Nizhny Novgorod, Russia. (In Russian).

“Rationalism” (1990), *Soviet encyclopedic dictionary*, Soviet encyclopedia, Moscow, Russia. (In Russian).

Ritzer, G. (2002), *Modern sociological theories*, Piter, Saint-Petersburg, Russia. (In Russian).

Roslyakova, E. E. (2003), “Rationalization”, *Sociological encyclopedia*, 2, Mysl, Moscow, 315-316. (In Russian).

Sokolova, G. N. (2003), "Rationalization", *Sociology. Encyclopedia*, Knizhnyi dom, Minsk, Belarus Republic, 836-837. (In Russian).

Taylor, F. (1991), *Principles of scientific management*, Kontrolling, Moscow, Russia. (In Russian).

Taylor, F. (1992), *Management*, Kontrolling, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V., Anikin, V. A., Goryunova, S. V. and Lezhnina, Yu. P. (2007), "The modernization concept in the thought of sociological classics of the second half of the XIX-early XX century", *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 24/25, 102-129. (In Russian).

At the beginnings of NOTES. Forgotten discussions and unrealized ideas (1990), Lenin-grad, Russia. (In Russian).

Fayolle, A., Emerson, G., Taylor, F. and Ford, G. (1992), *Management is science and art: a collection of works*, Respublika, Moscow, Russia. (In Russian).

Fayolle, A. (1992), *General industrial management*, Kontrolling, Moscow, Russia. (In Russian).

Ford, G. (1992), *Today and tomorrow*, Kontrolling, Moscow, Russia. (In Russian).

Habermas, J. (2005), *Political work*, Praksis, Moscow, Russia. (In Russian).

Habermas, J. (1971), *Towards Rational Society*, London, England.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Щербина Вячеслав Вячеславович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Vyacheslav V. Shcherbina, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.